

Мордовцев Даниил Лукич

Державный плотник

Даниил Лукич МОРДОВЦЕВ

ДЕРЖАВНЫЙ ПЛОТНИК

Исторический роман

=====

А н н о т а ц и я р е д а к ц и и: Творчество писателя и историка Даниила Лукича Мордовцева (1830 - 1905) обширно и разнообразно. Его многочисленные исторические сочинения, как художественные, так и документальные, написанные, как правило, с передовых, прогрессивных позиций, всегда с большим интересом воспринимались современным читателем, неоднократно переиздавались и переводились на многие языки. Из богатого наследия писателя в сборник вошли произведения, тематически охватывающие столетие русской истории: "Сиденье раскольников в Соловках" (конец XVII века), "Державный плотник" (о Петре I) "Наносная беда" и "Видение в Публичной библиотеке" (время Екатерины II)

=====

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

П у ш к и н

Ч а с т ь I

1

В глубокой задумчивости царь Петр Алексеевич ходил по своему обширному рабочему покою, представлявшему собою, в одно и то же время, то кабинет астронома с глобусами

Земли и звездного неба, с разной величины зрительными трубами, то мастерскую столяра или плотника и кораблестроителя, с массою топоров, долот, пил, рубанков, со всевозможными моделями судов, речных и морских, со множеством чертежей, планов и ландкарт, разложенных по столам.

Что-то нервное, скорее творческое, вдохновенное светилось в выразительных глазах молодого царя.

Была глубокая ночь. Но сон бежал от взволнованной души царственного гиганта. Он часто, подолгу, останавливался в раздумьи перед разложенными ландкартами.

- Морей нет, - беззвучно шептал он, водя рукою по ландкартам. - Земли не измерить, не исходить... От Днестра и Буга до Лены, Колыми и Анадыри моя земля, вся моя!.. И у Александра Македонского, и у Цезаря, у Августа, у всего державного Рима не было столько земли, сколь оной подклонилось под мою пядю, а воды токмо нет, морей нет... Нечем дышать земле моей... Воздуху ей мало, свету мало... Так я же добуду ей воздуху и свету, и воды, воды целые океаны!

Он с силою стукнул по столу так, что юный денщик его, Павлуша Ягужинский, приютившийся за одним из столов над какими-то бумагами, вздрогнул и с испугом посмотрел на своего державного хозяина.

Но Петр не заметил того. Ему вспомнилось все, что он видел во время своего первого путешествия по Европе. Это был какой-то волшебный сон... Корабли, счету нет кораблям, которые бороздят воды всех океанов, гордые, величественные корабли, обремененные сокровищами всего мира... А у него только неуклюжие струги да кочи, да допотопные ушки...

- У махонькой Венеции, кою всю мочно шапкой Мономаха прикрыть, и у той целые флотилии... Голландерскую землю мочно бы пядями всю вымерить, а на поди! Кораблям счету нет! - взволнованно шептал он, снова шагая по своему обширному покою.

Добыть моря, добыть!.. Не задыхаться же его великой земле без воздуха!.. На дыбу, духовно, поднять всю державу, весь свой народ, и добыть моря, чтоб протянуть державную руку к околдовавшей его Европе... Через Черное море, через Турскую землю - далеко, это не рука... А там, за Новгородом и Псковом, где его пращур, Александр Ярославич, шведскому вождю Биргеру "наложил печать на лице острым мечом своим", там, где он же на льду Чудского озера поразил наголову ливонских рыцарей в "Ледовом побоище", там ближе к Европе...

- Токмо б морей добыть! - повторил царь.

А корабли будут! Лесу на корабельное строение не занимать стать, всю Европу русским лесом завалить хватит... Корабельное строение уже кипит по всем рекам... Все корабельные "кумпанства" уж к топору поставлены, горит работа! На рубку баркалон в шестнадцать с лихвой сажень длины и четырех ширины ставят топор да пилу бояре да владыки казанский и вологодский... К баркалонам чугунных пушек льется от двадцати шести до сорока четырех на каждое судно. На барбарские суда ставят топор и пилу гостинные кумпанства. А там еще бомбардирский да галеры... А орудий хватит...

Вдруг царь как бы очнулся от всецело поработивших его государственных дум и взглянул на Ягужинского, которого, казалось, только теперь заметил, и был поражен его необыкновенной бледностью и выражением в его прекрасных черных глазах чего-то вроде немого ужаса.

- Что с тобой, Павел? - спросил он, останавливаясь перед юношей. - Ты болен? Дрожишь? Что с тобой?

- Государь!.. Я не смею, - бормотал юный денщик бледными губами.

- Чего не смеешь? Я к тебе всегда милостив.

- Не смею, государь... но крестное целованье... моя верность великому государю...

- Говори толком! Не вякай.

- Царь-государь!.. На твое государево здоровье содеян злой умысел... хульные слова изрыгают...

- Знаю... не впервой я, чать... От кого? Как узнал?

- Приходила ко мне, государь, попадья Степанида, в Китай-городе у Троицы, что на рву, попа Андрея жена, и отай сказывала, что пришед-де в дом певчего дьяка Федора Казанца, зять его, Федора, Патриаршей площади подьячий Афонька Алексеев с женою своей Феклою и сказали: живут-де они в Кисловке, у книгописца Гришки Талицкого, и слышат от него про тебя, великого государя, непристойные слова, чево и слышать невозможно.

Павлушка говорил торопливо, захлебываясь, нервно теребя пальцы левой руки правою.

- Ну?

- Да он же, государь, Гришка, - продолжал Ягужинский, - режет неведомо какие доски, а вырезав, хочет печатать, а напечатав, бросать в народ.

- Ну?

- Да он же, государь, Гришка, те свои воровские письма, да доски, да и т е р а т и отдал товарищу своему Ивашке-иконнику.

- Ну? И?

- И та, государь, попадья Степанида сказывала мне, что оный Гришка Талицкий составил те воровские письма для тово: будто-де настало ныне последнее время и антихрист-де в мир пришел...

Ягужинский остановился, боясь продолжать.

- Досказывай! - мрачно проговорил царь.

- Антихристом, - запинаясь Павлушка, - он, государь, Гришка, в том своем письме ругаясь, писал тебя, великого государя...

- Так уж я и в антихристы попал, - нервно улыбнулся государь, - честь не малая.

- Да он же, государь, Гришка, также-де и иные многие статьи тебе, государю, воровством своим в укоризну писал: и народном-де от тебя, государя, отступиться велел-де и слушать-де тебя, государя, и всяких податей тебе платить не велел.

- Вот как! - глухо засмеялся Петр. - С сумой меня пустить по миру велит! Вот тебе и "корабли"... Ну?

- А велел-де, государь, тот Гришка взыскать, во место тебя, царем князя Михайлу Алегуковича Черкасского...

- Ого! Ну, ну!

- Через того-де князя хочет быть народу нечто учинить доброе.

- Так, так... Будем теперь в ножки кланяться Михайле Алегучковичу... Ну!

- Да он же, государь, вор Гришка, для возмущения к бунту с тех своих воровских писем единомышленникам своим и друзьям давал-де письма руки своей на столбцах, а иным в тетрадах, и за то у них имал-де деньги.

Теперь Петр слушал молча, величаво-спокойно, и только нервные подергивания мускулов энергичного лица, оставшиеся у него еще с того времени, когда он совсем юношей, чуть не в одной сорочке и босой, ночью ускакал из Преображенского в Троицкую лавру от мятежных приспешников его властолюбивой сестрицы Софьи Алексеевны, которая давно сидела теперь в заточении тихих келий Новодевичьего монастыря.

- Все? - спросил он.

- Нет, государь. Попадья сказывала, что он же, Гришка, о "последнем времени" и о антихристе вырезал две доски, а на тех досках хотел-де печатать листы и для возмущения же к бунту и на твое государево, убийство...

- Убийство!..

- Так, государь, та попадья сказывала...

- Ну?

- Он-де, государь, Гришка, писал оное для того: которые-де стрельцы разосланы по городам, и как-де государь пойдет с Москвы на войну, а они, стрельцы, собрався, будут в Москве, чтоб они-де выбрали в правительство боярина князя Михайлу Алегучковича Черкасского, для того-де, что он человек доброй и от него-де будет народу нечто доброе.

- Так... Дай Бог, - иронически заметил Петр. - Все?

- Нету, государь! Оная попадья еще сказывала, будто-де тамбовский епискуп Игнатий, будучи в Москве, с Гришкой-де о последнем веце, и о исчислении лет, и о антихристе...

- Это обо мне-то?

- О тебе, государь, разговаривал и плакал, и Гришку целовал...

- Так уж и архиереи... Вон куда яд досягает!.. А сие что? - спросил Петр, указывая на лежавшие на столе тетради.

- Попадья то ж принесла.

Царь взял тетради.

- А! "О пришествии в мир антихриста и о летех от создания мира до скончания света", - прочитал он. - Так, так... А вот и "Врата"... Вижу, вижу... Это "врата" в Преображенский приказ, в застенок, на дыбу, - качал он головой. - Все?

- Все, государь.

Заметив, что его юный денщик от страху едва стоит на ногах, царь отрывисто сказал:

- Спасибо тебе, Павлуша, за верную службу. А теперь ступай спать... Я сам просмотрю сии тетради... Да! Для чего твоя попадья к тебе заявила с своим изветом, а не в Преображенский приказ, к князю-кесарю?

- Боялась, государь.

- Ну, ступай.

2

Царь, оставшись один, стал просматривать обличительные тетради.

Долго в ночной тишине шуршала грубая бумага писаний фанатика. Петр внимательно прочитывал и перечитывал некоторые места. Он не мог не сознавать, что Талицкий с усердием изувера рылся в старинных книгах. Страницы постоянно пестреют ссылками на "Ефрема Сирина об антихристе", на "Апокалипсис", на "Маргерит". Фанатик всеми казуистическими изворотами старается доказать, что ожидаемый антихрист и есть Петр Алексеевич.

- Что он все твердит об "осьмом" царе? - сам с собой рассуждал Петр. - "Осьмый царь - антихрист... А Петр "осьмый": он и есть антихрист"... По какому же исчислению я осьмой царь?.. А! От Грозного... Царь Иван Грозный, царь Федор, царь Борис Годунов, царь Шуйский, царь Михаил Федорович, царь Алексей Михайлович, царь Федор Алексеевич... Да, я осьмой. Что ж из сего?

И опять зашуршала бумага, долго шуршала.

- Что за безлепица! И сему бреду пустосвята верят архиереи. О, бородачи! А они - пастыри народа!

И он вспомнил случай с епископом Митрофаном...

Царь приехал в Воронеж для наблюдения за стройкою кораблей для предстоящего похода под Азов.

Архиерей встретил царя с крестом. Народные толпы заняли собою всю площадь у собора. Но внимание народа было, по-видимому, больше сосредоточено на маленьком, худеньком, тщедушном Митрофане.

Наскоро осмотрев корабельные работы, которыми Петр очень торопил, чтобы с полой водой двинуться в поход, он, возвратясь во дворец, послал Павлушу Ягужинского просить к себе Митрофана для переговоров о том же кораблестроении, так как Митрофан не только жертвовал Петру значительные суммы на постройку кораблей, но сам соорудил, оснастил и вооружил роскошное судно лично для царя.

Когда Ягужинский явился к Митрофану с царским приглашением, Митрофан тотчас же пошел ко дворцу. Народ, увидав любимого святителя, который кормил всю бедноту не только Воронежа, но и соседних селений, массами обступил своего любимца, теснясь к нему под благословение.

Петр видел из окна, как Митрофан повернул к фасаду и к крыльцу дворца и вдруг не то с испугом, не то с гневом остановился.

Народ тоже как бы с испугом шарахнулся назад.

И Митрофан не вошел во дворец. Он быстро, насколько позволяли ему старческие силы и слабые ноги, повернул назад. Народ за ним.

- Что случилось? Беги, Павел, узнай, в чем дело?

- Государь! Его преосвященство сказал: "Не войду во дворец православного царя, когда вход в оный дворец оскверняют поставленные там еллинские идола и притом обнаженные".

- А!.. Он осмелился ослушаться моего приказа!.. Так поди и скажи сему попу: если он не явится ко мне, то как преступника царской воли его ждет казнь!

Возвратился Ягужинский бледный, растерянный.

- Что? Скоро явится ослушник?

- Нет, государь... Он сказал: прииму смерть, но не оскверню сан архиерея Божия, - с дрожью в голосе отвечал Ягужинский.

- А! Так будет же смерть!

...И там так же, как теперь здесь, в Кремле, глухо простонал соборный колокол. Долго, долго стоит в воздухе медленно затихающий стон меди... За ним другой, более отдаленный, но такой же зловещий, похоронный, доносится от другой церкви... Замер и этот в ночном воздухе... Ему отвечает откуда-то третий... Стонет и этот... Ясно, звонят по мертвому, только не по простому...

В полумраке сумерек царь видит в окно, что толпы народа поспешно и видимо тревожно, крестясь, стремятся к архиерейскому дому. Слышится смутный говор. По временам доносятся отдельные фразы.

- Ох, Господи! По мертвому звонят...

- На отход души...

- С чего бы это с ним?.. Давно ли видели его!..

- Архиерей-батюшка помирает...

- Не умер ли уж, поди... О, Господи!

Прибежал Ягужинский, весь растерянный, бледный, дрожащий...

- Что там? Что случилось?

- Он в гробу, государь... в крестовой...

- Кто в гробу?

- Его преосвященство епискуп Митрофан.

- Помер? Преставился?

- Нету, государь, жив...

- Как жив! А в гробу?

- В гробу, государь... Говорит: царь изрек мне смерть, казнь... Слово царево не мимо идет... Сейчас буду служить себе отходную, на отход души.

- Подай шляпу и палку.

Сквозь расступившуюся толпу Петр быстро вошел в крестовую и невольно остановился, полный изумления и суеверного страха...

Он увидел гроб, мертвое, бескровное лицо... Простой сосновый гроб... Голова мертвеца покоится на белых сосновых стружках...

Откуда-то слышатся стоны, плач...

Свет от зажженных свечей и паникадил так поразительно отчетливо вырисовывает мертвое лицо и сложенные на груди бледные, худые руки с четками.

Вдруг мертвец открывает глаза...

- Государь! - силится приподняться в гробу и в изнеможении опять падает на опилки.

Петр быстро подходит...

- Прости меня, служитель Божий!

Он осторожно берет Митрофана за руку и помогает ему приподняться.

- Прости... Я в сердцах изрек слово непутное... На сей раз пусть мимо идет слово царево... Я каюсь... Благослови меня, святитель...

Все это вспомнил Петр в уединении и тишине ночи и улыбнулся:

- Переключал, переключал меня Митрофан.

Он остановился перед подробною картою Швеции и обоих побережий Балтийского моря, внимание его особенно приковали устья Невы.

- Дельта Невы, как дельта Нила... Александр Македонский основал свою н о в у ю столицу, Александрию, в дельте Нила, а я свою новую столицу водружу в дельте Невы!

И Петр стал по карте изучать эту дельту.

- Всё острова... А коликое число рукавов!.. Сии все имеют быть дыхательными органами для моей земли.

Затем глаза его остановились на Ниеншанце, шведской крепости, стоявшей на месте нынешней Охты:

- Худо место сие выбрали для крепости... Я не тут ее воздвигну...

3

Разоблачения попадья Степаниды, доведенные Павлушей Ягужинским до сведения царя, возбудили страшное дело в царстве застенка и пыток, в Преображенском приказе, где над жизнью и смертью россиян властвовал наш отечественный Торквемадо, свирепый князь-кесарь Ромодановский.

Одновременно с попадьею к князю-кесарю явился и придворный певчий дьяк Федор Казанец и поведал Ромодановскому то же самое, что попадья поведала Павлуше Ягужинскому, и страшное дело началось.

Не далее как через две недели, приехав в Преображенский приказ, князь-кесарь спросил главного дьяка приказа:

- По делу Гришки Талицкого все ли воры пойманы?

- Все, княже боярин, - ответил дьяк.

- Вычти, кто имяны, - приказал Ромодановский.

Дьяк принес "дело" и, перелистывая его, докладывал:

- Книгописец Гришка Талицкий, иконник Ивашка Савин, мещанской слободы церкви Адриана и Наталии пономарь Артамошка Иванов да сын его Ивашко, да Варлаамьевской церкви поп Лука.

- Вишь, все одного болота кулики-пустосвяты, - презрительно пожал плечами князь-кесарь.

- Боярин князь Иван Иванович Хованской, - продолжал докладывать дьяк.

- Ну, это старая боярская отрыжка, из "тараруевцев", - с улыбкой заметил князь-кесарь, - пирог на старых дрожжах... Ну?

- Церкви входа в Иерусалим, в Китай-городе у Троицы на рву, поп Андрей и попадья его Степанида, - вычитывал дьяк.

- Степаниде, по закону, первый бы кнут, да ее государь не велел пытаться, коли утвердится на том, о чем своею охотой донесла Ягужинскому, заметил Ромодановский. - Чти дале.

- Кадашевец Феоктистка Константинов, - продолжал дьяк, - племянник Талицкого Мишка Талицкой, садовник Федотка Милюков, человек Стрешнева Андрюшка Семенов, с Пресни церкви Иоанна Богослова распоп Гришка...

- Кулик мечен-расстрига, - процедил сквозь зубы князь-кесарь. - Ну?

- Хлебного дворца подключник Пашка Иванов...

- Пашку я знавал. Далек.

- Чудова монастыря черный поп Матвей, углицкого Покровского монастыря дьячок Мишка Денисов.

- Опять кулики пошли. Ну?

- Печатного дела батырщик Митька Кирилов да ученик Талицкого Ивашка Савельев.

Дьяк кончил и ждал приказаний.

- Ныне жду я набольшого кулика, Игнашку, тамбовского архиерея... Быть ему на дыбе, - покачал головою Ромодановский.

Епископ Игнатий действительно был привезен из Тамбова в тот же день, но не в Преображенский приказ, а, по духовной подсудности, на патриарший двор.

Патриархом в то время был престарелый Адриан.

Прямо с дороги конвойные ввели тамбовского архиерея в патриаршую молельную келью. Дело было слишком важное, высшей государственной важности: не только хула на великого государя, но, страшно вымолвить! проповедь о нем как об антихристе. Поэтому и расследование дела производилось с особенной экстренностью и строгостью.

Когда Игнатия ввели к патриарху, Адриан встал и сделал несколько шагов к вошедшему.

- Мир святейшему патриарху и дому сему, - тихо сказал Игнатий и сделал земной поклон.

Потом он приблизился к Адриану и смиренно протянул руки под благословение.

- Благослови, отче святой.

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Патриарх сел. Игнатий продолжал стоять.

- Ведомо ли тебе, архиерей, по какому "государеву слову и делу" привезен ты на Москву? - спросил Адриан.

- Не ведаю за собою, святейший патриарх, никакого государева слова и дела, - отвечал Игнатий.

- А знает ли тебя на Москве книгописец Григорий Талицкий? - снова спросил патриарх.

Вопрос был так неожидан, что Игнатий точно от удара в лицо пошатнулся и побледнел. Он сразу понял весь ужас своего положения.

- "Антихрист, антихрист", - трепетало в его душе.

Патриарх повторил вопрос.

- Книгописца Григория Талицкого я видел, - дрожащим голосом отвечал Игнатий.

- А где?

- На Казанском подворье перед поездом моим с Москвы в Тамбов, в великий пост.

- А о чем была твоя беседа с ним, Гришкою?

- О божественном и о писании Григорием книг.

- А что тебе, архиерей, говорил Гришка о великом государе? Не износил ли он хулу на великого государя?

Игнатий еще больше побледнел.

- От Гришки Талицкого хулы на великого государя я не слыхал, - почти шепотом проговорил он.

- И ты, Игнатий, на сем утверждаешься? - строго спросил Адриан.

- Утверждаюсь, - еще тише отвечал допрашиваемый.

Патриарх подошел к двери, ведшей в приемную палату, и, отворив ее, сказал приставу:

- Привести сюда Гришку Талицкого.

Талицкий был уже доставлен из Преображенского приказа.

Немного погодя послышалось глухое звяканье кандалов, и Талицкий с оковами на руках и ногах предстал пред патриархом.

- Знаем тебе сей инок-епискуп? - спросил колодника Адриан, указывая на Игнатия.

- Тамбовский епискуп Игнатий мне ведом, - отвечал Талицкий.

- И ты, Григорий, утверждаешься на том, что показал на епискупа Игнатия в расспросе с пыток? - был новый вопрос.

- Утверждаюсь.

- И поносные слова на великого государя при нем, епискупе, говорил ли?

- Говорил.

Положение архиерея было безвыходным. Запирательство могло еще более запутать и привести в застенки, на дыбу.

- Каюсь, - сказал он упавшим голосом, - те поносные слова он, Григорий, на словах при мне точно говорил, и те слова я слышал, и к тем его, Григорьевым, словам я говорил: видим-де мы и сами, что худо делается, да что ж мне делать? Я-де немощен, и поперечнее тех тетратей велел ему написать, почему бы мне в том деле истину познать.

Он остановился. Казалось, в груди ему не доставало воздуха.

Патриарх молча перебирал четки. Талицкий стоял невозмутимо, и только в глазах его горел огонек не то безумия, не то фанатизма.

Архиерей как-то беспомощно поднял глаза к образам, а потом робко перевел их на патриарха. Адриан ждал.

- И он, Григорий, тетрати мне принес, - продолжал Игнатий с решимостью отчаяния. - Денег ему за них два рубля я дал, а увидев в тех тетратях написанную хулу на государя, те тетрати сжег, токмо того сжения никто у меня не видел.

Патриарх видел, что дело слишком далеко зашло и без суда всего архиерейского синклита обойтись не может. Признание сделано. Епископ, слышавший хулу на великого государя и не заградивший уста хулителю, не отдавший его в руки правосудия, является уже сообщником хулителя. Мало того, он не только слушает хулу на словах, но велит изложить ее на бумаге, а за это еще дает деньги тому, кто изрыгает страшную хулу на помазанника Божия.

"Антихрист, великий государь, помазанник Божий, антихрист! Экое страховитое дело, внушенное адом! - содрогается в душе патриарх. - И кто же в сем адовом деле замешан? Архиерей Божий, его ставленник!"

4

Через несколько дней князь-кесарь Ромодановский, проезжая во дворец мимо ворот патриаршей Крестовой палаты, увидел съехавшихся у тех ворот нескольких архиереев и остановился, чтобы спросить, по какому делу собирается синклит высших сановников церкви.

- По делу Гришки Талицкого, книгописца, купно с тамбовским епископом Игнатием, - отвечал один из архиереев.

- Добро, святые отцы, - сказал князь-кесарь, - после вашего праведного суда Игнатью, куда ни поверни, не миновать Преображенского приказу... Архиерей, епископ, на дыбе!

Эти зловещие слова привели в ужас архиереев. Но Ромодановский ничего больше не сказал и поехал во дворец.

Он застал царя и Меншикова над раскрытою картою.

Петр водил острием циркуля по дельте Невы. Нева и ее дельта стали с некоторого времени преследовать его как кошмар.

- Великому государю здравствовать! - приветствовал царя Ромодановский.

Он видел, что государь в хорошем расположении духа.

- Эх, князюшка! - махнул рукою Петр. - Моя песенка спета.

- Что так, государь? - притворился удивленным князь-кесарь.

- Так... Не строить уж мне больше корабликов, не видать мне Невы, как ушей своих, - продолжал Петр. - Снимут с меня, добра молодца, и шапочку Мономахову, и бармы, и наденут на меня гуньку кабацкую да лапотки босоходы.

- Где ж это птица такова живет, котора б заклевала нашего орла, что о дву голов? - улыбнулся князь-кесарь.

- Да вот новый Григорий Богослов, а може, и Гришка Отрепьев...

- Что у меня в железах сидит?

- Да, может, и тамбовский, а то и вселенский патриарх Игнатий: они не велят народу ни слушаться меня, ни податей платить... Прости, матушка-Нева со кораблики!

- К слову, государь, - сказал Ромодановский, - в те поры, как я это спешил к тебе, к патриаршей Крестовой палате съезжались все архиереи, чтобы судить Игнашку, "вселенского патриарха", как ты изволил молвить.

Глаза царя метнули молнии.

- И обелят пустосвята долгогривые! - гневно сказал царь. - Знаю я их!.. Один токмо Митрофан воронежский другим мирром мазан, да те, что из хохлов - Стефан Яворский да Димитрий Туптало, как мне ведомо, это люди со свечой в голове... А те, что из российских, все вздоены кислым молоком от сосцов протопопа Аввакума.

- Не обелят, государь, - уверенно сказал Ромодановский, - повисит он, сей Игнашка, у меня на дыбе! Улики налицо.

- Так, говоришь, судят? - уже спокойно спросил царь.

- Судят, государь.

- Не заслоняй мне Невы, Данилыч, своими лапищами, - сказал Петр Меншикову, снова наклоняясь над картой.

Над Игнатием действительно совершался архиерейский суд с патриархом во главе.

Адриан и все архиереи сидели на своих местах, по чинам, а перед ними стоял аналой с положенными на нем распятием и Евангелием.

Игнатий стоял опустив глаза и дрожащими руками перебирал четки. Лицо его было мертвенно-бледно, и бледные, посиневшие губы, по-видимому, шептали молитву.

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, - тихо провозгласил маститый старец, патриарх.

- Аминь, аминь, аминь, - отвечали архиереи.

- Епискуп тамбовский Игнатий, - не возвышая голоса, продолжал патриарх, - пред сонмом тебе равных служителей Бога живого, перед святым Евангелием и крестом распятого за ны, говори суцую правду, как тебе на страшном суде явиться лицу Божию.

Игнатий молчал и продолжал только шевелить бескровными губами. Было так тихо в палате,

что слышно было, как где-то в углу билась муха в паутине. Где-то далеко прокричал петух...

"Петел возгласи", - бессознательно шептали бескровные губы несчастного.

- Призови на помощь Духа-Свята и говори... Он научит тебя говорить, с видимой жалостью и со вздохом проговорил Адриан.

Дрожащими руками Игнатий поправил клобук.

- Скажу, все скажу, - почти прошептал он. - Против воровских писем Григория Талицкого...

- Гришки, - поправил его патриарх.

- Против воровских писем Гришки, - постоянно запинаясь, повторил подсудимый, - в которых письмах написан от него, Гришки, великий государь с великим руганием и поношением. У меня с ним, Гришкою, совету не было; а есть ли с сего числа впредь по розыскному его, Гришкину, делу явится от кого-нибудь, что я по тем его, Гришкиным, воровским письмам великому государю в тех поносных словах был с кем-нибудь сообщник или кого знаю да укрываю, и за такую мою ложь указал бы великий государь казнить меня смертью.

Пальцы рук его так хрустнули, точно переломились кости.

- И ты, епискуп тамбовский Игнатий, на сем утверждаешься? - спросил патриарх.

- Утверждаюсь, - шепотом произнесли бескровные губы.

- Целуй крест и Евангелие.

Шатаясь, несчастный приблизился к аналою и, наверное, упал бы, если бы не ухватился за него. Перекрестясь, он с тихим стоном приложился к холодному металлу такими же холодными губами.

Тут, по знаку Адриана, патриарший пристав отворил двери, и в палату, гремя цепями, вошел Талицкий.

Взоры всех архиереев с испугом обратились на вошедшего. Это было светило духовной эрудиции москвичей, великий ученый авторитет старой Руси. И этот твердый адамант веры, подобно апостолу Павлу, - в оковах!

Некоторые архиереи шептали про себя молитвы...

Но когда Талицкий, уставившись своими глазами в мертвенно-бледное лицо Игнатия, смело, даже дерзко отвечал на предложенные ему патриархом вопросные пункты, составленные в Преображенском приказе на основании показаний прочих привлеченных к делу подсудимых, и выдал такие подробности, о которых умолчал Игнатий, архиереям показалось, что Талицкий и их обличает в том же, в чем обличал тамбовского епископа.

И многие из сидевших здесь архиереев видели уже себя в страшном застенке, потому что и они глазами Талицкого смотрели на все то, что совершалось на Руси по мановению руки того, чье имя, называемое здесь Талицким, они и в уме боялись произносить.

Наконец, затравленный разоблачениями Талицкого до последней потери воли и сознания, Игнатий истерически зарыдал и, закрыв лицо руками, хрипло выкрикивал, почти зыдыхаясь:

- Да!.. Да!.. Когда он, Григорий...

- Гришка! - вновь поправил патриарх...

- Да! Да! Когда он, Гришка... те вышесказанные тетради... "О пришествии в мир антихриста" и "Врата"... ко мне принес... и, показав... те тетради передо мною... чел и рассуждения у меня... просил в том... Видишь ли-де ты, говорил он, Григорий...

- Гришка! - строго остановил патриарх.

- Да... видишь ли-де ты, что в тех тетратях писано... что ныне уже все... сбывается...

"Воистину сбывается", - мысленно, с ужасом, согласились архиереи.

Игнатий, обессиленный, остановился, но пристав заметил, что он падает, и подхватил несчастного.

По знаку патриарха молодой послушник принес из соседней ризницы ковш воды и поднес к губам Игнатия. Тот жадно припал к воде.

"Жажду!" - припомнились не одному архиерею слова Христа на кресте. "Жажду!"...

- Ободришь, владыко, - шепнул пристав несчастному, поддерживая его. Бог милостив.

Слова эти слышали архиереи и сам патриарх:

"Добер, зело добер пристав у его святейшества", - мысленно произнесли архиереи.

Игнатий несколько пришел в себя и перекрестился.

- Господь больше страдал, владыко, - снова шепнул пристав.

Игнатий глубоко передохнул, и, обведя глазами архиереев, он увидел на лице каждого глубокое к нему сочувствие и жалость. Это ободрило несчастного.

"Они все за меня", - понял он и облегченно перекрестился.

Теперь он заговорил тверже:

- За те его, Григорьевы, слова и тетради...

- Гришкины, - автоматически твердил патриарх.

Талицкий презрительно улыбнулся и переменил позу, звякнув цепями.

- И за те его, Гришкины, слова и тетради, - продолжал Игнатий, - я похвалил его и говорил: Павловы-де твои уста...

"Воистину, воистину Павловы его уста, апостола Павла, такожде страждавшего в оковах", - повторил мысленно не один из архиереев.

- Павловы-де твои уста, - продолжал Игнатий, - пожалуй, потрудись, напиши поперечневатее.

"Именно поперечневатее, - повторил про себя простодушный пристав, экое словечко! Поперечневатее... Н-ну! Словечко!"

- Напиши поперечневатее, почему бы мне можно познать истину, и к тем моим словам он, Григорий...

- Гришка! Сказано, Гришка.

- И к тем моим словам он, Григорий, говорил мне: возможно ль-де тебе о сем возвестить святейшему патриарху, чтоб про то и в народе было ведомо?

Слова эти поразили патриарха. Мгновенная бледность покрыла старческие щеки верховного главы всероссийского духовенства, и он с трудом проговорил:

- Ох, чтой-то занеможилось мне, братия архиерееве, не то утин во хребет, не то под сердце подкатило, смерть моя, ох!

- Помилуй Бог, помилуй Бог! - слышалось среди архиереев.

- Не отложить ли напередь дело сие? - сказал кто-то.

- Отложить, отложить! - согласились архиереи.

По знаку старшего из епископов тотчас же увели из Крестовой палаты и Игнатия, и Талицкого.

5

Патриарху Адриану не суждено было докончить допрос тамбовского епископа Игнатия.

Не "утин во хребте" или попросту "прострел" был причиною его внезапной болезни, а слова Игнатия о том, что Талицкий советовал ему через патриарха провести "в народ", огласить, значит, на всю Россию вероучение Талицкого о царе Петре Алексеевиче как об истинном антихристе. Адриан знал, что слова Игнатия дойдут до слуха царя, да, конечно, уже и дошли со стороны Преображенского приказа на основании вымученных там пытками признаний Талицкого. Старик в тот же день слег и больше не вставал.

Петр, конечно, знал от Ромодановского, что фанатики и поборники старины, опираясь на патриарха, могли посеять в народе уверенность, что на московском престоле сидит антихрист. А духовный авторитет патриарха в древней Руси был сильнее авторитета царского.

Петр не забыл одного случая из своего детства. Присутствуя при церемонии "вербного действия", когда патриарх, по церковному преданию, должен был представлять собою Христа, въезжающего в Иерусалим, то есть в Кремль, "на жеребяти осли", и когда царь, отец маленького Петра, Алексей Михайлович должен был вести в поводу это обрядовое "осля" с восседающим на нем патриархом, маленький Петр слышал, как два стрельца, шпалерами стоявшие вместе с прочими по пути шествия патриарха на "осляти", перешептывались между собою:

- Знамо, кто старше.

- А кто? Царь?

- Знамо кто: святейший патриарх.

- Ой ли? Старше царя?

- Сказано, старше: видишь, царь во место конюха служит святейшему патриарху, ведет в поводу осля-то.

- Дивно мне это, брат.

- Не диви! Святейший патриарх помазал царя-то на царство, а не помажь он, и царем ему не быть.

Это перешептыванье запало в душу царевича-ребенка, и он даже раз завел об этом речь с "тишайшим" родителем.

- Скажи, батя, кто старше: ты или святейший патриарх?

- А как ты сам, Петрушенька, о сем полагаешь? - улыбнулся Алексей Михайлович.

- Я полагаю, батя, что святейший патриарх старше тебя, - отвечал царственный ребенок.

- Ой ли, сынок?

- А как же онамедни, в вербное действо, ты вел в поводу ося, а святейший патриарх сидел на осяти, как сам Христос.

Теперь царь припомнил и перешептыванье стрельцов, и свой разговор с покойным родителем, когда узнал от князя-кесаря о замысле Талицкого сповестить народ о нем, как об антихристе, через патриарха.

- Нет, - сказал Петр, - ноне песенка патриархов на Руси спета. В вербное действо я ни единожды не водил в поводу осяти с патриархом на хребте, как то делал блаженной памяти родитель мой.

- Точно, государь, не важивал ты осяти, - сказал Ромодановский.

- И никому из царей его больше напредки не водить, да и патриархам на Руси напредки не быть! - строго проговорил Петр. - Будет довольно и того, что покойный родитель мой короводился с Никоном... Другому Никону не быть, и патриархам на Руси - не быть!

- Аминь! - разом сказали и Меншиков, и Ромодановский.

Когда происходил этот разговор, последний на Руси патриарх находился уже в безнадежном состоянии. В бреду он часто повторял: "Павловы уста, Павловы"... Это были горячечные рефлексы последнего допроса тамбовского архиерея Игнатия... "Павловы уста, точно"... Старик в душе, видимо, соглашался с Игнатием, и духовное красноречие Талицкого казалось ему равным красноречию апостола Павла.

Петру не долго пришлось ждать уничтожения на Руси патриаршества: 16 октября того же 1700 года Адриана не стало.

На торжественное погребение верховного на Руси вождя православия и главы российской церкви съехались в Москву все архиереи и митрополиты, и в том числе рязанский митрополит Стефан Яворский, старейший из всех.

Похороны патриарха совершены в отсутствии царя, которому не до того было. Петр с начала октября находился уже под Нарвой и готовился к осаде этого города.

После похорон Адриана Стефан Яворский, перед отъездом в Рязань, посетил в Чудовом монастыре могилу бывшего своего учителя Епифания Славинецкого. С ним был и Митрофан воронежский, которого рязанский митрополит уважал более всех московских архиереев.

Оба святителя долго стояли над гробом Славинецкого.

- Святую истину вещает сие надписание надгробное, - сказал рязанский митрополит, указывая на надпись, начертанную на гробе скромного ученого.

И он медленно стал читать ее вслух:

Преходяй, человече! zde став, да взиравши,

Дондеже в мире сем обитавши:

Зде бо лежит мудрейший отец Епифании,
Претолковник изящный священных писаний,
Философ и иерей в монасех честный,
Его же да вселит Господь и в рай небесный
За множайшие его труды в писаниях,
Тщанно-мудрословные в претолкованиях
На память ему да будет
Вечно и не отбудет.

- Воистину умилительное надгробие, - согласился Митрофан, - и по заслугам.

- Истинно по заслугам, ибо коликую войну словесную вел покойник с пустосвятами! - сказал Стефан Яворский. - Вот хотя бы, к примеру, о таинстве крещения: Никита Пустосвят в своей челобитной обличает Никона за то, будто бы тот не велит при крещении призывать на младенца беса, тогда как якобы церковь повелевает призывать.

- Как призывать беса на младенца? - удивился Митрофан.

- В том-то и вся срамота! В обряде крещения, как всякому попу ведомо, возглашает иерей: "Да не снидет со крещающимся, молимся Тебе, Господи, и дух лукавый, помрачение помыслов и мятеж мыслей наводяй".

- Так, так, - подтвердил Митрофан.

- А Никита кричит, подай ему беса!

- Не разумею сего, владыко, - покачал головою Митрофан.

- Никита так сие место читает: "Молимся Тебе, Господи, и дух лукавый", якобы и к "духу лукавому", к "бесу", относится сие моление. Теперь вразумительно?

- Нет, владыко, не вразумительно, - смиренно отвечал Митрофан.

Воронежский святитель не знал церковнославянской грамматики и потому не мог отличить именительного падежа "дух" от звательного: если бы слово "молимся" относилось и к "Господу" и к "духу лукавому" также, то тогда следовало бы говорить: "молимся Тебе, Господи, и душе лукавый". Этого грамматического правила воронежский святитель, к сожалению, не знал. Тогда Стефан Яворский, учившийся богословию и риторике, а следовательно, и языкам в Киево-Могилевской коллегии, и объяснил Митрофану это простое правило:

- Если бы, по толкованию Никиты Пустосвята, следовало и Господа, и духа лукавого призывать и молить при крещении, тогда подобало бы тако возглашать: "Молимся Тебе, Господи, и душе лукавый"... Вот посему Никита и требует молиться и бесу, а его якобы в новоисправленных книгах хотя оставили на месте, а не велют ему молиться.

- Теперь для меня сие стало вразумительно, - сказал Митрофан.

- У сего-то Епифания и Симеон Полоцкий сосал млеко духовное и, по кончине его, выдавал за свое молочко, но токмо оное было "снятое", улыбнулся Стефан Яворский.

- Как, владыко, "снятое"? - удивился Митрофан. - Я творения Полоцкого: и "Жезл Православия" и "Новую Скрижаль" чел не единожды и видел в них млеко доброе, а не "снятое".

- Что у него доброе, то от Епифания, а свое молочко - жидковато... Вот хотя бы препирание сего Симеона с попом Лазарем о "палате".

- Сие я, владыко, каюсь, запаматовал, - смиренно признался воронежский святитель, - стар и немощен, потому и память мне изменяет.

- Как же! Лазарь безлепично корил церковников за то, что на ектениях возглашают: "О всей палате и воинстве"... Это-де молятся о каких-то "каменных палатах"... Сие-де зазорно - молиться о камне, о кирпиче.

- Так, так... теперь припоминаю, - сказал Митрофан.

- Так и сие претолкование Симеон похитил у Епифания, - настаивал рязанский митрополит. - Сего-то ради и в зримом нами ныне надгробии Епифания сказано, что был он "претолковник изящных священных писаний" и что "труды" его были "тщанно-мудрословные в претолкованиях".

Поклонившись в последний раз гробу ученого, святители возвратились в свои подворья и в тот же день выехали из Москвы: Стефан Яворский в Рязань, а Митрофан - в Воронеж.

Они потому поспешили оставить Москву, что им не хотелось присутствовать при архиерейском расследовании дела тамбовского епископа Игнатия и кригописца Григория Талицкого. Страшное это было дело!

6

Дело Талицкого росло подобно снежной лавине.

Игнатий-епископ все еще сидел в патриаршем дворе "за приставы", а в Преображенском приказе работали дыба и кнут.

После похорон Адриана архиереи опять собрались в патриаршей Крестовой палате и велели привести Талицкого и Игнатия.

После возглашения первоприсутствующим архиереем обычного "во имя Отца и Сына и Святаго Духа" первоприсутствующий, напомнив Игнатию его показание, что Талицкий просил его провести в народ весть об антихристе через патриарха, приказал допрашиваемому продолжать свое показание.

- Когда Григорий посоветовал мне возвестить о том святейшему патриарху, - тихо заговорил Игнатий, - и я ему, Григорию, сказал: я-де один, что мне делать? И про книгу "О пришествии в мир антихриста и падении Вавилона, в которой написана на великого государя хула с поношением на словах, он, Григорий, мне говорил...

Видя, что первоприсутствующий не останавливает его при слове "Григорий", как останавливал патриарх, и не велит говорить "Гришка", Игнатий понял, что судии относятся к нему милостивее патриарха.

И он продолжал смелее:

- И после взятъя тех тетрадей я с иконником Ивашком Савиным прислал к нему, Григорию, за те численные тетради денег пять рублей, а перед поездом моим в Тамбов за день он, Григорий, принес ко мне на Казанское подворье написанные тетради и отдал мне, а приняв

тетрати, я дал ему, Григорию, за те тетради денег два рубля.

В это время патриарший дьяк, в стороне записывающий показания подсудимых, встав с места и поднеся исписанные столбцы к первоприсутствующему, что-то тихонько ему шепнул. Тот, взглянув на столбцы и возвращая их дьяку, сказал:

- Блажени милостивии...

Дьяк поклонился и опять сел на свое место.

Игнатий понял недосказанное и продолжал:

- А преж сего в очной ставке Григорий сказал, как-де те тетради он, Григорий, ко мне принес и, показав, те тетради передо мною чел, и рассуждения у меня просил, и я, слушав тех тетратей, плакал и, приняв у него те тетради, поцеловал.

Дьяк глянул на Талицкого, и тот утвердительно кивнул головой.

Дьяк что-то отметил на столбце.

Игнатий продолжал:

- Подлинно, те тетради я слушал, а плакал ли и, приняв их, поцеловал-ли, того не упомню.

Талицкий опять кивнул дьяку. Игнатий это заметил и, став вполоборота к Талицкому, сказал:

- Он, Талицкий, тетради "О пришествии в мир антихриста" и "Врата" хотел, пришед в Суздаль, дать и суздальскому митрополиту. - И, обратясь к первоприсутствующему, добавил: - А в Суздаль он, Григорий, ходил ли и те тетради дал ли, про то я не ведаю, ведает про то он, Григорий.

Теперь все обратились к Талицкому. Он смело выступил вперед.

- В Суздаль к митрополиту Илариону для рассуждения тех тетратей я точно хотел идти, - сказал он, - да не ходил, затем что в дороге питаться мне было нечем, денег не было, просил я денег у тамбовского епископа, да он не дал, и своих тетратей к митрополиту я не посылал. А знаком мне тот митрополит потому, что я наперед сего продал ему книгу "Великое Зерцало".

Он замолчал и, звякнув кандалами, гордо отошел в сторону.

- И ты, Григорий Талицкий, утверждаешь на всем том, что сказал? спросил первоприсутствующий.

- Утверждаюсь! И на костре возведу народу, что настали последние времена и что на Москве...

Но пристав силою зажал рот фанатику.

- Отвести его в Преображенский, - сказал первоприсутствующий.

Талицкого увели; но с порога он успел крикнуть:

- Не потеряй венца ангельского, Игнатий. Он ждет нас на небесах, а здесь...

Голос его еще звучал за дверями, но слов не было слышно.

Тогда первоприсутствующий обратился к Игнатию.

- Игнатий, епискуп тамбовский, утверждаешься ли ты на всем том, что показал здесь?

- Утверждаюсь, в трикраты утверждаюсь.

- Иди с миром, - сказал первоприсутствующий.

Увели и Игнатия.

Архиереи переглянулись.

- Вина его велика... но... блажени милующие, - тихо сказал один из них и взглянул на первоприсутствующего.

- Лишению архиерейского сана повинен, - проговорил последний.

- И лишению монашеского чина, - добавили другие.

- Обнажению ангельского лика, но не смерти, - заключил первоприсутствующий.

Прошло несколько дней.

Мы в Преображенском приказе, в застенке.

Перед князь-кесарем Ромодановским и перед заплечными мастерами стоит епискуп Игнатий...

Но он уже не епискуп и не Игнатий...

Он - Ивашка Шалгин, и не в епискупской рясе и не в клобуке, а совсем голый и с бритой головой.

- Стоишь на своем, Ивашка? - спрашивает его князь-кесарь.

- Стою.

Ромодановский глянул на палачей.

- Действуйте... да чисто чтоб!

Палачи моментально схватили бывшего архиерея, скрутили и подняли на дыбу.

Послышался страшный стон, и плечевые суставы рук выскочили из своих мест.

Мученик лишился сознания.

- Жидок архиерей, - презрительно кинул князь-кесарь приказному, записывающему "застенное действие". - Снять с дыбы!

Несчастливого сняли и положили на рогожу. Он казался мертвым.

- Вправить руки в плечевые вертлюги, - приказал Ромодановский.

При ужасающем крике очнувшегося страдальца палачи, опытные хирурги, вправили то, что вывихнула дыба.

Страдалец опять был в обмороке.

- Отлить водой! Оклемают.

Стали несчастному лить воду на лицо, на голову, против сердца.

Когда, немного погодя, он несколько пришел в себя и открыл глаза, Ромодановский сказал палачам:

- Подбодрите владыку "теплотой".

Тогда "заплечные мастера" силою открыли рот и влили в него целую косушку водки.

- Разрешение вина и елея... - злорадствовал князь-кесарь.

Водка быстро подействовала на ослабевший организм расстриженного архиерея, и он привстал на рогоже.

- Сможешь теперь говорить? - спросил Ромодановский.

- Смогу, - был ответ.

- Говори, да токмо сущую правду, а то "копчению" предам.

...Что означало в древней судебной терминологии слово "копчение", неизвестно: может быть, это и было сожжение на костре, которому был подвергнут в Пустозерске знаменитый протопоп Аввакум, самый энергичный и неустрашимый расколоучитель.

Тогда бывший епископ заговорил:

- Которые тетради я у Гришки Талицкого взял, и те тетради на Москве сжег подлинно...

- Ну! - торопил князь-кесарь.

- А как те тетради сжег, того у меня никто не видал, и тех тетрадтей я никому не показывал и о них никому не говорил, и списков с них никому не давал.

Он говорил медленно, заплетающимся языком и часто останавливался для передышки.

- Все? - спросил Ромодановский.

- Нет... В совет к себе к тем воровским письмам никого я не призывал и советников его, Гришкиных, и единомышленников на такое его воровское дело никого не знаю.

Он остановился в полном изнеможении.

- Все?

- Все, - был ответ.

Но Ромодановский не удовлетворился этим.

Как он далее истязал свою жертву, отвратительно и омерзительно рассказывать, и мы покроем эту мерзость нашего прошлого всепрощающим забвением.

7

Совершая в застенке приказа все ужасы пыток над бывшим епископом, князь-кесарь не забывал, что сегодня он должен поспеть на веселую свадьбу.

Пользуясь отсутствием грозного царя, стоявшего с войском под Нарвою, москвичи спешили сыграть несколько пышных свадеб "по старине", чего царь, при себе, не позволил бы, особенно в боярских домах.

На одну из таких свадеб и должен был поспеть князь-кесарь, в угоду старой боярыне Орлениной, которая хотя и имела большую силу при дворе, но у себя дома упорно придерживалась старины. Она же своим влиянием дала ход Меншикову, а потом выдвинула и Ягужинского, благодаря его замечательной красоте.

Поэтому и князь-кесарь не смел ни в чем перечить властной старухе.

Орленина выдавала свою красавицу внучку Ксению за молодого князя Трубецкого, сына князя Ивана Юрьевича, Аркадия.

Приготовления к свадебному торжеству были покончены раньше: был уже назначен и тысяцкий - главный чин при женихе; избраны были со стороны жениха и невесты: "сидячие бояре и боярыни", "свадебные дети боярские", или "поезжане"; назначены к свадебному чину из челяди - "свещники", "коровайники" и "фонарщики"; наконец, избран был и "ясельничий", который должен был оберегать свадьбу от колдовства и порчи.

Накануне самого бракосочетания жених, по обычаю старины и по указанию своей матери, княгини Аграфены, прислал невесте дорогой ларец, в котором находились подарки: шапка, сапоги, а в другом отделении ларца - румяна, перстни, гребешок, мыло, зеркальце и принадлежности женских работ ножницы, иглы, нитки и лакомства - изюм, фиги и в придачу ко всему розга, чтоб жена боялась мужа.

Утром же свадебного дня сваха невесты начала готовить брачное ложе, или "рядить свадьбу". С пучком рябины в руках, это от порчи, она обходила хоромину брачного торжества и кровать, где постилалось брачное ложе. Все относившееся к брачной хоромине, то есть к "сеннику", принесла из дома невесты многочисленная челядь ее знатной бабушки. Сваха распорядилась, чтобы на потолке сенника не было земли.

- Это не могила, чтоб над ней земля была, - пояснила она, - так закон велит.

Потом сенник обили по стенам и по помосту коврами. По четырем углам сенника воткнули по стреле, на которые повесили по сороку соболей.

- А ты, Марьюшка, взоткни на стрелы по калачу, - сказала сваха подручной сидячей боярыне.

- Уж и дотошная у нась сватьюшка! - с умилением сказала сидячая боярыня, натывая на стрелы калачи.

Затем на лавках, по углам, поставили по оловянику сыченого меду, а над дверьми и окнами прибили по кресту.

- Все по-Божески, чтоб порчи не было, - пояснила сваха.

Когда в сенник вносили принадлежности брачной постели, то впереди несли образа Спаса и Богородицы, а также большой золоченый крест.

- А снопы готовы? - спрашивала сваха.

- Готовы, боярыня, - отвечали челядинцы.

- Все сорок, по закону?

- Все, боярыня, счетом.

- Так, укладывайте снопы на кровать ровнехонько.

- Знаем, боярыня.

Потом на снопы положили дорогой персидский ковер, а на ковер три перины. На подушки натянули шелковые "атлабасовые" наволочки и застлали постель шелковой же белой простынею...

- Чтоб на белом "доброе" виднее было, - пояснила сваха.

- Ох, дотошна ты, сватьюшка, - удивлялись сидячие боярыни, убиравшие постель.

Поверх простыни постлали холодное одеяло.

- По закону теплого не кладут, - пояснила сваха, - да и сенник чтоб не топлен был.

- И без теплого князю и княгине жарконько будет, - хитро улыбались сидячие боярыни.

- А шапка где?

- Вот она.

- Клади на подушку.

Тогда над постелью повесили образа и крест и задернули их убрусами, а самую постель задернули тафтяным пологом.

После того челядинцы внесли в сенник кади с пшеницею, рожью, овсом и ячменем и поставили у изголовья постели.

- Все, кажись, наладили по закону, - сказала подручная сидячая боярыня.

- Все, Марьюшка, экое гнездышко перепелиное!

- Не соколиное ли, полно? Женишок-ат соколом смотрит.

Между тем в доме невесты тоже вся челядь была на ногах. Под наблюдением самой боярыни-бабушки готовили все к приему жениха в парадной хоромине: ставили столы, накрывали скатертями, уставляли укусницами, солоницами и перечницами.

Затем на просторном "рундуке" (возвышении) убрали сиденье для жениха и невесты, положили камчатные золотные изголовья, а сверху покрыли их соболями. Тут же положили и соболя для "опахивания" новобрачных. Перед сиденьем жениха и невесты поставили стол и накрыли его тремя дорогими скатертями, одна скатерть на другой.

На них поставили солоницу золоченую и положили калач-перепечу и сыр.

- Теперь, кажись, все по закону, - сказала боярыня-бабушка, топчась на месте. - Пора и невесту снаряжать к венцу.

Наконец, все было готово, невеста одета, а хорошенькая белокурая головка ее украшена изящным маленьким золотым венцом, символом девичества.

Тогда последовало торжественное шествие невесты с женской половины в парадную хоромину, куда уже собрались родные невесты и приглашенные.

Шествие невесты в парадную хоромину открывали женщины-"плясицы", которые плясали и пели обрядовые песни. За плясницами коровайки несли на палках, обшитых богатыми материями, короваи. На короваях лежали золотые "пенязи". За коровайниками следовали "свещники" со свечами и "фонарщики" с фонарями. Так как женихова свеча, величиною с бревно, весила три пуда, а невестина два, то их несли по два свещника. На свечи были надеты золоченые обручи и подвешены атласные кошелки. Потом, за фонарщиками, шел

"дружка" и нес "опахало". То была большая серебряная миса, в которой на трех углах лежали: хмель, собольи меха, золотом шитые ширинки и червонцы. Справа и слева невесты "держали путь" двое ее молодых родственников, чтоб никто не перешел дороги "княгине", а уже за ними две свахи вели невесту в венце и под густым покрывалом. За невестой следовали сидячие боярыни, две из которых держали по мисе: на одной мисе лежала "кика" - головной убор замужней женщины, с "волосником", гребешком и чаркою с медом, разведенным на вине. На другой мисе лежали убрusy для раздачи гостям. Оба блюда первое с "осыпалом", то есть с хмелем, ставили на стол, где уже лежала перепеча с сыром.

Когда коровайники, свечники и фонарщики остановились по бокам стола, невесту свахи посадили на брачное сиденье, а рядом с нею ее маленького братишку.

Тогда дружка тотчас же поехал к жениху известить, что "княгиня на посаде".

Аркадий никогда не видал своей невесты. Их сосватали строго "по старине". Старая боярыня Орленина берегла свою внучку как зеницу ока, чтоб на нее ни ветром не пахнуло, ни солнышком не обожгло ее нежных щечек. Но больше всего старуха укрывала ее от глаза постороннего мужчины.

- Что хорошего, коли мужчина общупает своими зенками девушку с пят до маковки? - говорила боярыня.

Да и мать жениха блюла старину.

- Говорю тебе, что Ксеньюшка - раскрасавица, видеть ее до венца не могли, да и бабка ее до того не допустит: змеем-горыничем она стережет свою внучку, - говорила и княгиня Трубецкая своему сыну.

И вот, вот, может быть, он сейчас ее увидит, ее, свою "суженую", которую ему другие "присудили"... может быть, увидит... Когда он и она будут сидеть "на посаде", хотя рядышком, но разделенные друг от друга тафтяным покровом, и когда ее станут расчесывать, то, может быть, когда им позволят через тафту приложиться друг к дружке щеками... Да, да! щеками через тафту, то, может, перед нею будут держать зеркальце так, что он увидит ее!..

Княгиня Трубецкая и, за нахождением князя при войске, под Нарвой, посаженный отец после возглашения священника "достойно естъ!" благословили жениха, и торжественное шествие двинулось к дому невесты.

И здесь, как у невесты, впереди "поезда" шли коровайники с короваями, свечники со свечами и фонарщики с фонарями. За ними священник с крестом, бояре, а за ними уже жених, которого тысяцкий вел под руки. Затем, наконец, "поезжане", иные на санях, другие верхами на конях.

А вот и ворота невестина дома...

Вот и парадная хоромина... В глазах рябит у жениха... Он машинально молится и кланяется на все четыре стороны...

На возвышении сидит она... Такая крохотная... но личика не видать, густо закрыто... Только видно, как маленькая ручка под покрывалом украдкой делает крестное знамение... Около нее, рядом, сидит Юша, ее братишка.

"Выкупать надеть у Юши", - сообщает княжич.

Дружка подводит его.

Дрожащей рукой жених кладет на протянутую ручку Юши золото...

Он рядом с нею, на одной подушке...

"Он рядом со мною, на одной подушке!" - трепетно колотится девичье сердчишко.

И он, и она почти ничего не видят, как слуги ставят на стол "яства"...

- Отче наш, иже еси на небеси, - как будто откуда-то издали доносятся до них слова священника.

- Благословите невесту чесать и крутить.

Это они явственно слышат, и она вздрагивает.

- Благослови Бог!

8

После того, как сваха должна была начать чесать и крутить невесту, свечники последней, зажегши свадебные свечи "богоявленскими свечами" и поставив их, тотчас протянули... увы! Между женихом и невестой занавес из алой тафты.

Это делалось для того, что при чесании волос с лица невесты сваха снимала покрывало, а лица ее ни жених, ни его поезжане не должны были еще видеть.

Так делалось и тут, и невеста скрылась за занавесью.

"Когда же велят приложиться нам с нею щеками к тафте?" - волновался в душе жених, посматривая на зеркальце, которое держала в руках перед невестой сидячая боярыня.

Жених чувствует, что там, за занавесью, уже распускают косу Ксении.

"А зеркальце... покажется ли она в нем?" - думает жених.

- Приложитесь щеками к тафте, - говорит сваха.

Аркадий пригибается к занавеси так, чтобы его щека, он был гораздо выше Ксении, прикоснулась непременно к ее щеке.

Он приложился... Он чувствует за тафтой щеку девушки, горячее, сквозь тафту жгущее огнем лицо Ксении, ее тело, ее плечо... Он прижимается еще крепче, крепче...

"И она жметя ко мне... ох, чую, жметя!"

Кровь у него приливает к сердцу, ударяет в голову...

И вдруг в зеркальце отражается ангельское личико!.. Ангельское!.. Ангельское!..

Но длинные иглы ресниц опущены в стыдливой скромности...

Вдруг ресницы вскинулись, и его ожгли две молнии... душу ожгли... огнем опалили его всего... и, подобно молнии, неземное видение исчезло!

Тут приблизилось к ним что-то странное, лохматое, все в шерсти, и проговорило, видимо, поддельным голосом:

- Мир да любовь князю и княгине!.. Да молодой княгинюшке народить бы деток столько, сколько шерстинок на моей шкуре.

Это был поддружье, наряженный в вывороченную наверх шерстью шубу.

- Ах, кабы и впрямь твоя внучка нарожала столько пареньков, сколько шерсти на шубе! - шутя шепнул боярыне-бабушке князь-кесарь, сидевший с нею рядом.

- Полно тебе, старый греховодник! - накинулась на него старуха. - Это дело Божеское.

- И государево, матушка, - подмигнул Ромодановский.

- Поди ты с государем-ту твоим! - огрызнулась бабушка. - От него-то кроючись и свадьбу торопим без женихова родителя.

Между тем, пока продолжалось укручивание невесты, сидячие боярыни и девицы пели свадебные песни:

А кто у нас холост,

А кто у нас не женат?

Дружка в это время резал на мелкие куски перепечу и сыр, клал все это на большое серебряное блюдо вместе с ширинками - подарками для гостей, а подружье разносил это по гостям. Сваха-же "осыпала" свадебных бояр и всех участников торжества, бросая им все, что было на "осыпале", - хмель, куски разных материй и деньги.

Наконец невесту "укрутили", надели на голову кичу.

- Уж и молодайка же у нас! - любовалась юным детским личиком, выглядывавшим из-под кики, старшая сваха.

- В куклы играть, и то в пору, - шепнула Марьюшка.

Молодые встали с сиденья и пошли к родителям под благословение.

- Благослови Бог!

У молодых обменяли кольца, а отец Ксении, передавая жениху плеть, сказал:

- По этой плетке, дочушка, ты знала мою власть над тобой; теперь этой плетью будет учить тебя муж.

- Не нуждаюсь я, батюшка, в плетке, - горячо возразил жених, - а беру ее, как подарок твой.

И он засунул плеть за пояс.

Затем процессия двинулась из дому.

- Птичка улетает из гнездышка, - шепнул Ромодановский бабушке.

- Она мне роднее родной дочери! - И старушка заплакала.

Коровайники и свещники уже вышли, а за ними по устланному яркими материями полу двинулись жених и невеста. Невесту, все еще закрытую, вели под руки обе свахи. У крыльца уже стояли невестина "каптана" и тут же оседланные кони для жениха и поезжан.

На седле женихова аргамака важно восседал Юша.

- Уступи мне место, Юшенька, - улыбнулся Аркадий.

- Не уступлю, я за сестрой поеду, - храбрился Юша.

- Уступи, миленький! Вот тебе золото на пряники.

Юша взял золото, и его ссадили с седла.

Жених ловко вскочил на аргмака и, сопровождаемый своими поезжанами, обогнал невестину каптану. В то время, когда он поравнялся с окном каптаны, оттуда выглянуло прелестное личико, и без кики...

- До венца личиком засветила! Ах, сором какой! Ох, срамотушка!

- А ежели люди увидали! Пропали наши головушки!

Но люди не увидали. Видел только Аркадий, как "светило" для него его солнышко...

- Свадьба! Свадьба! - кричали уличные мальчишки, завидев каптану невесты. - Вот под дугою висят лисьи да волчьи хвосты.

Волчьи да лисьи хвосты под дугою действительно были обрядовые признаки старорусской свадьбы.

Но вот и жених и невеста уже в церкви, а ясельничий и его помощники остались на дворе стеречь женихова коня и невестину каптану, "чтобы лихие люди не перешли между ними дороги". А то разом напустят на новобрачных "порчу".

Как долго, казалось Аркадию, тянулось венчание! Он почти ничего не видел и не слышал: он ждал только, когда с лица Ксении снимут покрывало.

Но вот его сняли!.. Аркадию показалось, что в церковь глянуло весеннее солнце. Мало того, он целует это солнце, но робко.

- Раба Божия Ксения, - говорит священник, - кланяйся мужу в ноги.

Она покорно кланяется, и Аркадий с нежностью покрывает ее голову полою своего богатого кафтана, знак, что он всю жизнь будет защищать дорогое ему существо.

Тогда священник подал им деревянную чашу с вином.

- Передавайте друг дружке трикраты чашу, - говорил священник.

Когда новобрачные отпили, князь-кесарь Ромодановский, быстро подойдя к молодой, на ухо шепнул ей:

- Ксеньюшка! Живей кидай чашу об пол и топчи ее ножками.

Это было поверье, что, когда кто из новобрачных первым станет на брошенную на пол чашу ногою, тот и будет главою в доме.

Ксения бросила чашу и вся зарделась, но на чашу не становилась ногою.

- Топчи, топчи, Ксеньюшка! - не отставал князь-кесарь.

Аркадий смотрел на свое сокровище и тоже не топтал чаши.

- Топчи, Ксеньюшка, - подсказала и сваха.

Тогда Ксения с улыбкой поставила ножку на чашу, но раздавить ее не хватало силенки.

- Все ж ты первая, - шепнула сваха.

Тогда Аркадий, когда Ксения сняла свою маленькую ножку с чаши, придавил ее каблуком, и

чаша была раздавлена.

- Пушай так будут потоптаны нашими ногами те, кои станут посеять меж нами раздор и нелюбовь, - сказал он торжественно.

- Аминь! - провозгласил князь-кесарь. - А паче чаяния ежели лихие люди дерзнут помыслить что-либо худое против моей крестницы Ксеньюшки, то быть им у меня в застенке!

После того, как поздравления кончились, сваха, при выходе из церкви, осыпала их семенами льна и конопли.

- Лен - на ребяток, конопля - на девочек, - повторяла она.

- Не жалей, сватенька, льну... Льну сыпь поболе! - Весело говорил Ромодановский.

Он очень легко выбрасывал из головы подробности тех ужасов, какие он совершал в застенке Преображенского приказа...

Ромодановский при выходе новобрачных из церкви продолжал шутить и, лукаво подмигивая молодым поезжанам, шептал:

- Умыкайте, добрые молодцы, молодую, умыкайте!

Это был обычай: при выходе молодой из церкви ее старались будто бы "умыкать", отбить, похитить у мужа, и молодая, боясь "умычки", теснее прижималась к мужу.

- А вот, сунься кто! - вынимал Аркадий плетъ из-за пояса и энергично махал ею в воздухе.

Поезд скоро двинулся к дому Трубецких.

При входе в дом молодых ясельничий командовал потешникам:

- В сурьми да бубны, потешные! Да играйте чинно, немятежно, доброгласно!

Под эту музыку молодые сели за стол. Но есть за общим столом они, по обычаю, ничего не ели.

Когда же гостям подали третью перемену - лебеда, то перед молодыми поставили жареную курицу, которую дружка тут же завернул в скатерть и обратился к матери Аркадия и к посаженному отцу:

- Благословите молодых вести опочивать.

- Благослови Бог! - отвечали те.

И молодых повели. Но прежде чем они дошли до дверей, дружка понес впереди завернутую в скатерть курицу, предназначенную для ужина молодым в сеннике, а за ним пошли коровайники и свещники.

Когда молодые приблизились к дверям, то посаженный отец, взяв Ксению за руку, проговорил обрядовые слова Аркадию:

- Сын наш! Божиим повелением и благословением матери твоей велел тебе Бог сочетатися законным браком и поять в жены отроковицу Ксению. Приемли ее и держи, как человеколюбивый Бог устроил, в законе нашей истинной веры, и святые апостолы и отцы предаша.

У дверей сенника молодых встретила сваха в шубе, вывороченной кверху шерстью, и снова

осыпала их льняными и конопляными семенами:

- На ребяток, на девочек... на ребяток, на девочек...

А в сеннике дружка и свещники уже успели поставить венчальные свечи в кад с пшеницею - у самого изголовья брачного ложа.

С лихорадочным трепетом вступили молодые в сенник, где их тотчас же стали раздевать: жениха - дружка, а невесту - сваха.

- Не надо! Не надо! - отбивалась бедная Ксения, закрывая вспыхнувшее личико руками.

- Ах, мать моя! Срам какой! Не дается! Да это по закону, по-божьи... - возилась около нее сваха.

- Не надо! Не надо! Пусти!

- Ах, озорница! А потом сама будешь благодарить...

- Не надо! Пусти! Пусти!

Напрасно! Сваха была не такая женщина, чтоб отступить от закона.

Она сделала свое дело... и - "чулочки сняла".

Дружка и сваха тотчас оставили сенник.

- ...В застенок повели Ксеньюшку, - сострил князь-кесарь, когда молодых повели в сенник.

В доме идет пир горой.

Но на дворе тихо-тихо. Только безмолвные звезды с высокого неба смотрят на сенник, да ясельничий с обнаженным мечом ездит верхом около сенника для предотвращения всякого лихогодея, пока там совершается "доброе".

Когда в доме свадебный пир достиг апогея, к дверям сенника подошел дружка.

- Все ли в добром здоровье? - громко спросил он.

- Все в добром здоровье, - послышался ответ через дверь.

- Слава Богу! - прошептал дружка.

Через минуту он торжественно входил в пиршескую хоромину. Все воззрились на него вопросительно.

- Возвещаю! - торжественно произнес он. - Между молодыми доброе совершилось!

9

В то время, когда на Москве, в доме Трубецких, справлялась веселая свадьба, а в Преображенском приказе, в застенке, кнут и дыба справляли свое страшное дело, в это время "Державный Плотник" делал первые, к несчастью, неудачные попытки царственным топором "прорубить окно в Европу".

Оставив свое тридцатипяти тысячное войско у стен Нарвы под начальством герцога фон Круи для возведения укрепленного лагеря и для приготовления осады города, царь Петр Алексеевич, в сопровождении Александра Данилыча Меншикова и неразлучного Павлуши

Ягужинского, отправился на не дававшее ему спать Балтийское море "взглянуть хоть одним глазком".

- Ох, глазок у тебя, государь! - сказал Меншиков, следуя верхом около царского стремени.

- А что, Данилыч, - окликнул его царь, - что мой глазок?

- Да такой, что хоть кого сглазит! Вон под Азовом салтана сглазил, а теперь, поди, и Карлу сглазит, - отвечал Меншиков.

- Помоги Бог, - задумчиво сказал Петр, - с ним мне еще не приходилось считаться.

- Тебе ли, батюшка-государь, с мальчишкой счета сводить!.. Розгу покажи, тотчас за штанишки схватится, как бы не попало, - пренебрежительно заметил Меншиков.

- Не говори, Лексаша: вон и Христиан датский, и Август польский почитали его за мальчишку, а как этот мальчишка налетел орлом на Копенгаген, так и пришлось Христиану просить у мальчишки прощенья, а мальчишка с него и штаны снял, - говорил Петр, вглядываясь в даль, где уже отливала растопленным свинцом узкая полоса моря.

- Штаны, - улыбнулся Меншиков, - это Голстинию-то?

- Да, Голстинию.

- Да и Александр Македонский был мальчишкой восемнадцати лет, когда при Херонее на голову разбил греков и спас отца, - проговорил как бы про себя молчавший доселе Павлуша Ягужинский.

- Ты прав, Павел! - горячо сказал царь, и глаза его загорелись. - Я плакал от зависти к этому Александру, когда в первый раз чел про дело у Херонее: отец его Филипп и все македонское воинство уже дали тыл грекам, когда на союзников оных, фифанцев, налетел Александр с конницей, мигом смял их, а там ударил и на победителей отца и все поле уложил их трупами! Таков был оный мальчишка!

- А что потом в Афинах было! - тихо заметил Павлуша. - Я тоже, государь, чел когда-то сие описание и плакал, токмо не от зависти, где мне!.. Афин мне было жаль, государь.

- Точно, Павлуша: афиняне в те поры объаты были ужасом... Афинянки выбегали из домов и рвали на себе волосы, узнав о павших в бою отцах, мужьях, братьях, сыновьях. Старики словно безумные бродили по стенам города... Старец Исократ с отчаяния уморил себя голодом... А вот и море!

Петр с благоговением снял шляпу перед обожаемою им могучею стихией и набожно перекрестился.

Меншиков и Ягужинский, видя, что царь молчит, тоже молчали, не смея нарушить торжественность минуты.

А минута была действительно торжественная. Он продолжал стоять, как зачарованный видением, видением будущего величия России... И видение это как бы реально вставало перед его духовными очами... Ни Ассирии и Вавилонии, ни монархии Кира, ни монархиям Македонской и Римской не сравнятся с тою монархией, которая назревала теперь в великой душе.

А оттуда, справа, чуть-чуть двигались чьи-то корабли под белыми парусами, чьи!.. Конечно, е го, того, который там, за этим морем, и двигались эти корабли по его же морю и из е го же реки!

Бледность проступила на щеках великана, и он все молчал.

"Новгородцы сим морем владели... Александр Ярославич ставил свою пядь на берег Невы... А мои деды лентяи все сие проспали".

Теперь краска залила его щеки.

- Так я же добуду, я верну! - вдруг с страстным порывом сказал он.

- Добудешь, государь; тебе ли не добыть чего! - согласился Меншиков, угадав мысль Петра. - Добудешь всего. Вон Азов живой рукой добыл.

При напоминании об Азове взор царя еще больше загорелся.

- Точно, Азов с Божьей помощью добыли... А не мало в одной виктории нам помогли черкасские люди - хохлы... Жаль, что не вызвал их регимента два-три под Нарву, - говорил царь, что-то ища в боковом кармане своего кафтана.

- Ты что, государь, ищешь? - спросил Меншиков.

- Да выметку из походного журнала, что прислал мне гетман Мазепа.

- Она у меня, государь, с письмом Кочубея.

При имени Кочубея у Ягужинского дрогнуло сердце. Он вспомнил его дочь, Мотреньку, которую видел три года тому назад в Диканьке и которой образ, прекрасный, как мечта, запечатлелся в его душе, казалось, навеки.

- Ты велел мне спрятать ее, чтоб прочесть на досуге. Изволь, государь, вот она.

И Меншиков подал Петру выписку из походного журнала малороссийских казаков, участвовавших в осаде Азова.

Царь развернул бумагу и стал читать вслух:

- "Року 1696 его царского величества силы великия двинулись под Азов землю и водою, и сам государь выйшов зимою, и прислал указ свой царский до гетмана запорожского, Ивана Мазепы, жебы войска козацкого стал туда же тысячей двадцать пять, що..."

- Наш да не наш язык, - остановил себя Петр, - год у них "рок", да эти "жебы", да "що", да "але"...

- С польским малость схоже, государь, - заметил Меншиков.

"Нет, не с польским, - думал Ягужинский, вспоминая певучий говор Мотреньки Кочубеевой. - Музыка, а не язык... А как она пела!

Ой, гаю, мий гаю, зеленый розмаю!

Упустила соколونька - та вже й не пиймаю!.."

Царь продолжал читать:

- "...що, на розказания его царского величества, гетман послал полковников, черниговского Якоба Лизогуба, прилуцкого Дмитра Лазаренка Горленка, лубенского Леона Свечку, гадяцкого Бороховича и компанию, и сердюков, жебы были сполна тысячей двадцать пять. Которые в походе том от орды мели перепону, але добрый отпор дали орде, и притянули под Азов до его царского величества. Где войска стояли его царского величества под Азовом,

достаючи города и маючи потребу з войсками турецкими на море, не допускаючи турков до Азова, которых на воде побили..."

- То была первая морская виктория твоя, государь, - сказал Меншиков, - и виктория весьма знатная.

- Будут, с Божьей помощью, и более знатные, да вот здесь!..

И царь указал на море, как бы грозя рукою.

А в душе Ягужинского звучала мелодия: "Упустила соколonya - та вже и не пиймаю!.."

"...опановали козаки вежу, которая усею города боронила, - читал Петр, - и из тоей вежи козаки разили турков в городе, же не могли себе боронити, которые и мусели просити о милосердии, и сдали город; тилько тое себе упросили турки у его царского величества, жебы оным вольно у свою землю пойти, на що его царское величество зезволил, отобравши город зо всем запасом, строением градским, и оных турков обложенцев казал забрати у будари на килькадесять суден и отвезти за море Азовское, у турецкую землю".

Петр остановился и взглянул на Меншикова.

- Полагаю, запись учинена с обстоятельствами верно, - сказал он.

- Верно, государь, - отвечал Меншиков.

- У черкас, я вижу, письменное дело зело хорошо налажено.

- Черкасы, государь, ученее нас.

- Подлинно... Да и свет учения и книгопечатное дело от них же, от черкас, идет к нам, на Москву.

А Павлуша Ягужинский, прислушиваясь к разговору царя с Меншиковым о черкасах, думал о своей "черкашенке" из Диканьки, и в душе его продолжала петь дивная мелодия:

Ой, гаю, мий гаю, зеленый розмаю!

Упустыла соколonya - та вже й не пиймаю!..

10

Между тем, пока царь на берегу "чужого моря" волновался великими государственными думами, под Нарвой его преображенцы и другие воинские люди, большею частью, кроме преображенцев и семеновцев, состоявшие из неопытных новобранцев, продолжали возводить укрепления своего лагеря, готовясь к скорой осаде.

Время стояло осеннее, ненастное. То хлестал дождь, то слепил глаза мокрый снег, и северное пасмурное небо не располагало к энергичной работе. Даже любимцы царя, преображенцы, чувствовали себя как бы покинутыми своим державным вождем.

- Не любы, что ли, мы стали батюшке-царю? Из царей разжаловал себя в капитаны бомбардерской роты... Простой капитан!

- Да и прозвище свое родовое переменял: стал Петром Михайловым.

- А видели, как он онамедни шанцы копал да сваи тесал? Топор у него ажно звенит, щепы во каки летят!

Кто-то затянул вдали:

На Михайловский денечек

Выпал беленький снежок.

- И точно, братцы: завтра Михайлов день, и снежок идет...

- Како снежок! Просто кисель с неба немцы льют.

- Да и кисель-ту не беленький, а во какой, с грязью.

Разговор переходил на то, что не ладно-де... немца над войском поставили начальником. Всех удивляло, что командование войском поручено герцогу фон Круи.

- Ерцог!.. Да у нас на Руси ерцогов этих и в заводе не было.

- И точно, немец на немце у нас в войске...

- Один такой вон уже и тягу дал, в Нарву убег.

Это говорили о Гуммерте, которого обласкал царь, а он перебежал к Горну, коменданту Нарвы.

- Эй, братцы! Слышь ты? Велят веселей работать... чтобы с песенем... пущай-де там, в Нарве-ту, слышали чтоб... это чтоб страху на них напустить.

- А коли нет, так и запоем.

И один преображенец, опираясь на заступ, визгливым фальцетом запел:

Задумал Теренька жаницца,

Тетка да Дарья браницца:

Куда тебя черти носили?

Мы б тебя дома жанили.

Или-или-или-или-или.

Мы б тебя дома жанили.

Дружный хохот наградил певца.

- Ну и тетка Дарья у нас!.. Жох баба!

- А ты что ж, Терентий? - спросили добродушного богатыря, который продолжал железной лопатой выворачивать огромные глыбы сырой земли с камнем.

- Что Терентий? Он не дурак до девок: он во как отрезал тетке Дарьюшке.

И другой преображенец, подбоченясь и скорчив ужасную рожу, запел:

Построю я келью со дверью,

Стану я Богу молицца,

Чтоб меня девки любили

Крашоныя яйца носили.

Или-или-или-или-или,

Крашоныя яйца носили.

- Что, братцы, слышно в Нарве? - спросил певец.

- Должно, слышно: вон и вороны тамotka раскаркались на Тереху.

В это время к работавшим у шанцев подъехали князь Иван Юрьевич Трубецкой и заведывавший укреплением лагеря саксонский инженер Галларт.

- Бог в помощь, молодцы! - поздоровался Трубецкой с солдатами.

- Рады стараться, боярин! - гаркнули молодцы.

- Старайтесь, старайтесь. А завтра, ради Михайлова дня, я вас угощу большой чарой, - сказал князь.

- Покорнейше благодарим на милостивом слове!

"Большой чарке" солдаты особенно обрадовались, потому что ненастная, сырая погода требовала чего-нибудь согревательного, бодрящего организм.

А князь Трубецкой тут просто придрался к случаю. Его очень обрадовало письмо из Москвы, извещавшее его о женитьбе сына на Ксении Головкиной. От жены он знал, что Ксения - редкая девушка и по красоте, и по душевным качествам. Кроме того, ему лестно было породниться с Головкиным, которого царь заметно приближал к себе и отличал от других.

- А кто из вас так весело пел? - улыбнулся он.

Солдаты замялись было, но простоватый богатырь Теренька выступил вперед и сказал:

- Это они меня передразнивали, ваша милость.

И он указал на певцов.

- За что ж они тебя передразнивали? - засмеялся князь.

- Что я бытта, хочу женитца.

- Что ж, дело доброе, добудем Нарву, тогда и женим тебя. Прощайте, молодцы, - сказал князь, удаляясь, и прибавил: - Песельникам по две чары, а жениху - три.

Солдаты были в восторге.

- Ну так, братцы, пой! Боярин похвалил, да и спорей работа пойдет.

- Ин и вправду, заводи, Гурин.

- Какую заводить-то?

- Ивушку, чтобы горла-те мы все опрастали.

И Гурин "завел" высоко-высоко:

Ивушка, ивушка, зеленая моя!

Солдатские "горла" подхватили, голоса все более и более крепки, и воодушевление особенно охватило всех, когда дело дошло до "бояр, ехавших из Новагорода".

Ехали бояре из Новагорода,

Срубали ивушку под самый корешок,

Сделали из ивушки два они весла

Два весла-весельца, третью лодочку косну,

Взяли-подхватили красну девицу с собой...

- Ну, братцы, в Нарве, поди, всех воробьев распужали, - сказал, подходя, один семеновец.

- Да мы не даром поем: за пенье зелено вино жрем, - сказал Гурин.

- Ой ли! На каки таки денежки? Да тутай и кружала нету.

- Мы завтра гуляем у самова боярина, князь Иван Юрьевича Трубецкова.

- Поддай, поддай жару, Гуря!

Гурин поддавал с высвистом:

Стали оне девицу спрашивати

Спрашивати, разговаривати:

"Что же ты, девица, не весела сидишь..."

- Бояре, бояре едут! Как бы не тово, - убежал к своим семеновец.

Это ехали осматривать работы князь Яков Федорович Долгорукий, имеретинский царевич Александр и Автаном Михайлович Головин.

Вдруг среди работавших послышались голоса:

- Государь едет, государь едет!

Петр возвращался с морского берега радостный, возбужденный.

- Государь в духе, море видел, - улыбнулся Яков Долгорукий.

- Ему бы хоть поглядеть на море, и то сыт по горло, - заметил Головин.

- Ну, не говори, Автаном Михалыч, - сказал царевич Александр своим несколько гортанным говором, - от погляденья на море государь пуще распаляется; он бы все моря, кажись, выпил.

Царь увидел своих вождей и направился к ним.

11

На Москве тем временем князь-кесарь продолжал свое застеночное дело.

Одним из наиболее крупных зверей, уловленных князь-кесарем, оказался упоминаемый в предыдущих главах друг Талицкого, тоже из ученых светил школы знаменитого протопopa Аввакума, иконник Ивашка Савин. У него при обыске найдены и подлинные сочинения

Талицкого.

Привели Ивашку пред светлые очи князь-кесаря. Сухое лицо иконника, напоминавшее старинный закоптелый образ, и стоячие глаза выдавали упорство фанатика.

- С вором Гришкой Талицким в знаемости был ли? - спросил Ромодановский.

- Был, не отрекаюсь; вместе Богу работали, - отвечал иконник.

- И с оным Гришкою в единомыслии был же?

- Был и в единомыслии.

Ромодановский глянул на иконника такими глазами, которых в Преображенском приказе никто не выдерживал. Иконник Ивашка выдержал.

- И слышал от Гришки воровские его на великого государя с поношением хульные слова?

- Слышал, - не запирался допрашиваемый.

Ромодановского поразила смелость иконописного лица.

- И воровские его, Гришкины, тетрати чел?

- Чел.

- И усмотря в воровских его тетратех государю многие укорительные слова, государю и святейшему патриарху не известил?

- Точно, не известил.

Князь-кесарь начал терять терпение.

- И ты его, Гришку, поймав, ко мне не привел по "слову и делу".

- Не привел... И то я учинил для того, чтоб он, Григорий, от меня не заплакал, и в том я перед государем виноват.

Ромодановский порывисто встал:

- С ним, я вижу, всухомятку негоже разговаривать, - обратился он к сидевшему за одним с ним столом Никите Зотову.

- Что ж, можно и маслицем сухомятку сдобрить, - улыбнулся циник Зотов.

- Все записал? - спросил князь-кесарь приказного.

- Все до единой литеры, - отвечал приказный, кладя перо за ухо.

- В исповедальню! - кивнул Ромодановский приставам на свою жертву.

Иконника увели в застенок.

- Подвесить, - сказал князь-кесарь, входя в свой "рабочий кабинет".

Заплечные мастера тотчас подняли несчастного на дыбу. Тот молчал. Палачи подтянули еще свою жертву. Руки несчастного сразу были вывихнуты из суставов, и хилое тело его опустилось.

- Вiniшься в своих воровских помыслах? - спросил Ромодановский.

- Не винюсь. Оный Григорий дал мне те написанные столбцы о пришествии в мир антихриста и о летах от создания мира до скончания света для ведомства ради того, что "любвы Божия всему веру емлет", и он, Григорий, в тех письмах писал все правду от книг Божественного писания и не своим вымыслом, а от которых книг, и то в тех письмах написано именно.

Ромодановский презрительно пожал плечами.

- Вишь, богослов какой выискался! И про великого государя в тех книгах Божественного писания сказано именно?

- Сказано, точно.

- Так и сказано, государь-де, царь Петр Алексеевич всея Руси?

- Нет, сказано не так, а сказано: восьмой царь и будет антихрист, а он и есть восьмой царь.

- Ну, придется, видно, "коптить" тебя.

- Ради мученического венца и "копчение" претерплю - Христос и не то терпел.

- Добро-ста, приравнивай себя ко Христу, - пробормотал князь-кесарь.

Далее в "розыском деле" Преображенского приказа по делу Талицкого в "расспросных речах" записано:

- "Он же, Ивашка-иконник, в расспросе и с третьей пытки говорил: кроме-де Гришки Талицкого и пономаря Артемошки Иванова иных единомышленников никого нет, и тех писем, которые у него взяты, никому он не показывал и на список за деньги и без денег никому он не давал и у иных ни у кого в доме таких писем не видывал".

Привели в застенок пономаря Артемошку. Снова в ход пошли кнут и дыба...

И приказный строчит в "расспросных речах":

"Артемошка в расспросе и с пыток говорил:

- Про письма, которые взяты у Ивашки Савина, я ведал и в совете с Гришкою и с Ивашкою Савиным был, и разговоры у нас об антихристе бывали.

После третьей пытки пономарь Артемошка молвил:

- Он, Гришка, со мною, Артемошкою, и с Ивашком-иконником бывал у тамбовского архиепискупа (иногда он записан "епископом"), и Гришка ему, архиепискупу, книги писал, и как он, Гришка, ту книгу об антихристе к нему, архиепискупу, принес, а архиепискуп, приняв ту книгу, говорил: "Бог-де весть, правда ль то письмо".

Мало трех пыток! Повели к четвертой...

Записано:

"Артемошка с четвертой пытки говорил:

- В тех воровских письмах советников нас было трое: Гришка Талицкой, я, Артемошка, и Ивашка-иконник, и те письма толковали мы вместе, а пуще у нас в том деле, в толковании, был Гришка Талицкой, и я, по тем его словам, в том ему верю..."

- Веришь! - даже вскрикнул Ромодановский. - Веришь, что великий государь, царь Петр Алексеевич всея Руси антихрист! Веришь!

- Верю: антихрист.

Ромодановский вышел из застенка в приказ, просмотрел допросы других привлеченных к делу и снова вернулся в застенки.

Пытаемый продолжал висеть на дыбе с вывихнутыми руками.

- Кто был твоим духовным отцом? - спросил князь-кесарь.

- Варлаамьевской церкви поп Лука, - был ответ.

- И он ведал про твое воровство?

- Ведал... на духу я ему про антихриста исповедовал.

- И что же он?

- Он сказал: времена-де и лета положил Бог своею властью и тебе-де и Гришке про те лета почему знать?

- А ты ему что ж на то?

- Времена и лета, говорю, исчислены в книгах.

- В каких?

- В "Апокалипсисе", у Ефрема Сирина, и Талицкий все сие на свет вывел.

12

В дело об антихристе, кроме тамбовского архиепископа (или епископа) Игнатия, была замешана еще одна видная, по своему общественному положению, родовитая личность.

Это "боярин, князь Иван, княж Иванов сын, Хованской", как он записан в деле об антихристе.

Князь Иван Хованский, знаменитый "Тараруй", кровавым метеором пронесся над Москвою во время малолетства будущего творца новой России, стоя во главе стрельецких смут. Стрельцы намеревались даже возвести его на престол!

Голову этого Хованского, которая мечтала о царском венце, в последний раз Москва видела на плахе, откуда она скатилась на помост эшафота...

Теперь сын этого Хованского сидел в отдельном каземате Преображенского приказа, ожидая своей очереди.

Сидя в одиночном заключении, он невольно вспомнил страшные картины, которых он был зрителем.

Он видел, как подвезли отца к царскому дворцу села Воздвиженского. Несчастный претендент на царский венец был связан. В воротах показались сановники и уселись на скамьях... Шакловитый читает обвинение. Обвиняемый что-то говорит... Но ему не дают оправдаться... Стрелец стремянного полка на полуслове отрубает ему голову... За головою отца падает под топором и голова брата...

Вспоминается узнику еще более страшная, потрясающая картина... По Москве движется

похоронная, невиданная процессия... На санях-розвальнях, в которых вывозят из Москвы снег и сор, стоит гроб, и гроб волокут свиньи, запряженные цугом в мочальную сбрую, с бубенчиками на шеях и в черных пополах с нашитыми на них белыми "адамовыми головами"... Около свиней идут конюхи, в "харях"... Свиньи визжат и мечутся, и конюхи их бьют...

Это везли в Преображенское вырытый из могилы гроб Милославского, друга его отца...

Впереди процессии и рядом с свиньями в черных пополах идут факельщики с зажженными просмоленными шестами, а вместо попов палачи с секирами на плечах... Тут и скороходы, наряженные чертями, рога у них и хвосты, и черти погоняют визжащих свиней, а другие пляшут вокруг гроба... Вместо погребального перезвона "на вынос" черти колотят в разбитые чугунные котлы... Ко гробу, во время остановок, вместо совершения литии, подходил сам Асмодей с кошельком Иуды в руках, позвякивая "тридесятью сребренниками" и колотя по крышке гроба жезлом с главою змия, соблаздившего Еву в раю...

Процессия приближается к Преображенскому, где уже возвышается плаха... Несколько в стороне от эшафота высится на коне великан... Это о н с а м... Около него Меншиков, Голицын Борис, Ромодановский, Лефорт, Шеин...

Гроб подкатывают под навес эшафота, и палачи топорами отдирают крышку от гроба... Оттуда выглядывает ужасное лицо мертвеца... К гробу подходит Цыклер, за ним - седой как лунь Соковнин, тоже друзья его отца...

Дьяк что-то читает... Мало что слышно... Кругом сцепенелая от ужаса толпа...

- Вершить!.. - прорезывает воздух голос с а м о г о...

Палачи подходят к Цыклеру, но он тихо отталкивает их и сам всходит на эшафот.

- Православные! - кричит он. - Рассудите меня...

Но дробь барабана заглушает его слова...

- Вершить!.. - пересиливая грохот барабана, как удар кнута, потрясает воздух опять е г о голос...

Палачи бросили осужденного на плаху...

- Верши! - е г о страшный голос...

В воздухе сверкает топор, и голова Цыклера, страшно поводя глазами, скатывается прямо в гроб Милославского...

На эшафоте и Соковнин...

- Верши!

Опять топор... опять кровь...

Все это вспоминается теперь Хованскому в его одиночном заключении...

- Господи! Камо бегу от лица е г о, - стонет несчастный. - Аще возьму криле мои рано и вселюся в последних моря, и тамо бо рука е г о сыщет мя.

Он поднялся с рогожки и подошел к тюремному окну, переплетенному железом. За окном сидел воробей и беззаботно чирикал.

- Это душа отца моего, посетившая узника в заточении, - шепчут его губы.

Под окном прошел часовой, и испуганная птичка улетела. Узник стал на колени и поднял молитвенно руки к окну, в которое глядел кусок тусклого ноябрьского неба:

- Боже мой! Боже мой! Вскую мя еси оставил!

Под окном прокричал петух.

- И се петел возгласи, - бессознательно шептали губы.

Взвизгнул ключ в ржавом замке, и тюремная дверь, визжа на петлях, растворилась. Это пришел пристав вести узника к допросу.

Едва он вошел в приказную комнату, как дьяк, по знаку князь-кесаря, развернул допросные столбцы и стал читать:

- "На тебя, боярин князь Иван, княж Иванов сын Хованский, Гришка Талицкий показал: на Троицком подворье, что в Кремле, говорил ты, боярин, Гришке: бороды-де бреют, как-де у меня бороду выбреют, что мне делать? И он-де, Гришка, тебе, князь Ивану, молвил: как-де ты знаешь, так и делай".

- Подлинно на тебя показал Гришка? - спросил уже Ромодановский. - Не отрицаешь сего?

- Подлинно... не отрицаю, - покорно отвечал князь.

- Чти дале, - кинул Ромодановский дьяку.

- Да после-де того, - читал дьяк, - он же, Гришка, был у тебя, князь Ивана, в дому, и ты-де, князь Иван, говорил ему, Гришке: Бог-де дал было мне мученический венец, да я потерял: имали-де меня в Преображенское, и на генеральном дворе Микита Зотов ставил меня в митрополиты, и дали-де мне для отречения столбец, и по тому-де письму я отрицался, а во отречении спрашивали, вместо в е р у е ш ь ли, п ь е ш ь ли? И тем-де своим отречением я себя и пуще бороды погубил, что не спорил и лучше б-де было мне мучения венец принять, нежели было такое отречение чинить*.

---

* Это место в розыском деле о Талицком не совсем понятно.

Вероятно, знаменитый старик Никита Моисеевич Зотов, приближенное лицо

к царю и носившее сан спатриарха всепьянейшего и всешутейшего

собора", ввиду раскольничьих убеждений князя Хованского, "шутейно", в

качестве шутовского патриарха, возводил Хованского в чин шутовского

митрополита и велел ему совершить от чего-то отречение. Тот и прочел

отреченный "столбец". А затем Зотов и спрашивал его по сочиненному

самим царем чину посвящения в члены "всепьянейшего и всешутейшего

собора". (Здесь и далее примеч. автора.)

- Говорил ты таковые слова? - спросил князь-кесарь.

- Говорил, - не запирался и тут Хованский.

- И все это из-за бороды?

- Из-за бороды и из-за кощунства его, Микиты Зотова: "пьешь ли" вместо "веруешь ли".

- Да сей чин ставления сочинил сам великий государь, и за те слова твои ты учинился перед великим государем виноват.

- Те слова я Гришке говорил для того, что он меня словами своими обольстил, - растерянно оправдывался Хованский.

Ничто не помогло.

- Приходится и сего допросить "с подъему", - кивнул Ромодановский дьяку.

"С подъему", "с подвесу" - это значило: поднять на дыбу и подвесить.

13

Едва Ромодановский воротился из приказа к себе, как ему доложили, что его желает видеть "государев денщик".

- Проси, проси.

Князь-кесарь давно не имел вестей от царя и потому интересовался узнать о ходе дел на войне.

Денщик государев вошел.

Это был Орлов Иван, атлет и красавец. Что был он атлет и силач, это знала и испытала знаменитая царская дубинка, которая не раз прохаживалась по несокрушимой спине Орлова, как по деревянному брусу, не вредя ему. А красоту его хорошо ценили молоденькие "дворские девки", как тогда называли фрейлин. Не у одной из них глаза и сердце рвались за богатырем "Иванушкой", а нередко хорошенькие глазки и подушки по ночам обливали "горючими слезами" по "изменщике". А одну из них, прелестную Марьюшку Гамонтову или фрейлину Гамильтон, красота "дворского сердцеда" довела впоследствии до эшафота, когда гнусный поступок Орлова довел бедную девушку, любимицу самого царя, до того, что она, желая скрыть свой девичий стыд, вынуждена была прибегнуть к преступлению...

Громкая и страшная история о найденном тогда в Летнем саду, "на огороде", мертвом ребенке, завернутом в салфетку с царской меткой, которого подняли у фонтана, и о публичной казни на эшафоте, в присутствии царя, красавицы Гамильтон, отрубленную головку которой царь поцеловал перед всем народом, эта история слишком хорошо известна всем.

- Откелева Бог принес, Иванушка? - спросил Ромодановский.

- Из-под самой Нарвы.

- Из-под Ругодева? - поправил князь-кесарь.

- Точно так, из-под Ругодева, - поправился и Орлов.

Нарву в то время русские больше называли Ругодевом.

- В своем ли здравии обретается великий государь?

- Государь Божию милостию здравствует.

- А дубинка ево стоеросовая гуляет?

- Неустанно.

- И по тебе гуляла небось?

- Гуляла онамедни.

- А за что?

- За государев же грех.

- Как?

- Да рубил он себе онамедни хижу, домишко: морозы-де наступают, так в палатке нетопленной зябко.

- Сам рубил?

- Сам, грелся. И стало ему от топора-то жарко. Он и сыми с себя кафтан, да и дал мне поддержать. В те поры один свейский немец, перебежчик, принес ему выкраденный план Ругодева. Государь мельком взглянул на него и отдал мне. Положи, говорит, в карман моего камзола, ночью-де, говорит, рассмотрю план. Я и положил в карман... А ночью все истряслось... Не приведи Бог что было!

- Ну? - Глаза у князя-кесаря разгорелись.

- Ночью я просыпаюсь от страшного гласа государева... Я вбегаю к нему... "Где план?" - изволит неистово кричать. "В кармане твоего камзола, государь", - говорю... "Нет, его там! - кричит. - Украли, продали - меня продали! Ты недоглядел!.." Да за дубинку и ну лущить, ну лущить!.. Хоша и у меня спина стоеросовая, как и ево палица-дубинка, одначе стало невтерпеж - сталь и то гнется...

Глаза у Ромодановского все больше разгорались восторгом.

- Ну? Ну?

- Да что ж! План-ат нашелся.

- Где? Как?

- У государя ж в камзоле... Карман сбоку по шву разошелся, план и завалился за подкладку.

- Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! - радостно залился князь-кесарь.

- Да, смейся, князь... Я ж оказался виноват: зачем, говорит, ты не починил камзола? А как ево починишь? Ину пору кричит: не смей по карманам лазить!

Ромодановский раскатывался и за бока брался, точно Орлов принес ему величайшую неожиданную радость.

Нахохотавшись вдоволь, князь-кесарь перешел к делу.

- Зачем же государь прислал тебя ко мне? - спросил он, вдруг став серьезно-деловым царедворцем.

- И к тебе, государь-князь, и к другим милостивцам, - отвечал Орлов.

- А ко мне-ту с чем именно?
- По воровскому делу об антихристе.
- Сие дело у меня зело знатно налажено: все мыши в моей мышеловке... Ноне князя Хованского щунял, да еще малость придется, и тогда с тобой к государю выметку из дела пошлю.
- Буду ждять, - сказал Орлов. - Да надоть завернуть мне в Немецкую слободку.
- К зазнобушке государевой?
- К ей, к Аннушке Монцовой... Соскучился по ей государь.
- Али к войску хочеть взять?
- Нет... по вестям от нее заскучал.
- Не диво... Молодой еще человек, в силе...
- Да еще в какой! - вспомнил Орлов цареву дубинку.
- А! - засмеялся опять князь-кесарь. - Ты про свою спину?
- Не про чужую, батюшка-князь.
- То-то я говорю: человек в силе, в полном соку, а жены нету... Ни то он вдов, ни то холост... Жена не жена, а инокиня... Вот тут и живи всухомятку... А Аннушка - девка ласкательная... Ну, а как дела под Ругодевом?
- Копаем укрепу себе, откуда б добывать город... А государь ходит заряжен нетерпением, море ему подай!
- Что так?
- Море видел... Сам с Данилычем да Павлушей Ягужинским изволил ездить к морю. Оттеда воротился, во - каки глаза! Распалило его море-то.
- Охоч до моря, точно, - согласился Ромодановский. - А сам не командует?
- Нету: войска сдал этому немцу, фон Круцу, а сам только глазами командует.
- А князь Трубецкой Иван Юрьевич что?
- Своею частью правит.
- А мы тут без него Аркашу его окрутили с Оксиньей Головкиной.
- Дошла ведомость о том и к нам.
- То-то дошла... А небось не дошло, что мы их окрутили по старине.
- Ну, за это государь не похвалит.
- Так приказала старая бабка, а она, что твой протопоп Аввакум, все: так угодно-де Владычице Небесной, Ее воля... Точно она у Богородицы сбитень пила.

Когда Орлов стал прощаться, чтобы ехать в Немецкую слободку к Анне Монс, Ромодановский спросил:

- А когда к государю отъезжаешь?

- Непомедлительно: денька через два, как с делом управлюсь, - отвечал Орлов.

- Добро... К тому времени я успею передопросить князя Ивана "Тараруевича" и выметку из дела государю изготворю. Так я жду тебя, сказал на прощанье князь-кесарь.

- Буду неупустительно, - сказал Орлов.

- Ах, да! - спохватился князь-кесарь. - Я приготовил для государя такой анисовки, какой и премудрый Соломон не пивал.

- Это, чаю, государю любо будет: зело охоч до анисовки.

- Так заезжай.

- Заеду неупустительно.

14

Князь Ромодановский видел, что надо было торопиться с розыском по делу об антихристе. Дело бессмысленное! Но оно касалось имени государя. В темном народе и в невежественном духовенстве бродило глухое недовольство: народ удручали усиленные рекрутские наборы, купечество - особый налог на бороды, которые дозволялось носить только тем, которые, уплатив особую пошлину за позволение не брить "честной бороды", получали из казны особый металлический знак или медаль, на которой вычеканена была борода с надписью: "Деньги за бороду взяты". Раскольники уходили в леса, в скиты и "сжигали" себя иногда целыми массами. Невежественное духовенство роптало на "новшества", видело посягательство на религию и на церковь.

И вдруг в народ хотят бросить страшное слово: государь - антихрист!.. Надо немедленно затушить страшную искру, пока еще тлевшую под землею, в казематах и в застенке Преображенского приказа... А если эту искру в виде пока невидимой головни уже перебросило в сухую солому, в хворост, легко воспламеняющийся - в народ?..

Надо, надо спешить! Затоптать искру!

На другой же день князь Ромодановский приступил к передопросам.

Надо было свести на очную ставку Талицкого, этого "злу заводчика" с князем Хованским.

- Это семя Милославского, стрелецкая отрыжка! - говорил государь, отъезжая с войском под Нарву.

Привели в приказ Талицкого.

- Говорил тебе князь Хованский Иван: Бог-де дал было мне мученический венец, да я-де потерял его? - спросил князь-кесарь.

- Говорил подлинно, - отвечал таким тоном Талицкий, точно ему было все равно.

Да это и правда: он уже видел вблизи свою смерть, так ему было все равно... Сорвалось! Не подняться ему и его делу! А как, казалось, широко и глубоко было оно задумано!.. Он чаял-видел себя спасителем народа... Народ, благодетельствованный им, воскликнет: на руках возьмут тя, да не преткнешли о камень ногу твою... И вот впереди Аввакумов престол, костер да венец ангельский...

- И то Хованской говорил после первого взятия ево в Преображенское по выпуске из оногo? -

продолжал Ромодановский.

- По выпуске, у себя на дому.

- А касательно ставленья ево Микитою Зотовым в митрополиты?

- Князь Иван, будучи спрошен на ставленьи: "пьешь ли?" вместо "веришь ли", уразумел, что то творил Микита Зотов надругательство и кощунство над освященным собором... То Зотов изbleвал хулу на святую православную церковь.

Князь Ромодановский сам очень хорошо понимал, что сочиненный самим царем устав "всепьянейшего и всешутейшего собора" и чин ставления в "шутейшие патриархи" и в такие же митрополиты не что иное, как насмешка над идеєю патриаршества в России, которое Петр и похоронил со смертью последнего на Руси патриарха Адриана. Князь-кесарь отлично понимал, что, с точки зрения религии, это - кощунство и надругательство над церковною обрядностью, как смотрел на это и допрашиваемый и пытаемый им в застенке книгописец Талицкий; но Ромодановский также не мог не сознавать, что гениальный преобразователь России кощунствовал не для кощунства, не для забавы, а ради высших государственных интересов; князь Ромодановский видел, что царь прибегал к этим крутым и даже рискованным мерам для того, чтоб умалить влияние невежественного духовенства на темные массы. Что могло быть гибельнее для государства внушения народу каким-то "книгописцем", да не только народу, но и епископам и архиепископам, что в России глава государства, помазанник - сам антихрист!.. И вот тот, кого называют антихристом, отвечает своим клеветникам, сочинив знаменитые "пении" и "кануны", распевающиеся на этих соборах, хотя бы "Канун Бахусов и Венерин", такого содержания:

Бахусе, пьянейший главоболения,

Бахусе, мерзейший рукотрясения,

Бахусе, пьяным радование,

Бахусе, неистовым пляс велий,

Бахусе, блудницам ликование,

Бахусе, хребтом вихляние,

Бахусе, ногам подъятие,

Бахусе, ледвиям поругание,

Бахусе, верним тошнота,

Бахусе портов пропитие,

Бахусе пьянейший, моли Венеру о нас!

Князь Ромодановский продолжал допрашивать Талицкого.

- "И тем-де своим отречением я себя и пуще бороды погубил, что не спорил, и лучше б де было мне мучения венец принять, нежели было такое отречение чинить..." Эти ли слова говорил князь Иван?

- Подлинно сии слова, - апатично отвечал Талицкий.

По знаку князя-кесаря ввели Хованского для очной ставки.

- Вычти последние Гришкины расспросные речи, - сказал дьяку Ромодановский.

Тот "вычел".

- Твои это речи? - спросил князь-кесарь Хованского.

- Не мои... То поклеп Гришкин, - отвечал последний, - не мои то слова.

Напрасное упорство! И Талицкого и Хованского повели в застенки.

Подняли на дыбу последнего.

В застенке на очной ставке и с подъему князь Иван говорил:

"Теми словами Гришка поклепал на меня за то: говорил мне Гришка о дьяконе, который жил в селе Горах, чтобы его поставить в мою вотчину, в село Ильинское, в попы, и я ему в этом отказал... А что я сперва в расспросе против тех Гришкиных слов винился, и то сказал на себя напрасно, второпях".

Чуть живого сняли Хованского "с подъему".

Вместо него подвесили Талицкого.

- О том дьяконе, чтобы ему быть в вотчине князя Ивана в селе Ильинском, в попах, я говорил, и князь Иван его не принял.

После обморока, вспрыснутый водою, Талицкий продолжал:

- А вышесказанными словами я на князя Ивана за того дьякона не клепал, а говорил на него то, что от него слышал...

Когда на другой день, утром, вошли в каземат князя Хованского, то нашли его уже мертвым.

15

Наступило 17 ноября 1700 года. В русском лагере под Нарвой заметно особенное движение. Между солдатами из уст в уста передается тревожное известие.

- Сам Карла прет к Ругодеву на выручку.

- Видимо-невидимо их валит, наши сказывали.

- Стена стеной, слышь.

- Не диво, братцы, что наш набольший, Шереметев Борис, лататы задал.

Действительно, в этот день боярин Борис Петрович Шереметев, посланный с частью войска к Везенбергу, поспешно воротился под Нарву и известил, что сам король спешит с войском на выручку своего города, защищаемого небольшим гарнизоном под начальством коменданта Горна.

Тогда русские тотчас приступили к усиленной канонаде Нарвы.

Но что могла сделать даже усиленная канонада из плохих орудий? Ведь бомбардирование длилось уже почти целый месяц - с 20 октября, а осада не подвинулась ни на шаг. Наши пушки напрасно тратили заряды. Пожар хотя и вспыхивал в городе, но его тушили, а стены стояли нетронутыми.

В ту же ночь царь покинул войско. Для чего? Чтобы не мешать распоряжениям опытного вождя фон Круи? Или спешить за сбором нового войска?

Но как бы то ни было, уход Петра из-под Нарвы удручающе подействовал на русское войско, и без того не доверявшее военачальникам-немцам. Говорили даже, втихомолку, будто бы государь бежал.

- Сказывают, убег государь-ат.

- Ври больше! Не такой он, батюшка, чтоб бегал от деток своих.

- И впрямь не такой: вон под Азовом-ту словно стяг воинский маячил перед нами, за версту его видно было.

- Точно: когда эти хохлатые черти, черкасы, добывали вежу, дак батюшка-царь с ими на вежу кинулся было, да только сами черкасы не пустили его.

- Знамо, оберегаючи его царское пресветлое величество.

- А то "убег"! Ишь, како слово ляпнул!

- А что... Сказывали другие-прочие...

- Слякоть болтает, новобранцы, а ты и слухачи развесил.

Однако сомнение закрадывалось в душу каждого, и воодушевление падало в рядах русских. И лица офицеров, казалось, выдавали общую тревогу.

И не удивительно: войско поневоле чувствовало себя как бы покинутым. Присутствие царя являлось большою силою для армии.

Так прошел весь день 18 ноября. Нарва не сдавалась, хотя пожары в ней от русских брандкугелей не прекращались.

19 ноября шведы сделали стремительное нападение на русский лагерь, который ослаблен был тем, что его растянули на семь верст.

Юному шведскому королю военный гений подсказал воспользоваться союзом природы, союзом стихийных сил. Шел сильный, косой от ветра, снег. Карл так расположил ряды своего, ничтожного сравнительно с русским войска, не достигавшего 2000, тогда как у нас было 35000, расположил так, что снег гнал его солдат в тыл, а русским буквально залеплял глаза.

Отчаянный потомок Гаральда, этот последний "варяг", ураганом, вместе с снежною вьюгой, ворвался в русский укрепленный лагерь.

Русские с ужасом видели, что какой-то великан, весь облепленный снегом, сорвал с лафета одно полевое орудие, сделав этим бревном-пушкой целую улицу из мертвых тел, точно так, как делал когда-то сказочный Васька Буслаев.

Это был поразительный силач Гинтерсфельд, любимец Карла. Чтобы судить о его силе, напомним два случая из его жизни. Однажды в Стокгольме, въезжая вместе с другими всадниками в каменные сводные ворота замка, Гинтерсфельд схватился рукою за железное кольцо, вбитое в свод, и, сжав ногами бока своего коня, приподнял его вместе с собою, словно бы это была игрушечная деревянная лошадка.

В другой раз, накануне уже битвы под Нарвой, он, будучи часовым у палатки короля, ночью несколько отошел от своего поста поболтать с приятелем, а ружье прислонил к палатке, что

ли. Вдруг он, к ужасу своему заметил, что король лично проверяет бдительность часовых и очутился около палатки. От неожиданности и с испугу Гинтерсфельд так растерялся, что забыл даже, где поставил свое ружье, и, моментально схватив с лафета пушку, отдал ее честь королю! Пушкой на караул!

При виде такого чудовища, швыряющего осадными орудиями, как поленьями, русские пришли в ужас.

- Батюшки! Пушками лукается!

- Нечистая сила!

- С нами крест!.. Свят, свят!

Ряды наших дрогнули. К несчастью, тут находился и боярин Шереметев. Услыхав о нечистой силе, он, полный суеверия сын своего века, первым обратился в бегство, крестясь и творя молитвы. За ним ринулись ближайшие части войск.

Произошло смятение по всей линии, и паника охватила весь лагерь.

- Спасайтесь, православные! - крикнул кто-то.

Все бросились к мосту, перекинутому через Нарову. Лагерь, орудия, военные запасы, провиант, палатки, обоз - все брошено. На мосту ужасающая давка. Кто падал, того свои давили ногами. Офицеры смешались с солдатами, конные с пешими.

И вдруг рухнул мост. Безумные, нечеловеческие крики потрясли воздух.

Живые и мертвые запрудили Нарову, так что вода вышла из берегов, поглощая и унося живых и мертвых к морю - к тому морю, которое еще так недавно возбуждало великие, гордые думы в царственной голове того, которого постигло теперь первое великое несчастье...

Упавшие в воду, спасая себя, топили и душили других в последних предсмертных объятиях. Ржание лошадей, тоже тонувших с всадниками или топивших их в борьбе с волнами Наровы, дополняло всеобщий ужас.

А шведы были беспощадны. Одних убивали, других сталкивали с обрывистого берега в бушующие волны, третьих захватывали в плен и, лишая оружия, гнали назад, как стада баранов.

Трубецкой, князь Иван Юрьевич, отец княжича Аркадия и тесть Ксении, князь Яков Долгорукий, Автаном Михайлович Головин и имеретинский царевич Александр отдались неприятелю, выговорив себе свободный выход на Русь.

А снежный ураган продолжал свирепствовать. Казалось, что настал конец света и небесные силы отвернулись от побежденных.

В этом хаосе Преображенский богатырь Лобарь, тот самый силач Теренька, над простотой которого потешались товарищи, что будто бы "задумал Теренька жаницца" - этот Теренька, колотивший кулаками направо и налево, словно гирями, вдруг нечаянно наскочил на великана Гинтерсфельда, стоявшего на своем коне недалеко от самого короля, у ног которого русские военачальники складывали свое оружие. Лобарь узнал шведского богатыря...

- А, чертов сын! - закричал он. - Ты пушками лукаешься! Вот же тебе, н-на!

И он, нагнув свою несокрушимую, точно из чугуна вылитую голову, ринулся вперед подобно

стенобитному тарану.

...Карл пришел в величайшее недоумение. Его богатыря, его непобедимого Гинтерсфельда вместе с конем какое-то расสวิрепевшее чудовище опрокинуло словно ударом молнии!

Шведский богатырь, сброшенный падением лошади с седла, с обнаженным палахом кинулся на своего противника. За ним и другие шведы устремились с саблями наголо на безоружного русского вепря.

- Уаае! Уаае! Ни шагу! - крикнул король.

Русские вожди, слагавшие оружие перед Карлом, узнали своего вепря. Он стоял, тяжело дыша, готовый снова ринуться на всех: все равно пропадать!

Но шведский король приказал пощадить "чудовище русской земли" - из любопытства.

Несчастный для России кровавый день 19 ноября 1700 года, наконец, кончился с закатом на прояснившемся западе багрового солнца.

А трупы русских бурная Нарова продолжала нести в "чужое море"...

16

Поражение русских под Нарвой совершилось главным образом по вине их военачальников.

Первым обратился в постыдное бегство боярин Шереметев.

Главнокомандующий и его свита, то есть герцог фон Круи и его штаб с прочими иноземцами, сами побежали в объятия шведов и сдались. Около восьмидесяти офицеров русской службы взяты военнопленными и отправлены за море, в Швецию.

Одни преображенцы и семеновцы с генералом Адамом Вейде держались стойко, но и их поколебала паника остального войска, и они, наполовину перебитые, положили оружие. До шести тысяч русских погибло на пути к Новгороду из числа тех, которым удалось перебраться через Нарову: они погибли от голоду и холоду.

Где же в эти несчастные для России дни находился ее вождь, ее державный начальник?

Петр покинул осаждаемую его войском Нарву в ночь на 18 ноября и вместе с неразлучными денщиками своими, Орловым и Ягужинским, поспешил в Новгород для приготовления возможно широких и верных средств к успешному продолжению неизбежной борьбы с сильным врагом.

Нужно было поторопить усиленным набором ратников, укрепить пограничные, важные в стратегическом отношении пункты, как Новгород и Псков, а главное, создать артиллерию, которая стояла бы на высоте своего назначения. Под Азовом и теперь под Нарвой Петр лично убедился, как жалки были в деле орудия его войска. Русские пушки могли пробивать бреши только в деревянных частоколах, а перед каменными стенами они были бессильны: от стен Нарвы русские ядра отскакивали как горох... Позор! Это царь видел и негодовал - негодованием сгоняя краску стыда со своих щек... Позор!

Из Новгорода царь немедленно разослал указы собирать к весне новое войско со всех концов России и к весне приготовить его к военным действиям.

- За медлительность и нерадение - виселица! - велел он объявить гонцам, посылаемым с указами.

В Новгород же он вызвал думного дьяка Винуса, энергия и расторопность которого были ему известны.

- Высылай немедленно на работу поголовно все население новгородской и псковской земель: солдат, крестьян, попов, причетников, баб! - сказал он Винусу. - Ныне земле русской, ее городам и храмам Божиим грозит нашествие иноплеменников, то я повелеваю духовенству закрыть на время церкви, прекратить служение в оных и отдать все свое время и рачение укреплению Новгорода и Пскова... Понял?

- Понимаю, государь, - отвечал Винус.

- Землекопов, каменщиков пригнать со всей земли, слышишь?

- Слушаю, государь.

- А ты сам неукоснительно приступи к литью медных пушек нового образца... Чертежи я тебе дам.

- Медные, государь! А где взять меди?

- У меня меди с серебром хватит на триста пушек.

- А где эта медь, осмелюсь спросить, государь?

- В церквах, в монастырях, по колокольням!

- Как, государь, колокола?..

- Да, колокола! Оставь им по малому колокольцу, и того довольно, а все остальные, большие и малые, на пушки!.. Всевышний не нуждается в их трезвоне: Он Божественным слухом своим слышит вздох души, биение сердца, рост травы!.. На что Ему колокола!.. В них ты найдешь преотменную медь, о какой и не помышляет мой заносчивый брат Карл, медь с примесью знатной доли серебра, и пусть сия медь кричит и глаголет во славу Всевышнего Бога и для благоденствия России!

- Слушаю, великий государь!

- Монахов и черниц, сих дармоедов, попов, дьяконов и причетников заставить молиться святою молитвою - работою во славу Святой Руси, а не поклонами, в коих Вседержитель не нуждается... Ты читал когда-либо пророка Исаию? - вдруг оборвал он себя, остановившись перед изумленным Винусом.

- Читал, государь... - недоумевал последний.

- Читал? Так помнишь, что говорит Вседержитель всем попам и архиереям устами пророка?

- Не памятью, государь... Библия так пространна...

- А я помню. "Что ми множество жертв ваших? - говорит Вседержитель попам и архиереям. - Исполнен есмь всесожжений овних и тука агнцев и крови юнцов, и козлов не хочу... кадило мерзости ми есть"... Слышишь?

- Слышу, государь.

- "Кадило мерзости ми есть" - глаголет Адонай Господь; а попы только и знают, что кадят...

- Точно... только кадят, государь.

- А Бог говорит дальше попам: "Новомесячий ваших и суббот, и дне великого не потерплю, поста и праздности, и новомесячий ваших, и праздников ваших ненавидит душа Моя"...* Вот что Он говорит.

---

* Пр. Исаии, I, II - 15.

Виниусу, изумленному, даже испуганному, казалось, что сам пророк гремит над ним.

- Так лопаты, заступы, кирки, топоры им в руки, а не кадила!.. И посты и праздники ненавидит душа Его, ненавидит!.. А кадила их - мерзость для Него!

Вдруг он оглянулся, услышав, что кто-то сморкается в углу. Там стояли Орлов и Ягужинский, и последний торопливо утирал слезы.

- Ты о чем это? - спросил царь.

Павлуша потупился и конфузливо молчал.

- О чем, спрашиваю, или кто тебя обидел?

- Государь... я... я, - лепетал Павлуша, - я... от изумления...

- Какого изумления?

- От зависти, государь! - выпалил Орлов и засмеялся. - Если б, говорит, я все так знал и помнил...

- Это похвальная зависть, - серьезно сказал государь. - И я от зависти чуть не плакал, взирая на все то, что я видел у иноземцев и чего у нас нет.

- Да он, государь, всему завидует... - продолжал улыбаться Орлов.

- А ты, чаю, завидуешь токмо красивым дворским девкам, бабник.

И государь снова обратился к Виниусу.

- Будучи под Ругодевом, я оттедова к морю ездил, - сказал он, и глаза его вновь загорелись вдохновенным огнем. - Сколько там простору и утешения для глаз! Вот коли ты мне к разливу реки изготовишь пушек добрых ста три, то мы с Божьей помощью и до моря променаду учиним.

- Пошли-то, Господи, - поклонился Виниус.

- Так долой с колоколен колокола, и переливай в пушки! А я рала все перекою в оружие, дабы возвысить Россию... А после и рала вновь заведем, и пахать станем.

- Аминь! - взволнованно проговорил Виниус.

17

Время шло, а вестей из-под Нарвы к царю все еще не было. Ни один гонец не пригнал в Новгород.

Прошло и 18, и 19 ноября, а вестей нет. Уже на исходе и день 20-го, а все никого нет от войска.

Чего ждут эти увальни, Головин, Трубецкой, Борька Шереметев? Да и немчура этот, "фон Крой", должен знать воинские порядки. Как третий день не доносить царю, что у них тама творится?

- Иван! Снаряжайся и в ночь гони под Нарву.

- Слушаю, государь... Живой рукой привезу вести... Ничего особого не изволишь приказать, государь?

- Нет... Надоть допрежь того узнать, что там...

Через несколько минут Орлов уже мчался ямским трактом к выходу Наровы из Чудского озера.

Петр тревожно провел остаток дня 20 ноября и ночь на 21-е.

Рано же утром он вместе с Виниусом и Ягужинским отправился на работы по укреплению города.

На дороге им встретился странного вида старик, почти в лохмотьях, но в собольей шапке. Он стоял посередине улицы и, притоптывая ногами, пел старческим баском, задрав голову кверху:

А бу-бу-бу-бу-бу.

Сидит ворон на дубу,

Он играет во трубу,

Труба точеная,

Позолоченная.

- Скорей, скорей летите, а то немецкие вороны да собаки все поедят и кровушку всю вылакают, - выкрикивал он, махая руками.

Этот старик обращался к летевшим по небу стаям птиц. То были целые тучи воронья.

Это заметил и царь с своими двумя спутниками.

- Куда это летит столько птицы? - дивился государь. - И все на северо-запад.

- Лети, лети, Божья птичка! - продолжал странный старик. - Боженька припас тебе там много, много ествы, человечинки.

- Я догадываюсь, государь, что сие означает, - с тревогой сказал Виниус, - птица сия чуткая... Она учуяла там корм себе... Битва была кровавая, птица проведала о том Божьим промыслом...

Слова Виниуса встревожили царя.

- Ты прав, - задумчиво проговорил он, - птица чует... Бой был, в том нет сумления... А был бой, и трупы есть... Но чьих больше?

- Будем надеяться, - нерешительно сказал Виниус, - Божиею милостью и твоим государевым счастьем...

- Но почему вестей доселе нет? Ни единого гонца!

Уже издали доносился голос странного старика:

А бу-бу-бу-бу-бу,

Сидит ворон на дубу,

Он играет во трубу...

- Киш-киш, вороны! Киш-киш, черные!

Около стен ближнего монастыря копошились, словно муравьи, какие-то черные люди. То были монахи и монастырские служки. Они укрепляли обветшалые стены. За работами наблюдал сам престарелый игумен.

Старый инок нет-нет да и поглядывал на небо, качая головой в клобуке.

Увидев царя, он издали осенил его крестным знаменем.

- Дело государское блюдешь, отче? - спросил царь, подходя.

- Блюду, с Божьей помощью, великий государь, - отвечал старец и взглянул на небо.

Птица продолжала лететь на северо-запад, перекликаясь гортанным карканьем.

- Удивляет тебя птица? - спросил Петр.

- Смущает, государь... Враны сии смущают... К кровопролитью сие знамение.

- Сколько у тебя колоколов в монастыре? - спросил Петр.

- Колоколов, государь, нечего Бога гневить, достаточно.

- Так я велю перелить их в пушки, - сказал царь.

Старый инок, казалось, не понял государя. Виниус не успел еще сообщить ему волю царя относительно церковных колоколов.

- Все колокола велю перелить в пушки, - повторил государь, - понеже приспе час, когда пушки стали для святых церквей надобнее колоколов.

Игумен онемел от изумления и страха...

"Последние времена пришли, - зароилось в его старой голове, - храмы Божьи лишать благовествования... глагола небесного..."

- Так ты, отче, распорядись приготовить все потребное для спуска колоколов на землю, - сказал Петр, проходя дальше, - слышишь?

- Воля царева, - уныло проговорил старик.

Он долго потом с ужасом смотрел на удалявшуюся исполинскую фигуру государя, опиравшегося на свою дубинку.

- Времена и лета положил Бог своею властью, - покорно пробормотал старец, подняв молитвенно глаза к небу.

Он никак не мог опомниться от слов царя.

- Святые колокола на пушки!.. Остается ризы с чудотворных икон ободрать... О, Господи!

Старик подозвал к себе отца эконома.

- Ты слышал, что повелел царь? - шепотом спросил он.

- Ни, отче, за стуком не слышал.

- Велит спускать с колоколен все колокола.

- На какую потребу, отче?

- Велю-де, сказывал, все колокола перелить на пушки.

Отец эконом не верил тому, что слышал.

- Сего не может быть! Обнажить храмы Божии от колоколов!.. Да это святотатство!

- Подлинно, страшное святотатство, какого не было на Руси, как и Русь почалась.

- Как же быть, владыко?

- Уж и не придумаю... Царь он над всею землей, и выше его один токмо Бог... К небу возопиет обида сия храмам Божиим... Тебе ведом, я чаю, его нрав жестокий: суздальского Покровского монастыря архимандрита и священников били кнутом в Преображенском приказе за то, что убоялись незаконного деяния - постричь насильно царицу Евдокию, жену его, голубицу невинную.

- Ох, слышал, слышал, владыко.

В это время из-за монастырской ограды послышался жалобный крик.

- Никак, это голос отца казначея? - прислушивался старый игумен.

- Ево! Ево!..

- Царь бьет... Верно, согрубил ему отец казначей, строптивый инок.

- Бьет... бьет... Ох, Господи! И кричит: "Лентяи все, дармоеды! Я вас!"

- О, Господи!..

18

Царь показывал Винуису чертежи и описания новых пушек, когда на дворе послышалось какое-то движение.

- Гонец пригнал, - донеслось со двора.

Царь вскочил. В дверях стоял Орлов, страшный, исхудалый, весь в грязи, с искаженным лицом и трясущеюся челюстью.

Увидев царя, он крыжом упал к его ногам.

- Вели, государь, казнить гонца своего за недобрые вести! О! О! стонал он.

Лицо Петра было страшно, оно все судорожно дергалось.

- Встань, Иван, - тихо, глухо сказал он.

- О, Господи! Не родиться бы мне на свет Божий! - стонал Орлов.

- Встань! Говори все, - приказал царь. - Я не баба, не сомлею.

Орлов приподнялся. Виниус так же дрожал. Ягужинский забился в угол и плакал.

- Сказывай! Я на все готов... я жив еще! А там посмотрим.

- Великая беда постигла твое войско, государь, под Нарвой, - начал Орлов, стараясь не сбиваться. - Уже в пути я повстречал боярина Бориса Петровича Шереметева... С им была махонькая горстка ратных людей, да и те с голоду и холоду мало не помирали наглою смертью.

- Для чего ж он гонца не прислал ко мне?

- Некого было, государь... Которые были с им конники, и те все в пути обезлошадели, все от бескормицы пали кони под ними.

- А фон Круи?..

- "Фон Крой", государь, и все его иноземцы, как только увидели беду, все до единого убегли к королю...

- Га! - вырвалось у великана - и больше ни слова.

- Вейде Адам, государь, с преображенцами да семеновцами еще держались, крепко бились, пяди земли не уступали...

- Молодцы! - лицо Петра просветлело. - Ну?..

- Да и те, государь, почти все полегли костями за тебя, государь.

Петр перекрестился, грудь его вздымалась.

- А Трубецкой Иван, Долгорукой Яков, Головин Автаном?

- Все в полон попали, государь... Взят в полон и царевич имеретинский... Мост на Нарове, государь, подломился, и убець не могли, а которые, може, тысячами, в реке потонувши...

- Кто ж из полковников остался?

- Никого, государь, все офицеры взяты.

- А артиллерия?

- Вся, государь, досталась врагу.

Петр глянул на Виниуса. Того била лихорадка.

- Не дрожи, старик! - сказал ему царь. - У нас будет артиллерия, да не такая... А как же Шереметев уцелел?

- Он, государь, со своими полками отступил...

- Бежал Борька!

- Отступил, государь... помилуй... Отступил, чтоб спасти остатки... Опосля уж мост на Нарове подломился.

- А много у Бориса уцелело?

- Горсть одна, государь... В пути погибло тысяч до шести... Я видел, государь, по всей дороге встречаются мертвые кучами... с голоду и холоду... Птица и зверь ими кормятся... О, Господи! Таково страшно!

И Орлов, этот богатырь, заплакал.

- Вон куда птица летела, - глянул Петр на Винууса. - Все? - спросил он Орлова уже спокойным голосом.

- Все, государь.

- Так поди подкрепись и отдохни.

Орлов пошел было к двери...

- Постой, Ваня, погоди малость, - остановил его, Петр, - не слышно ли было тебе чего про короля? Собирается он на нас - или идет уже?

- Нету, государь... Которые наши из преображенцев убегли из полону на походе, те сказывали, что король, покинув Ругодев, поворотил с войском назад и, слышно, пошел против короля Августа.

Государь облегченно вздохнул.

- Так мы еще успеем приготовиться, - и он погрозил пальцем невидимому врагу. - Спасибо, Ваня, на твоих вестях... А теперь ступай отдохни.

Орлов ушел шатаясь.

Весть о нарвском погроме быстро облетела весь Новгород. О погроме узнали от ямщиков, ездивших с Орловым.

Хотя весть эта и поразила новгородцев, но они считали поражение под Нарвой явлением неизбежным, естественным. По мнению новгородцев, в особенности же новгородского духовенства и монашеского сословия, это была кара Божья, грозное предостережение свыше царю за его безбожные действия, за лишение храмов их священного достояния - колоколов, за прекращение Богослужения в храмах и за обращение людей "ангельского чина", то есть монахов и монахинь, в чернорабочих, в поденщиков и поденщиц... Не то еще ожидает Россию за колокола!

По городу разнеслась весть страшная, неслыханная! О том, что "Богородица плачет"... Рассказывали, что отец казначей, которого царь накануне поучил своею дубинкой, сам видел, молясь вечером у св. Софии, "своими глазыньками видел", передавали бабы, как с иконы Богородицы "в три ручья текли слезы".

- Так, мать моя, и льются, так и льются!

- А я, сестрички, ноне ночью, наведаючись до стельной коровушки, видела, как в трубу того дома, где остановился царь, огненный змий влетел... Вижу это я, летит он по небу, хвост так и пышет! У меня инда поджилки затряслись, и бежать не смогу...

- А ты б перекстилась, голубка.

- Кстилась, ягодка... А он, змий-ат, как глянет на меня, так еле-еле в коровник вползла... А он как зашумит, зашумит! Я - глядь, а он в трубу, инда искры полетели.

- То-то ноне у нас всю ноченьку собака выла, - воет, воет!

- Ох, последни, последни денечки подошли, милые мои, о-о-хо-хо!.. Прощай, белый свет!

Но нарвскому поражению положительно радовались попы и черная братия.

- Сказано бо в "Апокалипсисе", - ораторствовал отец казначей, почесывая все еще болевшую от царевой дубинки спину: "И видех, и се конь бледь, и сидящий на нем, имя ему смерть, и ад идяше в следе его, и дана бысть ему область на четвертой части земли убити оружием и голодом, и смертию, и зверьми земными"...

- И птицами небесными, - добавил отец-эконом, - вон и ноне все еще летят туда птицы, - указал он на небо.

В это время за монастырской оградой слышалось:

А бу-бу-бу-бу-бу,

Сидит ворон на дубу,

Он играет во трубу...

- Вон и Панфилушка, человек Божий, про воронье поет, - пояснил отец эконом.

- А все-таки, отцы и братия, надоть сымать колокола, - сказал отец архимандрит.

Но едва услышали об этом бабы, плач раздался по всему городу.

19

Мрачный сидит у себя князь-кесарь. Перед ним доверенный дьяк из приказа.

- Вон пишет из Новгорода сам, - вертит в руке князь-кесарь бумажку.

- Сам государь-батюшка? - любопытствует дьяк.

- Он!

- Ну-кося, батюшка-князь?..

- Пишет мне: "Пьяная рожа! Зверь! Долго ль тебе людей жечь? Перестань знаться с Ивашкою Хмельницким..."

- Это то есть хмельным заниматься?

- Да, пьянствовать... "Перестань, пишет, знаться с Ивашкою Хмельницким: быть от него роже дреной..."

- Ахти-ахти, горе какое! - испуганно говорит дьяк. - Как же это?

- Да как! Я вот и отписываю ему: "Неколи мне с Ивашкою знаться, всегда в кровях омываемся..."

- Подлинно "в кровях омываемся", - покачал головою дьяк.

- "Ваше-то дело, - продолжал читать князь-кесарь, - на досуге стало держать знакомство с Ивашкою, а нам недосуг..."

- Так, так... По всяк день "в кровях омываемся", - продолжал качать головою дьяк. - Вот хуть бы сие дело, с Гришкою Талицким, во скольких кровях омывались мы!

- Побродим и еще в кровях... На сие дело и намекает он... А скольких еще придется нам парить в "бане немшенной и нетопленной" (так называли застенки).

- Многонько, батюшка князь.

- Так на завтрее мы с Божьей помощью и займемся, Онисимыч.

- Добро-ста, батюшка князь, - поклонился Онисимыч, мысленно повторяя: "Подлинно в кровях омываемся".

Итак, с утра "с Божьей помощью" и занялись.

В приказ позваны были сергиевский поп Амбросим да церкви Дмитрия Солунского дьякон Никита и объявили в един голос:

- Когда мы по указу блаженные памяти святейшего патриарха Андрияна обыскивали в своем сороку вора Гришку Талицкого и пришли в дом попа Андрея, церкви Входа в Иерусалим, что в Китае у Троицы, на рву, и попадья его Степанида нам говорила: не того ль де Гришки ищут, который к мужу моему хаживал и говорил у нас в дому: как-де я скроюсь, и на Москве-де будет великое смятение, и казала тетрати руки его, Гришкиной.

Это та самая попадья Степанида, что первая открыла, по знакомству, Павлуше Ягужинскому о заговоре Талицкого и его преступных сочинениях.

Поставили и попадью пред очи князь-кесаря и Онисимыча.

- Тот Гришка, - смело затараторила попадья, ободренная в свое время Ягужинским, что царь-де не даст ее в обиду за донос, - тот Гришка в дом к моему мужу захаживал и, будучи у нас в доме, при муже и при мне великого государя антихристом называл, и какой-де он царь? Мучит сам. И про сына его, государева, про царевича говорил: не от доброго-де корения и отрасль недобрая, и как-де я с Москвы скроюсь, и на Москве-де будет великое смятение.

Кончила попадья и платочком утерлась.

- Все? - спросил Ромодановский.

- Все... Я про то и денщику цареву Павлу сказывала и тетрати ему дала Гришкины... А денщик Павел мне знаем во с каких лет (попадья показала рукой не выше стола): коли просвирней была, просфорами ево, махонького, кармливала.

- Что же мне первому не сказала обо всем? - спросил князь-кесарь.

- Боялась тебя, батюшка-князь.

Попадью отпустили и ввели ее мужа.

Этот стал было запираяться, но пытка вынудила признание.

- От того Гришки, слышав те слова про великого государя, - чуть слышно проговорил истязаемый, - не известил простотою своею, боясь про такие слова и говорить, да и страха ради, авось Гришка в тех словах запрется.

После попа Андрея, уведенного из застенка полуживым, ввели в "баню" запиравшегося кадашевца Феоктистку Константинова.

- У Гришки Талицкого, - показывал этот, вися на дыбе, - я книгу "Хрисмологию" купил на продажу... дал три рубля... И Гришка в разговоре говорил, чтоб я продал имение свое и пошел в монастырь для того, что пришла кончина света и антихрист настал... и антихристом

называл великого государя... и просил у меня себе денег на пропитание... Пришло-де время последнее, а вы-де живете, что свиньи... А что я в тех словах на Гришку простотою не известил, в том пред великим государем виноват... А про воровство Гришкино и про воровские письма я не ведал.

Сегодня, после гневного царского письма (князь-кесарь никак не мог забыть "пьяной рожи" и "рожи драной"), застенок действовал особенно энергично. Долго не допрашивали, а сейчас сдавали на руки "заплечным мастерам" и на дыбу.

После кадашевца тотчас подвесили, и подвешивали три раза, племянника Талицкого, Мишку, который помогал ему писать книги.

Третье подвешивание дало такие результаты:

- Когда скрылся дядя, - говорил Мишка, - я на другой день, пришед к тетке, взял из черной избы тетради обманом, чтоб про те тетради известить в Преображенском приказе, только того числа известить не успел.

Затем введен был в застенок садовник Федотка Миляков.

После неоднократного подвешивания и встряски на дыбе пытаемый говорил:

- Однава пришел ко мне Гришка Талицкой с портным мастером, Сенькою зовут, а чей сын и как слывет, не помню, и поили меня вином, и в разговоре Гришка говорил мне: хочу-де я писать книгу о последнем веце и отдать в Киев напечатать, и пустить в мир, пусть бы люди пользовались, да скудость моя, нечем питаться. И я Гришке говорил: как он такую книгу напишет, чтоб дал мне, и я-де ему за труды дам денег и в пьянстве дал десять рублей. И после того я Гришке говорил, чтоб мне дал ту книгу или деньги, и Гришка мне в книге отказал: нельзя-де мне тебе той книги дать, человек ты непостоянный и пьяница. А про то, что в той книге на государя написаны у Гришки хулы с поношением, не сказывал.

И этого чуть живого вынесли из застенка, окровавленного ударами кнута.

Истинно сегодня князь-кесарь и Онисимыч "в кровях омывались"...

В застенок введен был оговоренный Талицким человек Стрешнева Андрюшка Семенов и с подвеса показал:

- Тот Гришка в доме у себя дал мне тетрадку в четверть, писана полууставом, о исчислении лет, и я прочел ту тетрадку, отдал Гришке назад и сказал: я-де этого познать не могу. И Гришка мне говорил: ныне-де пришли последние времена, настанет-де антихрист, а будет-де антихрист великий государь... И от него я пошел домой, а про Гришкины слова не известил потому, что был болен.

Увели и этого.

Пот градом лил с дьяка от усердного записывания показаний пытаемых.

- Много ль еще осталось допросить? - спросил Ромодановский, видя, что его неутомимый Онисимыч совершенно изнемог.

Дьяк просмотрел столбцы.

- С Пресни церкви Иоанна Богослова распоп Гришка Иванов.

- Сего распопа надоть передопросить, - сказал князь-кесарь. - Кто еще?

- Хлебного двора подлючник Пашка Иванов да с Углича Покровского монастыря диакон Мишка Денисов, да печатного дела батырщик Митька Кирилов, да ученик Гришки Талицкого Ивашка Савельев.

- Добро-ста, - решил князь-кесарь, - этих мы оставим на завтра, на закуску.

В эпоху преобразований, начатых царем Петром Алексеевичем, как уже и при "тишайшем" отце его, Алексее Михайловиче, Малороссия являлась светом, откуда обильно наливались осветительные лучи на Великороссию с остатками косной ее старины. (Подобными тем, за которые теперь так горько платится униженный карликом великан: маленькою Япониею - неизмеримый Китай.)

То же могло быть и с Россиею - этим великаном, в сравнении со Швециею: карлик Швеция, нанеший первый удар великану России под Нарвою, мог довести ее до конечного унижения и, быть может, до расчленения под Полтавой.

Пойди за предателем Мазепою и за Карлом весь малороссийский народ, и последствия для России были бы неисчислимы, в смысле ее ослабления и унижения: вся Малороссия отошла бы от нее, как и порешили Карл и Мазепа, и от России отхвачена была бы целая ее европейская половина; Новороссия и Крым с Черным морем не принадлежали бы России; Балтийское море по-прежнему осталось бы "чужим морем", Нева - "чужою рекою"... Не было бы и Петербурга.

Следовательно, Малороссия в то время являлась для своей младшей сестры, России, не только духовным светочем, но и спасительницею, хранительницею ее целостности...

Светочем для России явилась в свое время типография, вывезенная в Москву из Малороссии. Светочами для России явились такие малороссы, как Галятовский, Радивилловский, Лазарь Баранович, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Стефан Яворский, Дмитрий Туптало-Ростовский, Феофан Прокопович...

Гениальный Петр понимал это и потому даже сибирским митрополитом поставил "хохла" - Филофея Лещинского.

Оттого даже такой обскурант и изувер, как книгописец Григорий Талицкий, изобретший "антихриста", видел в Малороссии "окно в Европу", там он думал напечатать свои сумасбродные сочинения, потому что в Москве вместо типографского станка и шрифта он мог найти только "две доски грушевые", на которых он "вырезал" и напечатал свои раскольничьи бредни, как печатают на вяземских пряниках вяземские Гутенберги: "француски букеброт"...

О таком же московском Гутенберге мы узнаем на пятнадцатом "подъеме" (пятнадцать пыток на дыбе - это ужасно! И все это Талицкий вытерпел...) Григория Талицкого. "Гутенберг" этот был "с Пресни церкви Иоанна Богослова распопа Гришка Иванов"...

С этого пятнадцатого "подъему" Талицкий вещал:

- Как я те свои воровские письма о исчислении лет и о последнем веце и о антихристе составил и, написав, купил себе две доски грушевые, чтоб на них вырезать - на одной о исчислении лет, на другой о антихристе и, вырезав, о исчислении лет хотел печатать листы и продавать. А сказали мне на площади, что тот распопа режет кресты, и я пришел к тому распопе с неназнаменною доскою и говорил ему, чтоб он на той доске о исчислении лет вырезал слова, и тот распопа мне сказал: без знамени-де резать невозможно, чтоб я ту доску принес назнаменную.

"Знамя" на грушевой доске - это было тогда то, что ныне "печать" и разрешение духовной цензуры. "Назнаменная" доска - значит: дозволенная цензурой...

Такова была тогда, когда нас разбили под Нарвой, московская пресса "грушевые доски", продаваемые в щепном ряду вместе с лопатами и корытами.

Итак, ловкий "распопа" не принял нецензурную доску.

Далее, на этой же пятнадцатой пытке, Талицкий показывал:

- И распопа Гришка мне говорил, чтоб я те тетради к нему принес почесть, однако-де у меня будет человек тех тетрадтей послушать. И после того к тому распопе я пришел хлебного двorca с подключником с Пашкою Филиповым, а с собою принес для резьбы доску назнамененную, да лист, да тетради, и те тетради я им чел, и приводом (т. е. с учеными цитатами!) называл государя антихристом: в Апокалипсисе Иоанна Богослова, в 17 главе, написано: антихрист будет осьмой царь, а по нашему-де счету осьмой царь он, государь, да и лета-де сошлись...

После этого очередь дошла и до московского Гутенберга, до распопа Гришки.

- Я, - показывал он, - Гришке о том, чтоб он те тетради ко мне принес почесть, и что будет у меня человек тех тетрадтей послушать, не говаривал, а после того Гришка пришел ко мне сам-друг и принес доску назнамененную да лист, а сказал, что на том листу написано из пророчества и из бытей. Да принес он с собою тетради и те тетради при мне чел, и про антихриста говорил, и приводом (доказательно) антихристом называл государя, и именем его не выговаривал... А в те числа у меня посадской человек в доме кто был ли и тех тетрадтей слушал ли, того я не помню... И те тетради Гришка оставил у меня.

А когда "Гутенберга с Пресни" спросили вообще о "воровстве" Талицкого и о его дальнейших намерениях, то он стал, видимо, увертываться и настойчиво повторял:

- Про воровство Гришкино и про состав писем его, и для чего было ему те доски резать, и что на них печатать, и куда те печатные листы ему было девать, того я не ведал, и до тех мест у меня с Гришкою случая никакого не бывало. А как Гришку стали сыскивать, то я, убоясь страху, что у меня те тетради остались, спрятал оные у себя в избе, под печью, под полом.

Ромодановский покачал головою.

- Быть тебе второй раз на дыбе. Ты показал с первого подъему на дыбу, будто в воровских письмах Талицкого о великом государе имянно не написано, а там же в первой тетраде, во 2 главе, на седьмом листу написано: третье сложение Римской монархии царей греко-российских осьмый царь Петр Алексеевич щнейший брат Иоанна Алексеевича, по первее избран на царство... Как же так?

Допрашиваемый так смешался, что ничего не мог ответить.

- Ну, ин быть тебе вторично в подвесе... Увести его до завтра! закончил князь Ромодановский, вставая.

Дьяк дописывал свои столбцы.

- Допишешь, - сказал ему князь-кесарь, - приходи ко мне обедать.

- Благодарствуй на твоей милости, - поклонился дьяк.

- А успеем завтра же и царю отписать?

- Надо бы успеть... Отпишем.

- Ладно... Да и послезавтра можно.

- Как прикажешь, батюшка-князь.

- Ну, над нами не каплет.

- А дубинка?..

20

Князь-кесарь Ромодановский исполнил свою угрозу.

На другой день "распопа" Григорий, вися на дыбе, упрямо отрицал показание Талицкого о том, что антихристом он называл именно царя Петра Алексеевича и распопа это слышал.

- Как Гришка Талицкой... - почти кричал с дыбы упрямый распоп, - о последнем веце и про государя хульные слова с поношением прикрито, осьмый-де царь - антихрист говорил...

- Прикрито? - переспросил Ромодановский.

- Прикрито, - отвечал упрямец, - а именем государя не выговаривал, и я Гришке молвил: почему ты о последнем веце ведаешь? Писано-де, что ни Сын, ни ангели о последнем дне не ведают, и в том я ему запрещал. А в тех тетратех государь осьмым царем написан ли, того не ведаю, потому что я после Гришки тех тетратей не читал... А что я от Гришки такие воровские слова слыша, не известил (не донес) и Гришки не поймал и не привел, и письма его у себя держал, то учинил сие с простоты, и в том пред государем виноват.

Распоп не без причины отрицал, что слышал от Талицкого имя государя, и твердил, что Талицкий говорил об имени государя будто бы "прикрито", анонимно. Он знал, что в противном случае наказание его усугубилось бы.

Его снимают с дыбы, и опять очная ставка с Талицким.

- Сему распопу, - говорит последний, - я про последнее время и про государя хульные слова с поношением на словах п р и к р ы т н о, осьмый-де царь будет антихрист, говорил, а именем государя выговаривал ли, про то не упомяну...

Он вдруг остановился... "Прикрито"... Его, вероятно, в ужас привела мысль шестнадцатый раз висеть на дыбе и испытывать терзания от палачей, и он спохватился.

- Я, - поправился он, - при распопе приводом (с доказательствами, "приводил" доказательства) называл государя антихристом - и м я н н о...

Распопа в третий раз поднимают на дыбу. Но он с прежним упрямством продолжает стонать.

- Как Гришка государя антихристом и осьмым царем называл, то я сие слышал, только он, Гришка, государя именем не называл. И в тетратех, которые были у меня, где государево имя написано, я не дочел...

Поставил-таки на своем - и от четвертой пытки, по закону, вывернулся.

Его и Талицкого увели из застенка, а туда ввели следующую жертву, хлебного дворца подключника Пашку Иванова, который во всем запирался, пока дыба не развязала ему язык.

- От Гришки Талицкого, - сознавался он теперь, - про то - "в последнее-де время осьмой царь будет антихрист" и считал московских царей, и про государя сказал, что он осьмый царь, и антихристом его называл, то я слышал. А те слова Гришка говорил со мною один на один. А что в тех словах я на Гришку не известил, чая то, что он те слова говорил, с ума сошед, и, боясь розыску, если Гришка в тех словах запрется, и меня запытают, да и для того не

известил, что я человек простой.

Слова его были подтверждены Талицким, сказавшим, что у него "с Пашкой в его воровстве совету не было", и Пашку уже вторично не пытали.

На смену им введен был "с Углича Покровского монастыря диакон Мишка Денисов". В расспросе и с пытки говорил:

- Гришка мне чел тетрадь о исчислении лет и о последнем веце, и о антихристе, и в разговоре говорил мне на словах: ныне-де последнее время пришло и антихрист народился; по их счету, антихрист осьмой царь Петр Алексеевич. И я Гришку от тех слов унижал: что-де ты такое великое дело затеваешь? И Гришка дал мне тетрадку в четверть и говорил: посмотри-де, у меня о том имянно написано. И я, взяв у него ту тетрадку, поехал в Углич и, приехав в монастырь, чел тое тетрадку у себя в келье один, а силы в ней не познал, и иным никому той тетрати не показывал и списывать с нее не давал. А что я, слыша от того Гришки про государя такие непристойные слова, по взятые его в Преображенский приказ, той тетратки нигде не объявил и о тех его словах не известил и сам не явился, и то я учинил простотою своею, и в том я пред великим государем виноват.

И это показание Талицкий не опровергал. Пятнадцать пыток, по-видимому, разбили всю его непреклонную волю.

Теперь ввели к допросу печатного дела батырщика Митьку Кирилова.

- К Гришке в дом я хаживал, - показывал этот, - и Гришка в доме у себя читал мне книги Библию да толковое Евангелие и всякие печатные и письменные книги о последнем веце, а о пришествии антихристове разговоров у меня с Гришкою и совету не было.

Тут Талицкий, увы! на зло себе, стал оспаривать показание батырщика.

- Митька приходил ко мне сам-друг, - утверждал он, - и я о последнем веце и о антихристе, и о исчислении лет тетрати ему читал, и осьмым царем и антихристом государя называл при них имянно, без Митькина спроса, собою. А в моем воровстве Митька мне советником не был, и про воровство мое не ведал.

Снова запахло застенком и кровью... Передопрос!

- В дом к Гришке я приходил с нищим Федькою, - признался батырщик, я словес не упомню, приходил я для покупки хором его.

Талицкий опять в застенке, шестнадцатый раз!

- Батырщику Митьке, - говорил он "с пытки", - о последнем веце и о исчислении лет я говорил и антихристом государя называл, и то Митька слышал!

- Как Гришка об оном толковал и государя антихристом называл, признавался батырщик уже с дыбы, - то я слышал, а что не извещал, в том виноват.

Ввели, наконец, последнюю жертву дела об антихристе, ученика Талицкого, Ивашку Савельева... Снова пытка!

- В том письме, - показывал Ивашка с дыбы, - что писал Гришка тамбовскому епископу, я силы не знал, а писал тетрати по Гришкину велению. Да Гришка ж мне сказывал, да и тамбовский-де епископ тех писем не хуливал. А после того приходил я к Гришке на двор и сказал: патриарша-де разряду площадного подьячего Федькина жена Дунаева Феколка сказывала теще моей: пишет-де Гришка неведомо какие книги про государя, и она-де сказала брату своему, певчему Федору Казанцу, а он, Федор, хотел по Гришку из Преображенского

приказу прийти с подьячими. И я, пришед к Гришке, про то ему сказал, и Гришка с того с Москвы ушел, и я проводил его за Москву-реку, до Кадашева, и спросил: куды-де ты идешь? И он мне сказал: пойду-де я в монастырь, куда Бог благоволит.

Талицкий подтвердил это показание, и на том страшное дело кончилось.

Но долго еще пришлось сидеть по казематам Талицкому и его жертвам, пока им не прочитали приговора.

1701 году, ноября в 5-й день, по указу великого государя и по боярскому приговору велено Гришку Талицкого и единомышленников его, Ивашку Савина и пономаря Артемошку, за их воровство и за бунт, а бывших попов Луку и Андрюшку и Гришку за то, что они про то его, Гришкино, воровство и бунт слышав от него, не известили, казнить смертию; а жен их, Гришкину и Ивашкину, и Артемошкину, и Лучкину, и с Пресни Гришкину ж, сослать в ссылку в Сибирь, в дальние города, а животы их взять на великого государя; а Андрюшкину жену освободить, потому что он, Андрюшка, сыскан и в том деле винился по ее улике; кадашевца Феклиста Константинова, батырщика Митьку Кирилова, садовника Федотку Милякова, хлебного дворца подключника Пашку Филипова, распopa Мишку Миронова, с Углича Покровского монастыря дьячка Мишку Денисова, Иванова человека Стрешнева Андрюшку Семенова, за то, что они, от того Гришки слыша бунтовые слова, не извещали; племяннику его, Гришкину, Мишке, за то, что он у тетки своей выманил воровские письма, не известил же, Гришкину ученику Ивашке Савельеву, что он тому Гришке сказал про извет на него и он с Москвы бежал, - вместо смертной казни учинить жестокое наказание - бить кнутом и, запятнав, сослать в Сибирь.

"Да по имянному великого государя указу, бывшего тамбовского епископа Игнатия, что потом расстрига Ивашка, вместо смертные казни велено послать в Соловецкий монастырь, в Головленкову тюрьму, быть ему в той тюрьме за крепким караулом по его смерть неисходно, а пищу ему давать против таких же ссыльных".

Талицкого и Савина велено было казнить копчением; но во время казни они покаялись и были сняты с копчения. По преданиям раскольников, Талицкого сожгли на костре.

Одна попадья Степанида не пострадала.

Часть II

1

Прошло около двух лет после погрома русского войска под Нарвою.

И отплатили же русские за этот погром! Вот уже второй год Шереметев мстит за свой нарвский позор...

- Усердствует Борька, - улыбнулся государь, прочитав донесение Шереметева и обращаясь к князю-кесарю, докладывавшему ему по своей "кнutoбойной" специальности, - пишет, что при Гумельсгофе Шлиппенбах мало штаны не потерял.

- За Нарву это, государь... - рассеянно пробормотал Ромодановский.

- За Нарву, точно! Это мои колокола так громко звонят там, - сказал государь и пристально посмотрел на Ромодановского...

- Что с тобой, князь? - спросил он. - Попритчилось тебе что?

- Уж и не ведаю, государь, как быть, - смущенно отвечал князь-кесарь.

- Что такое? Не ладно у тебя в кнутобойне что?

- Нету, государь, твоим государевым счастьем у меня все обстоит благополучно.

- Так что ж! Кажи.

- И ума не приложу, государь.

- Ну, так я, може, приложу.

Князь-кесарь нерешительно полез в карман и вытащил из него кожаную калиту. Потом вынул из калиты несколько монет одного образца и положил перед царем.

- Что это? Монеты совсем незнакомые, таких я не видывал, - говорил Петр, рассматривая одну монету.

Ромодановский внимательно наблюдал за выражением лица царя.

- Город вычеканен довольно искусно.

- Точно, государь, искусно.

- Да это в Нарву палят.

- В Нарву и есть, государь.

- Да это и я тут вычеканен... моя персона и статья...

- Твоя, государь.

- Я на огонь протягиваю руки.

- Точно... греешься, государь.

Царь взгляделся в подпись на монете и прочел:

- "Бе же Петр стоя и греяся"...

Государь весело рассмеялся.

- Искусно, зело искусно! Это я руки грею у Нарвы... искусно!

Он перевернул монету и стал вглядываться.

Ромодановский побледнел.

- А! - протянул государь уже другим голосом. - "И исшед вон, плакася горько", - прочел он, не отрывая глаз от монеты.

На этой ее стороне было изображено: русские бегут из-под Нарвы, а впереди всех - сам царь: он потерял шпагу, и шляпа с него свалилась.

- Откуда это? - сурово спросил Петр.

- Не наше, государь... от твоих супостатов, чаю... издевка, - несмело отвечал Ромодановский.

- Не наша чекань.

- А как к тебе они попали?

- Подметом, государь... подметные они... Воры неведомые и ко мне подмет учинили, и к тебе, в твой государев двор.

- А кто поднял?

- Мои, государь, ребята, сыщики.

- Но кто дерзнул подметывать? - спросил царь.

- Какой ни есть неведомый вор, а може, и не один... Я вот и ищу их, государь, - говорил смущенно Ромодановский.

Он не мог себе простить, что до сих пор не напал на след дерзких подметчиков. Это была первая его неудача в сыском деле. Срам какой! Всевидящий и всеслышащий князь-кесарь нагло одурачен! Под самые его ворота подкинули! И как же он драл подворотного караульного!

- Под землей сыщу и розыск учиню, - бормотал он.

- Это Карлово действо, его, его, - говорил царь.

- Больше некому, государь, - подтверждал князь-кесарь.

- За действо - действо; за Борькино Шереметево действо - Карлово действо... Это мне за Ливонию медаль, - говорил царь, все еще рассматривая монеты, - заслуженная медаль.

В это время Павлуша Ягужинский, исполнив одно личное поручение царя, вошел в комнату, где находился Петр с Ромодановским.

- Справил дело, Павел? - спросил царь.

- Справил, государь.

Ягужинский держал что-то зажатое в кулаке. Увидав на столе подметные медали, он с изумлением воскликнул:

- И у меня, государь, такая ж... Вот, - и он положил медаль на стол.

- Где взял? - спросил царь.

- Нашел, государь.

- Где?

- Под Фроловскими (ныне Спасскими) воротами.

- Давно поднял? - подступил к нему Ромодановский.

- Вот сейчас, когда возвращался в Кремль.

Князь-кесарь побагровел от гнева.

- Так воры здесь, - почти крикнул он, - все время были на Москве... Я боле недели их ищу... Того ради долго и не докладывал тебе, государь, про сию издевку.

Царь посмотрел на Ягужинского.

- Ты разглядел все тут? - спросил он, взяв одну медаль.

- Разглядел, государь, - смущенно отвечал молоденький денщик.

- И уразумел силу сего измышления?

- Уразумел, государь, - с вспыхнувшими щеками отвечал юноша. - Сила, значит, не берет, так хоть комаром в ухо льву жужжат.

Царь встал и подошел к висевшей на стене большой карте Швеции и Балтийских побережий.

- Изрядно, изрядно, Борька, хвалю, - проговорил он, проводя рукой от устья Невы до Рогервика, видимо, возбужденный донесением Шереметева, - это теперь наше, и Петр "погреет еще руки" на ливонском костре, а токмо про кого потом скажут: "И исшед вон, плакася горько"?

2

Перенесемся же теперь на Балтийское побережье и познакомимся с молоденькой девушкой, которой суждено было связать свое скромное имя с грядущими судьбами России.

Под разоренным Везенбергом, который усердием "Борьки" Шереметева недавно был обращен в развалины, лагерем расположился, после взятия Мариенбурга, полк русского корпуса под командою полковника Балка.

Август 1702 года. Время стоит, сверх чаяния, жаркое. Полковые "портомои", или прачки, между которыми были и ливонские женщины, выстирав офицерское и солдатское белье, развешивают его на протянутых между кольями веревках для просушки. Одна из прачек, молодая бабенка с подоткнутым подолом и засученными рукавами, визгливым голосом тянет монотонную песню:

Ох-и-мой сердечный друг меня не любит,

Он поить-кормить меня, младешеньку, не хочет...

- Да и кому охота любить-та сороку бесхвостую, - ядовито подмигнул другим портомоям проходивший мимо солдатик.

- Ах ты, охальник! Шадровитая твоя рожа! - огрызнулась певунья.

Солдатик был сильно рябой, "шадровитый". Однако его ядовитое замечание лишило бабу охоты тянуть свою песню.

- Как же ты, Марта, говоришь про себя, я и в толк не возьму? обратилась она к развешивавшей рядом с нею белье другой портомое, миловидной девушке лет семнадцати, с нежным румянцем на пухленьких щечках. - Ты и не девка и не молодуха, и замужня-то ты и не замужня.

- Да так, как я сказала, - улынулась девушка, - ни жена, ни девка.

В произношении ее был замечен нерусский акцент.

- Вот заганула загадку! - развела баба руками. - Хоть убей меня, не разганю... Да ты, може, тово, без венца?

- Нет, милая, я венчана в церкви, в кирке, по-нашему.

- Стало быть, ты замужня жена.

- Нет, милая, дело было так, - серьезно молвила та, которую баба назвала Мартой, - был у

меня жених, из наших же, и был он ратный, капрал. Когда настал день нашей свадьбы, мы поехали в церковь, как водится, и пастор обвенчал нас, по нашему закону. А едва мы вышли из кирки, как тут же, около кирки, выстроилась рота моего жениха.

- Мужа! - поправила ее баба. - Коли под венцом с тобой стоял, так уж, стало быть, муж.

- Добро... В те поры, как нас венчали, ваши ратные люди осадили наш город, громили из пушек... Наши спешили отбивать ваших, и мой муж прямо из кирки попал в свою роту, и в ту же ночь его убило ядром.

- Ах, матиньки! И ноченьки с ним не проспала, сердешная! - всплеснула баба руками. - Уж и подлинно ни жена, ни вдова, ни девка.

- Вдовая девка, милая, вот кто я, - вздохнула Марта.

- Ну, у нас, Бог даст, выйдешь замуж за хорошего человека: вишь какая ты смазливая, - успокаивала ее баба. - Да у меня есть на примете женишок про тебя: мой кум, полковой коновал.

- А что это такое, коновал? - спросила Марта.

- Лошадиный рудомет, руду лошадям пускает и холостит, - объяснила портомоя.

Но Марта все-таки ничего не поняла.

В это время в лагерь полковника Балка вступил небольшой отряд преображенцев, прибывших из Вольмара.

Проходя мимо прачек, некоторые из преображенцев заговаривали и заигрывали с бабами. Портомой отшучивались.

- Эх, сколько тут баб и девок, вот лафа! - заметил веселый Гурин, запевала преображенцев. - Есть из кого выбирать невест. Тут мы и Тереньку женим.

Эти слова относились к тому богатырю Лобарю, который своей чугунной башкой опрокинул под Нарвой силача Гинтерсфельда вместе с конем на глазах у короля. Лобарю удалось на пути бежать из полона.

- Э! Да вот и Теренькина невеста, - указал Гурин на Марту, - писаная красавица! Кабы я не был женат, сам бы женился на ней.

Марта, кончив развешивать белье, молча удалилась с двумя полонянками, взятыми вместе с ней в Мариенбурге.

Никто, конечно, не знал, какая судьба ожидает эту девушку, с которой так смело разговаривали и заигрывали солдаты. Не знала и сама она, что по мановению ее руки, теперь стирающей белье, целые полки с их генералами будут идти на смерть во славу бывшей портомой. Да, удивительна судьба этой девушки, поистине нечто сказочное, поразительное и почти невероятное...

Произошло это совершенно случайно, как и многое очень важное совершается случайно не только в жизни отдельных людей, но и в жизни целых государств.

Царь, желая проверить донесения своих полководцев, Шереметева и Апраксина, об успехах русского оружия в Ливонии и Ингрии, отправил туда Меншикова, которому он доверял больше всех своих приближенных и практический ум которого давно оценил. По пути из Ингрии в Ливонию Меншиков не мог миновать Везенберга. Там он на некоторое время остановился у

полковника Балка.

Балк предложил обед Александру Даниловичу. Оказалось, что за обедом прислуживала Марта, которую старый Балк взял к себе за ее скромность, немецкую чистоплотность и за то, что она умела хорошо готовить, научившись этому в семействе пастора Глюка.

Меншиков внимательно вглядывался в девушку, когда она подавала на стол и ловко, умело прислуживала.

- Те-те-те! - покачал он головою, когда Марта вышла. - Ну, господин полковник, вон он как! Ай-ай!

- Что так, Александр Данилыч? - изумился старик.

- Скажу, непременно скажу твоей полковнице, как только ворочусь на Москву.

- Да о чем скажешь-то?

- Ах, старый греховодник! Он же и притворяется.

- Не пойму я тебя, Александр Данилыч, - пожимал плечами Балк, - в толк не возьму твоих слов.

- То-то, - смеялся Меншиков, - завел себе такую девчонку, да как сыр в масле и катается.

- А, это ты про Марту?

- А ее Мартой звать?

- Мартой. Она полонянка из Ливонии, полонена при взятии Борисом Петровичем Шереметевым Мариенбурга и отдана мне.

- При чем же она у тебя?

- Она состоит в портомоях, а у меня за кухарку: и чистоплотна и скромна, и варит и жарит, как сам изволишь видеть, зело вкусно.

- И точно: рябчика так нажарила, что и на царской поварне так не сумеют. Она, кажись, и по-русски говорит.

- Зело изрядно для немки.

- Где ж она научилась этому?

- У одного пастора там али у пасторши в Мариенбурге.

- Скажу, скажу твоей полковнице, - смеялся Меншиков, запивая рябчика хорошим красным вином, добытым в погребам Мариенбурга, - вишь, Соломон какой: добыл себе Царицу Савскую, да и в ус себе не дует.

В это время Марта внесла сладкое и стала убирать тарелки.

- Погоди, милая, не уходи, - ласково сказал ей Меншиков, - мне бы хотелось порасспросить тебя кое о чем.

3

Меншиков залюбовался глядевшими на него детски-наивными прелестными глазами и ясным

полненьким личиком.

- Мне сказали, что тебя зовут Мартой? - сказал Меншиков.

Девушка молчала, переводя вопрошающий взор с Меншикова на Балка.

- Откуда ты родом, милая Марта? - спросил первый.

- Из Вышкиозера, господин, из Ливонии, - тихо сказала девушка, и на длинных ее ресницах задрожали слезы.

Мысль ее мгновенно перенеслась в родное местечко, к картинам и воспоминаниям не далекого, но ей казалось, далекого детства... И вот она здесь, среди чужих, в неволе, полонянка...

- Кто твой отец, милая? - еще ласковее спросил царский любимец.

- Самуил Скавронский, - был ответ.

- Ливонец родом?

- Ливонец, господин.

- Сколько тебе лет, милая?

- Восемнадцать весной минуло.

- Ты девушка или замужняя?

Марта молчала, она взглянула на Балка, как бы ища его поддержки.

- Странная судьба сей девицы, - сказал полковник, - она замужняя, а остается девкой.

- Как так? - удивился Меншиков.

- Дело в том, - продолжал Балк, - что едва ее обвенчал пастор с ее суженым, как она тут же, около кирки, стала вдовой: ни жена она, ни девка.

- Да ты что загадками-то меня кормишь? - нетерпеливо перебил полковника царский посланец.

- Какие загадки, сударь!.. Как раз в те поры, что ее венчали, мы почали добывать их город. А ее жених был ратный человек, и заместо того, чтобы вести молодую женку к себе в опочивальню, он попал на городскую стену, где ему нашим ядром и снесло голову... Такова моя сказка, закончил Балк, - такова ее горемычная доля.

Марта плакала, закрывшись передником... Невольница, горькая сирота, на чужой стороне - ныло у нее на сердце.

Горькая судьба бедной девушки тронула Меншикова. Он подошел к ней и нежно положил ей руку на голову.

- Не горюй, бедная девочка, не убивайся, - ласково говорил он.

От ласковых слов девушка пуще расплакалась:

- Перестань, голубка... Что делать! Не воротить уж, стало, твоего суженого, на то Божья воля. Ты молода, еще найдешь свою долю. А у нас тебе хорошо поживется. И семья твоя, отец и

мать, к тебе приедут, будете жить вы у нас в довольствии, я за это ручаюсь. Наш государь милостив, и особливо он добр к иноземцам, жалует их, всем наделяет, и тебя, по моему челобитью, всем пожалует... Не убивайся же, - говорил Александр Данилович, продолжая гладить наклоненную головку девушки.

Марта несколько успокоилась и открыла заплаканное личико.

- О, господин! - прошептала она и поцеловала у Меншикова руку.

Кто мог думать, что у той, которая теперь робко поцеловала руку у царского посланца, высшие сановники государства будут считать за честь и милость поцеловать царственную, самодержавную ручку!..

Портомоя! Солдатская прачка и кухарка!..

А разве мог думать и Меншиков, что та скромная девочка-полонянка, которая теперь робко целует его руку, сама впоследствии вознесет его на такую государственную высоту, с которой до престола один шаг!..

Судьба предназначала этой бедной девочке быть не только царицей, супругой царя, но и самодержавной императрицей и дать России новых царей... Это ли не непостижимо!

- Будь же благонадежна, милое дитя, я все для тебя сделаю, что в моих силах, - сказал, наконец, Меншиков.

Потом он обратился к Балку.

- Отселе я поеду дальше, - сказал он, - повидаюсь с Шереметевым и скажу ему, чтобы он распорядился отыскать семью этой девицы.

- И пастора, добрый господин, - робко проговорила Марта.

- Какого пастора, милая? - спросил Меншиков.

- Глюка, господин.

- Это того самого, у коего она проживала и который научил ее по-русски, - объяснил Балк. - Марта привязана к нему как к отцу родному. Он человек зело достойный, много ученый, сведущ в языках восточных, изучил языки и русский, и латышский, и славянский, с коего и переводит Священное писание на простой российский язык.

- О, да это клад для нас, - обрадовался Меншиков. - Государь будет рад иметь при своей особе такого нарочито полезного человека.

Марта, видимо, повеселела.

- О, господин! - могла она только сказать.

- Так вот что, - снова заговорил Меншиков к Балку, - мне недосуг здесь мешкать, мне спешка великая. Я поеду теперь дале, а ты оставь, до времени, сию девицу при себе, и уж не наряжай ее порты стирать.

- И то не пошлю, - сказал Балк, - у меня работных людей и баб и без нее довольно. Марта же и швея изрядная.

- Добро. Так я на возвратном пути заеду сюда, - сказал Меншиков, - и возьму девицу с собой на Москву. Поедешь со мной, Марта?

- Воля ваша, господин, - отвечала девушка.

- Я не то говорю, милая, - перебил ее Меншиков. - А свою ли волею поедешь на Москву, на глаза к великому государю?

Последние слова, казалось, испугали девушку.

- Я простая девушка... я не достойна быть на глазах великого государя, - смущенно проговорила она.

- Твоя скромность похвальна, милая; а мне ближе знать, чего достойна ты, - успокаивал ее Меншиков.

Марта снова поцеловала его руку.

Меншиков отпустил ее. Судьба девушки была решена.

- Да! Запомнил было, - спохватился Меншиков, вынимая из кармана своего камзола бумагу. - Ведомо мне, что в прибывшей сюда первой роте Преображенского полка состоит некий ратный, именем Терентий Лобарь.

- Есть таковой, - отвечал Балк, - я его лично знаю.

- Так прикажи выстроиться неподалеку этой роте, и мы выйдем к ней.

Балк распорядился, и они с Меншиковым вышли. Рота стояла под ружьем.

Поздоровавшись с нею, Меншиков громко сказал:

- Великий государь изволил приказать мне: первой роте Преображенского полка за молодецкую стойку под Нарвой объявить царское спасибо!

- Ура великому государю! - загремели преображенцы.

- А который из вас Терентий Лобарь? - спросил Меншиков. - Выступи вперед!

Товарищи выдвинули вперед богатыря.

- Ты, Лобарь, под Нарвой, на глазах шведского короля, сбил вместе с конем его ординарца, великана Гинтерсфельда? - спросил Меншиков.

- Я малость толкнул его, - смущенно отвечал богатырь.

- За сие великий государь тебя милостиво похваляет и жалует чином капрала, - провозгласил Меншиков.

Богатырь только хлопал глазами.

- Говори, дурак: "Рад стараться пролить кровь свою за великого государя", - шептали ему товарищи, - говори же, остолоп.

- Рад стараться пролить за великого государя... - пробормотал атлет-младенец и остановился.

- Что пролить? - улыбнулся Меншиков.

- Все! - был ответ, покрытый общим хохотом.

Не один Север и дельта Невы поглощали внимание "Державного Плотника". Упорная борьба велась со всем обветшалым, косным строем внутренней жизни государства. Многие давно отжившее приходилось хоронить, и хоронить при глухом ропоте подданных старого закала, но еще больше - создавать, создавать неустанно, не покладая рук.

От Севера, от невской дельты, приходилось переносить взоры на далекий юг, на поэтическую, заманчивую Малороссию, на беспокойный Крым и на все могучее наследие Магомета, волосатые бунчуки которого и зеленое знамя пугали еще всю Европу.

А сколько работы с этим повальным взяточничеством, с насилиями, с открытыми грабежами населения своими подданными!

Вот в кабинет к царю входит старый граф Головин Федор Алексеевич, первый андреевский кавалер в обновленной России, он же ближний боярин, посольской канцелярии начальник президент и наместник сибирский.

- Что, граф Федор Алексеевич, от Мазепы докука? - спрашивает царь входящего с бумагами старика.

- От Мазепы, государь.

- Что, опять запорожцы шалют, ограбили кого, задирают татар и поляков?

- Нету, государь, гетман жалуется на твоих государевых ратных людей.

- Все это старая закваска, перегной старины, которая аки квашня бродит! - с досадой говорит Петр. - Садись, Федор Алексеевич. Выкладывай все, что у тебя накопилось.

- Да вот, государь, гетман Иван Степанович доносит Малороссийских дел приказу, что твой государев полуполковник Левашов, идучи с твоими государевыми ратными людьми близ Кишенки, через посланца своего приказывал оным кишенцам, дабы его встретили с хлебом-солью и с дары аки победителя, и за то обещал никакого дурна жителям не чинить.

- Каков гусь! - заметил государь.

- Кишенцы и повиновались незаконному приказу, - продолжал Головин, вышли к Левашову с хлебом-солью, вывезли навстречь твоим государевым ратным людям целый обоз с хлебом, со всякою живностью, куры, гуси, да со всякими напитками, да еще в особую почесть поднесли твоему государеву полуполковнику пятнадцать талеров деньгами.

- А! Каков слуга России! - вспыхнул государь. - Я его, злодея!.. Ну? А он?

- А он, государь, не токмо обещания не исполнил, а, напротив, ввел ратных людей в Кишенку, где оные всевозможные дурна чинили, жителей объедали, подворки и овины их нагло обожгли, огороды разорили. Мало того, государь, давши кишенцам руку, что впредь никакого дурна им чинить не будет, однако, дойдя до Переволочны, послал к кишенцам забрать у них плуги и волов, кои кишенцы и должны были выкупать за чистые денежки. И когда один кишенец сказал полуполковнику, что великий государь так чинить не велит, то Левашов мало не проколол его копьем и кричал: "Полно вам, б...ы дети, хохлы свои вверх подымать! Уж вы у нас в мешке".

- Да это почище татарских баскаков, - гневно заметил государь. - Все это я выбью из них...
Погодите!

Царь встал и начал ходить по кабинету, бросая иногда взгляд на стенную карту Швеции и на дельту Невы.

- О чем еще Мазепа доносит? - спросил он, несколько успокоясь и опять садясь к столу.

- Гетман доносит еще, государь, что Скотин шел с твоими государевыми ратными людьми чрез порубежные днепровские города и его ратные люди неведомо за что наглостно черкас и по городам, и в поле наглостно били, на них с ножами бросались, иных, словно татары, в неволю брали, "в вязеню держали", как пишет гетман, а когда начальные казацкие люди пришли к Скотину с поклоном, то он велел бить барабаны, дабы слов не было слышно, а опосля того велел гнать их бердышами.

Царь глянул на сидевшего в стороне Ягужинского, по-видимому, внимательно вслушивавшегося в доклад.

- Павел! Ты слушаешь? - спросил Петр.

- Слушаю, государь, - отвечал молодой денщик царя.

- Во все вникаешь?

- Вникаю, государь.

- Добро, - и, обратясь к Головину, царь сказал: - Изготовь, Федор Алексеевич, указ к гетману и о строжайшем дознании по сим его донесениям. С сим указом я отправлю к Мазепе, кого бы понадежнее?

- Если изволит государь, то я бы указал на стольника Протасьева, отвечал Головин после небольшого размышления.

- Быть по-твоему, - согласился царь, - Протасьева так Протасьева. Но в помощь ему я дам мои глаза и мои уши, пошлю их к Мазепе.

Докладчик смотрел недоумевающе, ожидая объяснения непонятных слов государя.

- Я пошлю Павла, - указал царь на Ягужинского. - Это мои глаза и мои уши. Что Павел видит, то увижу и я, что услышит Павел, то и я услышу: правда мимо меня не пролетит.

У Ягужинского и боязнью, и радостью дрогнуло сердце: он, восемнадцатилетний юноша, уже любил... Он опять увидит Малороссию, которая казалась ему земным раем... Эти вербы, любовно склоняющиеся над прозрачными, тихими ставками (прудами), эти стройные тополя, беленькие хатки, утопающие в зелени вишневых садочков... Он услышит эти песни, мелодии которых, и плачущие и подмиывающие, доселе звучат в его душе... Он увидит ее, ту, образ которой запечатлелся навеки в его сердце и не отходит от него, как видение... Он увидит Мотрю, Мотреньку, эту прелестную девочку, дочь генерального судьи и стольника Кочубея. После того, как Павлуша видел ее в Диканьке, в саду, и разговаривал с нею, и разговор этот был прерван приходом Мазепы, личико Мотреньки, ее черненькая головка, украшенная цветами, и вся она, как только что распустившийся цветочек, заполнила его душу... Теперь она еще выросла... Теперь ей, вероятно, уже пятнадцатый год.

- Слышишь, Павел? - прервал его мечты голос царя.

- Слушаю, государь, - трепетно ответил Павлуша.

- Ты, кажется, боишься?

- Нет, государь, для тебя я и смерти не боюсь! - с юношеским жаром отвечал любимец Петра. "И для нее готов всякие муки претерпеть", восторженно думал юноша.

Ягужинский с Протасьевым в Малороссии...

Мазепы они не застали в его столице, в Батурине.

Гетман находился в это время в Диканьке у своего генерального судьи, Кочубея, куда старый гетман частенько стал заглядывать в последнее время. И его, вождя Малороссии, опытного дипломата, ловкого интригана, отлично отполированного при дворе королей польских, его, на плечах которого лежали тяжелые государственные заботы, его, как и юного Павлушу Ягужинского, влекло одно и то же ясное солнышко - прелестная Мотренька Кочубеевна... "Любви все возрасты покорны" - повторялось и повторяется из века в век... И старый Мазепа любил! Из-за этой любви, быть может, пошел на то страшное дело, которое погубило его (и поделом!) и которое, совершенно незаслуженно со стороны Малороссии, внесло навсегда, кажется, холод и недоверие в сердце Великороссии к ее старшей сестре, Киевщине, со всеми ее старыми и новыми областями. Мазепе хотелось великокняжескою короною украсить Мотренькину черненькую головку, головку будущей своей супруги, от которой должен бы пойти царственный род мазепидов... Он мечтал об этом, строя ковы против Великороссии тайно от страны и народа, которых он был избранным вождем...

Когда Протасьев и Ягужинский прибыли в Диканьку, Мазепа и Кочубей встретили царских посланцев с величайшими почестями. Гетман, приняв от Протасьева царский указ, почтительно поцеловал его и поклонился "до земли".

Прочитав указ, Мазепа тотчас же отправил несколько Козаков гонцами, чтоб доставить в Диканьку Левашева и Скотина, а также нужных свидетелей из Кишенки и порубежных городов, где Левашев и Скотин чинили насилия, бесчинства и грабежи.

В то же время хозяйка, жена Кочубея, уже хлопотала о том, чтобы достойно угостить дорогих гостей.

Пир вышел на славу. За обедом присутствовала и красавица Мотренька, одетая в живописный малороссийский наряд с "добрыми коралами и золотыми дукачами" на смугленькой шейке. Пили за здоровье царя и его посланцев, а Протасьев провозгласил здравицы за ясновельможного пана гетмана, за хлебосольного хозяина и за его супругу с дочкою.

Мотренька узнала Ягужинского, который за обедом взглядывал на нее украдкой, и этот взгляд всегда перехватывал лукавый гетман и дергал себя за седой ус.

Чтобы чем-нибудь развлечь гостей после обеда, находчивая хозяйка обратилась к традиционному в Малороссии развлечению. Как в Испании гитара и бой быков составляют национальное развлечение, так в Малороссии бандура и кобзарь.

Пани Кочубеева велела позвать кобзаря.

Зашел разговор о Москве и о государе.

- Бог посылает, слышно, победу за победой его пресветлому царскому величеству, - сказал Мазепа.

- Благодарите Бога, ратные государевы люди уже отгромили у короля шведского, почитай, всю Ливонию и Ингрию, - отвечал Протасьев.

- То ему за Нарву, - улыбнулся Кочубей, - теперь он злость свою срывает на Августе, - гоня як зайца по пороше.

- А что это учинилось у вас на Москве, что великий государь подверг великой опале тамбовского епископа Игнатия? - спросил Мазепа.

- То, ясновельможный пан гетман, такое дело, что о нем и помыслить страшно, - уклонился от ответа ловкий стольник.

В приемный покой ввели кобзаря. Это был слепой благообразный старик и с ним хорошенький черноглазый мальчик, "поводатырь" и "михоноша".

- "Хлопья голе и босе", - как говорили о нем сердобольные покиювки, увидевшие его на панском дворе.

Кобзарь поклонился и обвел слепыми глазами присутствующих, точно он их видел.

- Якои ж вам, ясновельможне паньство, заиграть: чи про "Самийлу Кишку", та то дуже велька, чи про "Олексию Поповича", чи-то про "Марусю Богуславку", чи, може, "Невольныцки плач", або "Про трех братив", що утикали з Азова с тяжкой неволи? - спросил слепец.

- Та краще, мабуть, диду, "Про трех братив", - сказал Мазепа.

- Так, так, старче, "Про трех братив", - подтвердил Кочубей, - бо тепер вже у Азови нема и никола не буде мисця для невольныкыв.

- Ото ж и я думаю, куме, - согласился Мазепа.

Кобзарь молча начал настраивать бандуру. Струны робко, жалостно заговорили, подготавливая слух к чему-то глубоко-печальному... Яснее и яснее звуки, уже слышится скорбь и заглушенный плач...

Вдруг слепец поднял незрячие глаза к небу и тихо-тихо запел дрожащим старческим голосом, нежно перебирая говорливые струны:

Ой то не пили то пилили,

Не туманы уставали

Як из земли турецькой,

Из виры бусурьменьской,

З города Азова, з тяжкой неволи

Три братики втикали.

Ой два кинни, третий пиший-пишениця.

Як би той чужий-чужениця,

За кинними братами бижить вин, пидбигае,

Об сири кориння, об били каминня

Нижки свои козацьки посикае, кров'ю слиди заливае,

Коней за стремени бере, хапае, словами промовляе...

- Гей-ей-гей-ей, - тихо, тихо вздыхает слепец, и струны бандуры тихо рыдают.

Но вдруг тихий плач переходит в какой-то отчаянный вопль, и голос слепца все крепнет и крепнет в этом вопле:

Станьте вы, братця! Коней попасите, мене обиждите,

З собою возьмите, до городив христяньских хочь мало пидвезити.

...Опять перерыв и немое треньканье говорливых струн.

Все ждут, что будет дальше. Чуется немая пока драма. Мазепа сидит насупившись. Пани Кочубеева горестно подперла щеку рукою. Личико Мотреньки побледнело. У Ягужинского губы дрожат от сдерживаемого волнения. Один стольник бесстрастен.

Как будто издали доносятся слова чужого голоса:

И ти брати тее зачували, словами промовляли:

"Ой, братику наш менший, милый, як голубоньку сивий!

Ой та ми сами не втечемо и тебе не визьмемо

Бо из города Азова буде погонь вставати,

Тебе, пишого, на тернах та в байраках минати,

А нас, кинних, догоняти, стреляти-рубати,

Або живцем в гиршу неволю завертати".

- Ой, мамо, мамо! Воны его покинули! - громко зарыдала Мотренька и бросилась матери на шею.

6

И пани Кочубеева, и отец, и Мазепа стали успокаивать рыдавшую Мотреньку.

- Доненько моя! Та се ж воно так тильки у думи спивается, - утешала пани Кочубеева свою дочечку, глядя ее головку, - може, сего никола не було.

- Тай не було ж, доню, моя любя хрещеныця, - утешал и гетман свою плачущую крестницу. - Не плачь, доню, вытри хусточкою очыци.

- От дурне дивча! - любовно качал головою сам Кочубей. - Ото дурна дытына моя коханая!

Мотренька несколько успокоилась и только всхлипывала. Ягужинский сидел бледный и нервно сжимал тонкие пальцы. Стольник благосклонно улыбался.

- Може, мени вже годи панночку лякаты? - проговорил кобзарь. - То я с вашои ласкы, ясновельможне паньство, и пиду геть?

- Ни-ни! - остановила его пани Кочубеева. - Нехай Мотря привыка, вона козацького роду. За козака и замиж виддамо... Вона вже й рушныки прыдбала.

Мазепа сурово сдвинул брови, увидав, что при слове "рушныки" Мотренька улыбнулась и покраснела.

- Ну, сидай коли мене та слухай, - сказала пани Кочубеева, поправляя на ее только что сформировавшейся груди "коралы" и "дукачи". - А ты, диду, спивай дали.

- Ге-эй-гей-гей! - опять вздохнула старческая грудь, опять зарокотали струны, и полились суровые, укоряющие слова:

И тее промовляли,

Одтиль побигали.

А менший брат, пиший-пихотинець,

За кинними братами вганяе,

Словами промовляе, сльозами обливає:

"Братики мои ридненьки, голубоньки сивеньки!

Колы ж мене, братця, не хочете з собою брати,

Мени з плич голивоньку здиймайте,

Тило мое порубайте, у чистим поли поховайте,

Звиру та птици на поталу не дайте".

- Бидный! - тихо вздохнула Мотренька. - Ото браты!

Эта наивность и доброта девушки так глубоко трогали Павлушу Ягужинского, что он готов был броситься перед нею на колени и целовать край ее "спиднычки".

- У тебе не такой був брат, - улыбнулась дочери пани Кочубеева, - та не дав Бог.

Снова настала тишина, и слышен был только перебор струн, а за ним суровое слово порицания братьям бессердечным:

И ти браты тее зачували,

Словами промовляли:

"Братику милий,

Голубоньку сивий!

Шо ты кажешь!

Мов наше сердце ножом пробиваешь!

Що наши мечи на тебе не здиймутся,

На дванадцять частей розлетятся..."

- Ох, мамо! - схватила Мотренька мать за руку. - То ж з ным буде! жалобно шептала она, на глазах ее показались опять слезы.

Ягужинский видит это, и его сердце разрывается жалостью и любовью.

7

Полная глубокого драматизма дума козацкая начала волновать душу даже холодного на вид гостя московского.

"Чем-то кончится все сие? - спрашивает себя мысленно Протасьев. Колика духовная сила и лепота у сих хохлов, коль у самого подлого, нищего слепца слагается в душе такая дивная повесть".

И он уже с глубоким интересом вслушивался в дальнейшие детали развертывавшейся перед

ним драмы, об одном сожалея, что нет здесь великого государя, чтоб и он прослушал козацкую думу, которая говорила устами слепца:

То брат середульший милосердие мае,
Из своего жупана червону та жовту китайку видирае,
По шляху стеле - покладае,
Меншому брату примету зоставляе,
Старшому брату словами промовляе:

"Брате мий старший, ридненький! Прошу я тебе:
Тут травы зелени, воды здорови, очереты удобни
Станьмо кони попасимо.

Свого пишого брата хочь трохи пидождимо,
На коней возьмимо,
В городы християнськи хочь мало надвезимо,
Нехай же наш найменший брат будет знати,
У землю християнську до отца дохождати ..."

- О, хороший, хороший! - сами собой шепчут губы Мотреньки.

А кобзарь тянул:

То старший брат до середульшого брата словами промовляе:

"Чи ще ж тобі каторга турецка не увирилася.

Сириця у руки не вьидалася!

Як будемо своего брата пишого надждати,

То буде з Азова велька погоня вставати,

Буде нас всих рубати,

Або в гиршу неволю живцем завертати".

- Правдыво рассудыв старший брат, пане стольнику? - спросил Протасьева Мазепа.

- Нет, пан гетман! - отрезал стольник. - За такой рассуд великий государь велел бы старшего брата бить батоги нещадно, дабы другим так чинить было неповадно.

Мотренька благодарными, растроганными глазами взглянула на Протасьева...

То як став пешеходец из тернив выходыти,

Став червону китайку находыти:

У руки хватает, дрибними слъозами обливае.

"Це дурно, - промовляе, - червона китайка по шляху валяе.

Мабуць, моих братив на свити иемае!..

Мабуць, з города Азова погоня вставала,

Мене в тернах мынала,

Братив моих догоняла, стріяла, рубала!

Колы б я мог знаты,

Чи моих братив постреляно,

Чи их порубано,

Чи их живых у руки забрано,

Ей, то пишов бы я по тернах, по байраках блукаты,

Тила козацького-молодецького шукаты,

Та тило козацьке-молодецьке у чистым поли поховаты,

Звиру-птыци на поталу не подати".

- Вишь, пан гетман, он великодушнее своих бессердечных братьев, заметил Протасьев.

То вин на шлях Муравський выбигае

И тильки своих братив трошки ридных слиды зобачае.

Та побило ж меншого брата в поли

Три недоли:

Що одна - безводде, друга - бесхлибье,

Третя - буйный витер в поли повивае,

Бидного козака з ниг валяе...

- Ох, мамо, мамо! - не осилила своего сердца Мотренька.

А кобзарь разошелся, ничему не внемлет:

Вовки-сироманци, орлы-чернокрыльци,

Гости мои мили!

Хоть мало-немного обиждите,

Покиль козацька душа з тилом разлучыться,

Тоди будете мени з лоба чорни очи высмыкаты,

Биле тило коло жовтои кости оббыраты,

Но - пид зеленими яворами ховаты

И камышамы вкриваты"...

Продолжение думы было внезапно прервано приходом дежурного "возного", который доложил Мазепе и Кочубею, что от короля польского к пану гетману прибыл посол.

...Кобзарь встал, щедро всеми награжденный.

8

На другой день рано утром, когда Мазепа, Кочубей и Протасьев еще не вставали, Ягужинский, которого царь приучил вставать с петухами, вышел в диканьский сад, уже знакомый ему с прошлого года, когда Кочубей приезжал в Воронеж к Петру по делам Малороссии, откуда до Диканьки провожал его Ягужинский, чтоб вручить Мазепе пожалованную ему царем саблю.

Хотя был уже август на исходе, но в Диканьке, как и во всей Малороссии, этого не чувствовалось. Утро было теплое, тихое.

Павлуша, идя по роскошному саду, вспомнил прошлогоднее в нем гулянье. Тогда был апрель и сад стоял весь в цвету, точно осыпанный розоватым снегом. Теперь все ветви плодовых деревьев были отягощены яблоками, грушами, сливами. Вспомнил Павлуша и прошлогоднюю встречу свою в этом саду с Мотренькой.

Странная была встреча, но от воспоминания о ней весна расцветала в душе Павлуши. Он тогда, как и теперь, вышел в сад и был поражен красотой всего, что представилось его взору после бесцветной и холодной Москвы. Роскошь цветения сада, весеннее пение птиц, жужжание пчел и других насекомых, мелькавшие разноцветные бабочки, все это так подействовало на него, что он чувствовал себя объатым каким-то волшебством. Вспомнил он свое детство где-то в Польше, плачущую скрипку отца-музыканта, и ему сделалось так сладко и горько, что он упал на траву и заплакал как ребенок... В это время кто-то тихонько прикоснулся рукою к его плечу... Он поднял глаза и словно замер перед чудным видением: не то русалка, не то реальная девочка, вся в цветах, в ореоле лучезарной красоты... Она спросила его, о чем он плачет, сказала, что видела его у "татки"... Это была дочь Кочубея... Они разговорились о своих летах... Ему так хорошо было слушать ее чарующий голосок, смотреть в ясные, невинные детские очи... И вдруг показался Мазепа, и все расхолодил свою насмешливую улыбкой, своим голосом...

И вот вчера он опять увидел ее... Она выросла, расцвела... И она помнила его...

Как она вчера расплакалась от пения думы... И ему хотелось заплакать с нею...

Вспоминая теперь все это, он забрел в отдаленный уголок сада и присел на скамейку под горевшими на солнце багрянцем кистями калины. Он долго просидел так, думая о том, что, вероятно, ему скоро придется ехать с государем или к Белому морю, или к Неве, где воевал Апраксин, и за этими думами не слышал, как кто-то легкими шагами подошел к нему.

- А я вас шукала, - услышал он мелодический голосок.

Перед ним опять стояло видение... Но он узнал его, то была Мотренька.

Он растерялся и не сразу мог прийти в себя.

- Я вас шукала, - повторила девушка, - а вы он де сховались.

Ягужинский покраснел, не зная, что отвечать.

- Я гулял, - пробормотал он.

Робость и скромность Павлуши сразу расположили к нему Мотреньку.

- Я, може, вас налякала? - спросила она.

- Налякала? Что это такое? Я такого слова не знаю, - отвечал нерешительно Павлуша, любясь девушкой.

Мотренька рассмеялась.

- О, я и забула, що вы москаль и вы нашої мовы не розумієте, сказала она. - Так вы ж и вчера не розуміли, про що співав кобзарь.

- Нету, Мотрона Васильевна, вчера я все уразумел, хоть иных слов и не понимал, одначе догадывался, - несколько смелее заговорил Ягужинский. - А жаль, что приезд посла помешал дослушать конец былины, чем она кончилась.

- А я знаю кінець, - похвалилась Мотренька, - такий сумный, такий сумный, що плакати, так и рвется сердце.

- Да вы и вчера плакали, - сказал Ягужинский.

Мотренька покраснела.

- О, учера я дурна була, мов мала дытына, привселюдно заголосыла, оправдывалась она, - сором такий великий дивчыни плакати при людях.

- Так вы знаете конец былины, Мотрона Васильевна?

- Не "былина", "былина" у поли росте або у садочку, а то "дума", поправила "москаля" Мотренька.

- "Дума"... У нас "дума" токмо царская, где сидят бояре да думные дьяки, - серьезно говорил Ягужинский.

- От чудни москали! У "думах", бач, у их сидят, а в нас их співають.

Ягужинский улыбался, очарованный детской наивностью девушки и ее чарующей красотой.

- Так какой же конец думы, Мотрона Васильевна? - спросил он, желая только, чтоб она дольше щебетала как птичка.

- Добро, я вам расскажу... Учора, як розигнав нас тот посол, мы з мамою закликали кобзаря до себе, у наш покой, и вин доспівав нам усю думу... Маты Божа! Яка ж жалибна, - торопливо говорила Мотренька. - Ото як менший брат, пиший, ублакав вовкив-сироманцив та орлив-сизокрыльцив, щоб вони его живцем не злили, то и став вин, бидный, помирати, бо девять днів в его, а ни крапли водицы, а ни крхтоньки хлиба у роти не було... А як вин вмер, тоди, о, матинко моя!.. тоди вовки-сироманци находдалы, биле тило козацькое жваковалы, и орлы-чернокрыльци налиталы, в головках сидалы, на чорни кучери наступалы, из-пид лба очи высмыкалы, тоди ще и дрибна птиця налитала, коло жовтои кости тило оббирала, ще й зозули налиталы, у головах сидалы, як ридни сестры куковали, ще и удруге вовки-сироманци находдалы, жовту кость по балках, по тернах розношалы, попид зеленых яворем ховалы, и камышами вкрывалы, жалобненько квылыли-проквылялы: то ж вони козацький похорон одправлялы...

У Мотреньки вдруг дрогнули губы, и она горько-горько заплакала.

Ягужинский растерялся.

- Мотрона Васильевна! Девынька милая! Что я наделал! - бормотал он.

А Мотренька еще пуще, совсем по-детски, расплакалась, закрывшись руками.

- Господи! Что я наделал! Что я наделал! - метался Павлуша.

Он совершенно бессознательно схватил руки девушки, чтоб отнять их от лица. И это, к счастью, подействовало. Мотренька топнула ножкой, глотая слезы.

- О, яка ж я дурна! - силилась она улыбнуться. - И вас налякала... От дурна!

- Слава Богу, слава Богу! - радостно говорил Ягужинский. - А я так испужался.

- Ни, ничего, ничего, се я так, дурныцею... Який сором! Хочь у Сирка очи позычай, - храбрилась Мотренька. - Теперь я и кинец думы докажу...

- Не надо, не надо, Мотрона Васильевна! А то опять... не надо!

- Та не бийтесь... Там вже не так жалибно... Я вам коротенько скажу, - настаивала Мотренька.

- Бог покарав старших братив за меншого: як вони почувалы выще рички Самаркы, то турки-янычары на их напалы, пострилялы и порубалы... От и все.

- Тэ-тэ-тэ-тэ! - вдруг они услышали за собою насмешливый голос.

Глядь, Мазепа!

"А! Старый черт! - выругался в душе Ягужинский. - Как и тогда его нелегкая принесла!"

- От так дивча! Вже и пидцепыла москалыка... Им, бач, оцым дивчатам хочь з гиркою осыкою женихаться, - говорил гетман ревнивым голосом.

- Та я им, тату хрещеный, кинец думы "Про трех братив" проказала, оправдывалась Мотренька, надув губки. - А вы казнащо...

- То-то за-для кинця думы ты их мылость, пана денщика его царського пресвитлого вельчества, у яки нетри завела, - шутил старый женолюбец. - Ты их мылость вид царської службы одрываешь... Простить пане, дерненьку кизочку, - любезно поклонился он Ягужинскому, который стоял красный как печеный рак...

9

Следствие, произведенное стольником Протасьевым над полуполковниками Левашовым и Скотиным в присутствии гетмана, подтвердило все взведенные на них Мазепою обвинения, и по указу царя они были достойно наказаны.

По возвращении из Малороссии Ягужинский заметил какую-то перемену в государе. Он иногда подмечал в царе минутную задумчивость, иногда неопределенную улыбку, и тогда глаза Петра смотрели как-то теплее. Еще Павлуша заметил, что царь реже отлучался теперь в Немецкую слободу, к Анне Монс, зато чаще и охотнее стал навещать Меншикова.

А от зорких глаз Павлуши редко что могло укрыться, да притом - не только глаза, но и сердце Павлуши, по возвращении из Диканьки, стало много догадливее. Он, как бы преображенный чувством к Мотреньке, понял, что и царя Петра Алексеевича преобразило, вероятно, такое же чувство...

Но к кому? Надо выследить...

Прежде всего Павлуша выследил, что вместо царя в Немецкую слободку часто стал

наведываться красавец Кенигсек, саксонско-польский посланник, только в этом году перешедший в русскую службу... Ради чего из попов да в дьячки?.. Ясно, ради немецкой "плениры"... Итак, ниточка довела Павлушу до клубочка...

А если другая ниточка окажется ниткою Ариадны и приведет его в пасть Минотавра?.. Ох, тут надо быть осмотрительнее с этою другою ниточкой...

Однажды царь послал его по делу к Меншикову. Не застав Александра Даниловича дома, он спросил служащих при нем, куда отлучился их начальник. Но те сами не знали, где он. Ягужинского это смутило, потому что государь терпеть не мог неточного исполнения его приказаний. Пока он стоял в приемной Александра Даниловича в нерешимости, как поступить ему, из внутренних покоев неожиданно вышла молоденькая, очень красивая девушка и с несколько нерусским акцентом спросила:

- Вы от государя?

- От государя, сударыня, - отвечал смутившийся Павлуша.

- Вы не Ягужинский ли будете? - снова спросила незнакомка.

- Так точно, сударыня, я Павел Ягужинский, денщик его величества.

- О, я об вас, Павел Иванович, много слышала от Александра Даниловича, который говорит, что государь вас очень любит, - улыбаясь, говорила незнакомка.

- Я служу верой и правдой его величеству, - поклонился Павлуша.

- И вас зовут Павлушей, - еще веселее улыбнулась незнакомка, - ведь вы такой еще молоденький... Сколько вам лет?

- Восемнадцать, сударыня, - уже с нетерпением отвечал Павлуша.

- И мне столько же, - совсем рассмеялась незнакомка.

Но, заметив, что царский посол обеспокоен и, видимо, торопится узнать, где Меншиков, поспешила сказать:

- Александр Данилович теперь у графа Головина, а от него тотчас сам явится во дворец.

- Благодарю вас, сударыня, - низко поклонился Павлуша.

Он понял, что это не простая особа, а что-то близкое к Меншикову; все знает; но кто она?..

Павлуша еще раз поклонился, еще ниже, и вышел озадаченный.

"Меншиков?.. Или?.. - путалось в голове у Павлуши. - Нет, не Меншиков", - решил он.

Перед ним выплыл несколько наглый, хотя красивый облик Анны Монс.

"Нет, эта прекраснее", - снова решил Павлуша.

Так вон оно что!.. Не удивительно!..

"Кто ж она? Откуда? Иноземка, это несомненно... Александр Данилыч недавно ездил к войску в Ингрию и Ливонию... Оттуда, я чаю, он привез ее... Ну, Аннушка, води за нос Кенигсека, да только концы в воду хорони, на дно океана, да с камушком, а то всплывут али рыба проглотит, а рыбу рыбаки, пожалуй, выловят да к столу государеву поднесут", - рассуждал сам с собою Павлуша.

Его что-то как бы толкнуло под сердце и ударило в голову...

"Мотренька... две капли воды... только Мотренька чернявее... Нет, Мотренька краше... для меня..."

Смущенный входил Павлуша во дворец.

"Говорить государю или не сказывать, что я ее видел?.. Надо сказать, коли спросит. Я от государя ничего не таю, как у попа на духу..."

Ему навстречу попался Орлов.

- Александр Данилыч у государя? - спросил Павлуша.

- Нет... Да ты что такой? - вглядывался в него Орлов. - Разве дворские девки опять тебя силком целовали? Я их, которую, силком целую, а они тебя... Счастливчик!

Павлуша торопился.

- Куда ты? - остановил его Орлов.

- Пусти, к государю...

- Да он по твоей роже узнает, что тебя дворские девки девства лишили, - не унимался Орлов.

Павлуша хотел было спросить его о том, что занимало его...

"А если и Орлов ничего не знает, а я наведу его на след?" - мелькнуло у него в уме. И врожденная осторожность удержала его от вопроса.

Еще более смущенный, вступил он в рабочий кабинет государя.

Петр задумчиво глядел на околдовавшее его местечко на карте, на дельту Невы.

Увидав Павлушу, государь быстро спросил:

- Что с тобой, Павел?

- Ничего, государь, - еще более смутившись, отвечал Павлуша.

- Не лги... Я всякий твой взгляд и вздох понимаю, - ласково сказал государь. - Ну, что же?

- Орлов все меня смущает, государь, пристаёт.

- С чем?

- С дворскими, государь, девками.

- Разве и ты уже?..

- О, нет, государь! Орлов говорит, будто меня дворские девки девства лишили.

Государь весело рассмеялся.

- Бедный царский денщик! Что с ним сделали!

- Нет, государь, - бормотал несчастный Павлуша, - они раз как-то меня силком поцеловали, с того и дразнит меня Орлов.

- Так силком таки добра молодца? - смеялся царь. - А что Меншиков?

- Он у графа Головина, государь, и сейчас прибудет.

- А от кого узнал? - спросил царь.

Ягужинский окончательно растерялся.

- Да что ноне с тобой, Павел? Ты сам не свой... Сказывай, от кого узнал, что Данилыч у Головина.

- Мне девушка сказала.

- Какая девушка?

- Там, у Александра Данилыча, государь. А кто она, не сказала.

Государь улыбнулся.

- А! Девушка... А как она показалась тебе? - спросил он.

- Красавица, государь... Я такой не видывал... Разве...

- Что разве?

- У Кочубея дочка, государь.

- Краше этой?

- Нет, государь.

- Так приглянулась хохлушечка? - улыбнулся царь.

Ягужинский покраснел и потупился.

- Ну, так женю, женю на хохлушечке, - потрепал государь по щеке своего любимца. - Кочубей же, сказывают, богат, как Крез.

В это время вошел Меншиков.

10

По возвращении Меншикова из Ливонии вместе с Мартою Скавронскою, будущею императрицею Екатериною Алексеевною, государь, убедившись из личного доклада "Данилыча", что по всему южному побережью Финского залива и по южному же побережью Невы русское дело поставлено прочно, лично хотел убедиться, что и из Белого моря нельзя ожидать нападения шведов, которые все время гоняли Августа из конца в конец Польши.

Оказалось, что север России не требует особенных забот. Значит, можно будет подумать теперь и о Неве, и о ее дельте, не дававшей спать Державному Плотнику.

Но прежде чем топор его застучит у устьев Невы, надо завладеть ее истоком из Ладожского озера.

- Там ключ от Невы, - говорил государь Павлуше Ягужинскому, которого он уже начал посвящать в государственные дела. - Добудем ключ и откроем ворота в Неву.

Это говорил царь, отплывая из Соловков в монастырскую деревню Пюхча, чтоб оттуда прямым путем направиться к Повенцу, а оттуда к Ладожскому озеру.

С государем было 4000 войска.

Но как пройти положительно непроходимые, непроницаемые лесные чащи, болота, топи и ужасные дебри?

Он первый берет топор и начинает пролагать себе путь, рубит просеку в вековечных борах. Это была работа титана: как древние мифические титаны воевали с богами, которые олицетворяли всю природу с ее таинственными силами, так Державный Плотник стал воевать с природою Русского Севера.

- Данилыч, и ты, Павел, берите топоры и за мной! - сказал он и начал валить вековые сосны и березы.

И они первые открыли эту работу, а за ними войско и все крестьяне вотчин Соловецкого монастыря.

- Царь-от, царь, каки соснищи валит, страсть! - изумлялись крестьяне.

- По себе дерево рубит, ишь, гремит топором на весь бор!

- Силища-ту какова, братцы!

- Знамо, царска, не простая.

- В ем одном сидит сила всей матушки-России.

- Илья Муромец, да и только.

- А паренек-то, паренек старается!

Это о Павлуше Ягужинском.

Еще в сороковых годах нынешнего столетия, по свидетельству "Олонецких губернских ведомостей", держалось в народе предание, что так много было рабочих на прокладке вместе с солдатами этого титанического пути через леса, топи и болота, что на каждого человека будто бы досталось положить на протяжении всего пути одну только перекладину.

Конечно, это легенда, сказка.

От деревни Пюхча путь этот лежал к деревне Пулозер, где устроен был "ям" с крытою палаткой, где продавалось все необходимое для войска. От Пулозера, опять лесами и болотами, путь лежал к деревне Вожмосальме на протяжении 70 верст и через Темянки выходил на Повенец. Далее по заливу Выгозерскому был проложен плавучий мост к реке Выгу.

Здесь государю доложили, что вся местность эта заселена беглыми раскольниками, а ядро их - Выговская пустынь.

- Добро, - сказал государь, а обратясь к Меншикову, добавил: - В этом краю непочатый угол железной руды, так ты не медля поезжай и выбери место для завода, а раскольникам от моего имени скажи накрепко: слышно-де его царскому величеству, что живут здесь для староверства разных городов собравшиеся в Выговской пустыни беглые и службу отправляют Богу по старопечатным книгам, а ныне-де его царскому величеству для войны шведской и для умножения оружия и всяких воинских материалов угодно-де поставить два железных завода, один-де близ Выговской пустыни, то чтоб-де все раскольники в работах тем заводам были послушны и чинили бы всякое вспоможение, по возможности своей, и за то-де царское величество даст им свободу жить в той Выговской пустыни и по старопечатным книгам

службы свои к Богу отправлять.

- А не будут работать, разнесу! - грозно добавил государь.

"И от того времени, - записано в "Истории Выговской пустыни", Выговская пустынь быти нача под игом работы, и начаша людие с разных городов староверства ради от гонения собираться и поселяться овии по блатам, овии по лесам, между горами и вертепами и между езерами, в непроходных местах, селиться скитами и собственно келиями, где возможно".

- Не так древле Израиль стремился в обетованную землю, как я к ключу, запирающему вход в Неву, - говорил царь, стоя на берегу Онежского озера, где уже успели создать целую флотилию карбасов, на которых предполагалось пробраться в Ладогу и явиться у стен Нотебурга.

- Бог поможет тебе, государь, разрушить стены нового Иерихона, сказал на это Меншиков.

- Обетованная... - произнес задумчиво Петр, - "обещанная". Израилю Бог Иегова обещал ту страну... А мне кто?

- Твой разум, государь, - сказал Меншиков.

- Нет, Алексаша, не один разум, который бессилен без науки, без знания... Наука, знание дают все, что есть под луною!

11

Царская флотилия в конце сентября того же 1702 года уже колышется на волнах многоводной Ладоги, точно стая бакланов. Казалось, счету нет этим бакланам!

На передовом, самом поместительном карбасе выделяется гигантская фигура царя. Он весь - внимание. Зрительная труба, казалось, замерла в его руке.

Стекла попали на искомую точку... Вот она!

- Вижу, вижу! - с трепетом восторга говорит Петр.

- Что видишь, государь? - спрашивает Меншиков, напрягая вдаль зрение...

- Орешек... мой будущий Шлиссельбург, - отвечает царь, не спуская взора с отысканной на западном горизонте точки.

Шведская крепость выделялась над горизонтом все явственнее и явственнее.

- А фортеца знатная, - задумчиво говорит царь, - твердыня, пожалуй, с норомом.

- Все же она, государь, дело рук человеческих, - заметил Меншиков. А что руками сотворено, руками может и разрушено быть.

Шведская крепость все ближе и ближе. Там заметили флотилию русских, на стенах показалось движение.

Флотилия идет прямо на крепость. Там взвился белый дымок... что-то грохнуло... и ядро с брызгом погрузилось в воду.

- Салютуют, - улыбнулся царь и замахал в воздухе шляпой. - Ждите меня!

Снова дымок в крепости, и второе ядро нашло свою холодную могилу почти там же, где и первое.

- Не доносит, - сказал Меншиков, - силы нехватка.

Третье ядро упало у самого карбаса и обдало царя брызгами.

- Руля налево! - крикнул Меншиков кормщику.

Флотилия повернула влево, уходя от выстрелов.

Выстрелы еще повторились, но ядра уже не доносило до флотилии.

Когда флотилия приблизилась к берегу в нескольких верстах левее Нотебурга, государь приказал отделить от нее до полусотни карбасов и вытащить их на берег.

Петр развернул карту Невы с окрестными берегами и показал ее Меншикову.

- Вот тут, ниже Нотебурга, у Назьи речки, укрепился Апраксин с своим отрядом, - указал он место на карте. - Понеже нам предстоит волоком перетащить туда сии карбасы под прикрытия леса, то ты, взяв несколько ратных людей с собою, сыщи волок наиболее удобный...

- Слушаю, государь, - отвечал Меншиков.

- А я останусь здесь с прочими карбасами и буду мозолить глаза крепости, чтоб отвлекать ее внимание от волока.

На другой день, едва только начало светать, как за сплошным лесом, тянувшимся по левому берегу Невы против Нотебурга и далее вниз, стали раздаваться дружные, знакомые всей России бурлацкие возгласы:

Ай, дубинушка, ухнем!

Ай, зеленая, подернем!

Подернем, подернем - уу!

Это ратные государевы люди тянули ляжками по болотам и топям свои карбасы.

В другом месте слышалось:

Нейдет - пойдет - ухнем!

Нейдет - пойдет - ухнем!

Не шла - пошла - ууу!

Это ратные нижегородцы пели бурлацкий гимн. А за ними тамбовцы:

Просилася Дуня спать

На тясову каравать.

Нацуй, нацуй, Дунюшка,

Нацуй, нацуй, любуйка!

Ууу!

А за этими симбирцы да казанцы:

Раз и двааа - три - бяре!

Раз и двааа - три бяре!

Уууу!

И над всем лесом стонало неумолкаемое эхо этих "уууу" и "ух"!

Эти уханья раздавались еще дружнее, когда ратные видели, что приближается царь. А он тихо с своей небольшой свитой проезжал мимо влекомых карбасов на привезенных из Повенца карбасами выносливых лошадках, часто поощряя рабочих царским словом: "Спасибо, молодцы!"

- Ждет нас, поди, Борька, да и Апраксин скучает без дела за своим кронверком, - говорил государь, нетерпеливо поглядывая вперед.

- Теперь недолго ждать, государь, - успокаивал его Меншиков.

Проезжая мимо последней группы ратных, тащивших волоком карбасы с дружным уханьем, царь сказал:

- Считайте, молодцы, за мной добрую чарку зелена вина!

- Рады стараться, государь-батюшка! - грянули хором ратные.

12

Царь с небольшой свитой, конечно, опередил тысячный отряд свой, который перетаскивал на себе карбасы и артиллерию с Ладоги в Неву, и прибыл в лагерь Шереметева и Апраксина после полудня.

Начальник и войско встретили своего государя с величайшею радостью.

- А мы дюже скучали по тебе, государь, - сказал Апраксин, - боялись, как бы не пришлось нам зимовать здесь.

- Провианту и иного чего опасались нехватки, - добавил Шереметев.

- Ну, зимовать вы будете на шведских квартирах, - улыбнулся царь, да и провианту шведы заготовили для нас, чаю, с достатком.

- Не одни сухари, - улыбнулся Меншиков.

Сентябрь в тот год стоял хороший, ясные, теплые и сухие дни делали конец сентября похожим на лето.

Сделав некоторые предварительные распоряжения, государь направился к приготовленной для него просторной палатке с государственным гербом на флаге.

- Павел, иди за мной, - сказал он, - ты мне нужен.

- Слушаю, государь, - отвечал Ягужинский.

У входа в палатку стояли часовые. Увидя царя, они взяли на караул.

- Здорово, ребята! - молвил царь приветливо.

- Буди здрав, государь-батюшка! - был ответ.

Едва Петр распахнул полы палатки, как Ягужинский увидел, что та хорошенькая девушка, которую он перед тем видел в Москве, в доме Меншикова, с тихим радостным криком обхватила руками великана, который поднял ее как маленького ребенка. Ягужинский отступил назад и остановился за пологом.

Он услышал тихие восклицания и шепот:

- Здравствуй, Марфуша! Вот не ждал, не чаял.

- Здравствуй, государь, соколик мой!

- Как ты здесь очутилась?

- Александр Данилыч прислал из Повенца гонца с письмом, что ты, мой сокол ясный, скучаешь по своей Марфуше, так чтоб я прибыла сюда из Москвы, и я прилетела к тебе... с "шишечкой", как ты говоришь...

- А ты почему это знаешь, глупенькая девочка?

- Мамушка-боярыня мне сказывала, что "шишечка" зачалась...

- А мальчик или девочка?

- Того не сказала.

- Мальчика бы, а то мой Алексей плесень какая-то.

Ягужинский многое, даже очень многое понял из этого беглого диалога и пришел в ужас... Но Павлуша хорошо понимал государственную важность того, что случайно коснулось его слуха, и, как он ни был молод, хорошо умел молчать...

Это Меншиков сделал сюрприз государю, без его ведома выписав к войску Марту с ее небольшой придворной свитой... У полоняночки Марты Скавронской была уже своя придворная свита из мамушки-боярыни и "дворских девок", то есть фрейлин, за которыми, однако, придворный сердцеед Орлов не смел ухаживать.

"Шишечка"... мальчика бы... мой Алексей плесень какая-то", вспоминал Ягужинский сорвавшиеся с уст царя роковые слова, и ему стало страшно, что он их невольно подслушал... Страшные слова!.. Они обещают роковой переворот в престолонаследии... Как ни был молод Павлуша, но окружавшая его почти с детства государственная атмосфера научила его понимать всю важность того, что неизбежно должно было произойти в будущем... Молодость не помешала Ягужинскому видеть, что не такого наследника следовало бы царю-титану иметь, не такого, каков был царевич Алексей Петрович... Но за ним стояла вся старая Россия, все недовольное нововведениями сильное и богатое боярство, все озлобленное против церковных "новшеств" духовенство, озлобленное притом кощунственными издевательствами над ним этих "всешутейших и всепьянейших соборов", этих "князей-пап", "княгинь-игумений", святотатственными "канунами Бахусу и Венере"... А все раскольники? А народ, долженствовавший выносить усиленные налоги и усиленную рекрутчину?

"Алексей - плесень"... Но эта плесень равносильна кедру ливанскому, каким иногда казался Ягужинскому Державный Плотник. Страшная должна предстоять борьба этих двух сил...

Павлуша поторопился отойти дальше от страшной палатки и остановился в ожидании, не позовет ли его царь.

В это время к нему подошел Меншиков.

- Ты что же стоишь тут, на часах, что ли, в карауле? - спросил он с улыбкой.

- Государь приказал было мне идти за собой, но там он не один, смущенно отвечал Ягужинский. - Его встретила...

- Знаю... что ж, обрадовался государь нечаянности?

- Кажись, очень обрадовался.

Но про "шишечку" и про "плесень" - ни гугу...

- Я знал, что обрадуется, - сказал Меншиков. - Еще в Архангельске вспоминал, бывало, про нее: "Что-де моя Марфуша?" - "Скучает, - говорю, по тебе, государь". - "Хоть бы одним глазком, - говорит, - а то в походе, - говорит, - мы ни обшиты, ни обмыты"... Я и спосылал в Москву к мамушке-боярыне, чтоб, будто ненароком, сама-де соскучилась, давно не выдавши светлых очей государевых... Ну, я рад, что так случилось... Так рад сам-то?

- Нарочито рад, - отвечал Павлуша.

- А то я и дубинки, признаюсь, побаивался... самовольство-де...

- Сказано: близко царя, близко смерти, - тихо молвил Ягужинский.

- Смерть не смерть, а дубинка ближе, - засмеялся в кулак Александр Данилович.

Они продолжали стоять, не зная, на что решиться.

- Теперь им, може, не до нас с голодухи, - улыбнулся Меншиков. Уйти, что ли?

- Я не смею, Александр Данилыч, позвал... А вдруг окликнет, нерешительно проговорил Ягужинский.

- Да, неровен час, под какую руку...

В это время распахнулась пола намета и выглянул оттуда сам государь.

- А, вы все тут? - сказал он.

- Что прикажет государь? - спросил Меншиков.

- Идите в палатку, дело есть.

Но в палатке уже никого не было: "знатная персона" ускользнула другим ходом.

13

На другой же день одна часть войска, меньшая, посажена была на привезенные сухим путем из Ладожского озера карбасы и двинулась вверх по Неве к Нотебургу; все же остальное войско шло левым берегом Невы.

Так как артиллерия не имела достаточно лошадей, то ратные люди везли пушки на себе, подобно тому, как везли они на себе и карбасы с Ладоги.

Не обходилось и здесь без "дубинушки", конечно, там, где нужно было втаскивать орудия на крутизну.

И здесь дело не обходилось без помощи силача Лобаря, который хотя и был возведен в чин капрала, однако все же оставался для простых ратных прежним добрым товарищем.

Частенько слышалось:

- Эй, Терентий Фомич! Будь друг, подсоби.

- Кой ляд! Чево там еще?

- Да "кума" заартачилась, нейдет да и на-поди!

"Кума" - это была одна тяжелая пушка. Ратные люди, чтобы легче запоминать орудия, по-своему окрестили их: одна пушка была "кума", другая - "сваха", третья - "повитуха", четвертая - "просвирня", еще одна "тетка Дарья" и так далее...

- "Тетенька", братцы, уперлась, и ни с места... Зовите Терентия Фомича.

Теперь уже товарищи не называли его Теренькой и Треней, а Терентием Фомичом, а то и просто дядей.

- У "просвирни" колесо в болотине застряло, чтоб ему пусто было.

- Кличь дядю живей!

- Да он с "повитухой" возится.

Между тем шведы, желая помешать русским стать и укрепиться против самого Нотебурга, поспешили возвести шанцы на левом берегу Невы.

Едва карбасы с посаженными на них двумя пятисотенными командами достигли того места на Неве, против которого находились шведские нововозведенные шанцы и откуда уже можно было обстреливать небольшую русскую флотилию, как немедленно последовал орудийный залп.

- Кстись, ребята! - раздался зычный голос пятисотенного начальника.

Все перекрестились.

- Мочи глыбче весла! Мути воду! - пронесся по Неве голос другого пятисотенника.

- Пали во все, и на берег! Бери их голыми руками!

Последовал ответный русский залп.

- На берег! На шанцы!

И почти моментально карбасы очутились у берега, и русские стремительно лезли на шанцы, опережая друг друга.

Такая смелость ошеломила шведов, и они почти не защищались.

Когда все было покончено молодцами-преображенцами, запевала Гурин крикнул:

- Братцы! Выноси!

И он запел:

Ах, на что было огород городить!

Ах, на что было капустку садить!

И преображенцы "вынесли" своего запевалу: они залихватски отмахали забирательную

плясовую песню, которую их потомки, почти столетие спустя, весело пели, когда, под начальством Суворова, брали Варшаву...

Государь вместе с своею свитой, а равно Шереметев и Апраксин наблюдали это молодецкое дело, и Петр сказал:

- Понеже шведы видели уже моих молодцов в деле с сею первою их фортецею, то чаю, не захотят того же испытать на себе и на том берегу, того ради, избегая напрасного пролития крови, пошли ты, Борис Петрович, тотчас же к Шлиппенбаху письмо с предложением, на каких аккордах комендант Нотебурга намерен будет сдать тебе доверенную ему крепость.

- Государь! - сказал Шереметев. - Твое письмо крепче моего на него воздействует.

- Но ты фельдмаршал, а я только бомбардирский капитан, - возразил государь, - того ради тебе надлежит вязать и разрешать.

Письмо было послано. В нем говорилось, что осажденной крепости надеяться не на что и подкрепления ожидать неоткуда, все пути к ней отрезаны.

Посланный скоро воротился с ответным письмом Шлиппенбаха. Глаза царя блеснули зловещим огнем, когда он дочитал ответ коменданта.

- Что пишет он? - спросил Шереметев.

- Просит четыре дня отсрочки, - гневно отвечал Петр.

- Какой прок ему в отсрочке?

- Не смеет-де без разрешения начальства сдать крепость.

- А где его начальство, государь, в Польше или в Швеции?

- В Нарве... Горн.

При воспоминании о Нарве Петр пришел в величайший гнев.

- Так не давай же им передохнуть! - сказал он Шереметеву. - Открой огонь изо всех орудий.

И канонада началась. Огонь был убийственный. Сам государь ходил по батареям, поощрял пушкарей, сам направлял орудия. Уже не раз от русских бомб загоралось в крепости, но шведы продолжали упорно держаться.

Наконец, на третий день русские увидели, что на стене крепости взвилось белое полотнище и, немного спустя, от берега у крепостных ворот отделилась лодка с "барабанщиком"-парламентером.

- Пардону просить, - улыбнулся Шереметев.

- Ну, теперь пардон вздорожал у меня на базаре, - заметил государь. Надо было вовремя аккорды предъявить.

"Барабанщик" предстал "пред царя" и, преклонив колена, подал письмо Петру.

Государь вскрыл пакет, дав знать посланцу из крепости, чтоб он удалился.

Ироническая, довольная улыбка играла на его лице, пока он читал послание из Нотебурга.

- Видно по сему, что шведские жены знатно искусны в древней истории, а нас почитают за

дикарей, - говорил царь, продолжая улыбаться, русские-де варвары, истории и не нюхали.

- Что такое, государь? - спросили и Шереметев, и Апраксин.

- Пишет сие не Шлиппенбах, а его супруга, а купно с нею и все офицерские жены Нотебурга: слезно просят выпустить их из горящего города.

- Жарко, знать, стало, - заметил Меншиков.

- Жарко, точно, - сказал Петр, - из древней истории ведомо, что когда в таком же безвыходном положении, как сей Нотебург, очутился один осажденный город, то женщины оного и просили осаждавших дозволить им выйти из города. Те дозволили. Так ловкие бабы и девки вынесли на своих спинах мужей, братьев и женихов.

Шереметев рассмеялся:

- Ай да бабы! И силища, видно, у них была знатная.

- Так и эти замыслили то же проделать? - спросил Меншиков.

- Именно, Данилыч, и я им сие позволю: я напишу им, что не хочу опечалить их разлучением с супругами, а того ради, покидая город, изволили бы и любезных супружников вывезть купно с собою.

Все невольюно рассмеялись.

- Премудрый Соломон так не придумал бы, ха-ха-ха! - хохотал "Борька".

14

Русские готовили штурмовые лестницы. Стук топоров слышен был, несмотря на пушечную пальбу.

- Смотри-ка, братцы, как сам батюшка-царь топором работает, н-ну!

- Да и Александра Данилыч не промах, ишь как садит топором-то.

...Так разговаривали между собой ратные люди, приготавливая штурмовые лестницы.

Дело в том, что после иронического ответа госпоже Шлиппенбах и офицерским женам Нотебурга крепость продолжала упорно держаться.

В "Поденной записке" государь вечером приписал:

"И с тем, того барабанщика подчивав, отпустил в город; но сей комплимент (ироническое послание) знатно осадным людям показался досаден, потому что, по возвращению барабанщика, тотчас великою стрельбою во весь день на тое батарею из пушек докучали паче иных дней, однако ж урона в людях не учинили".

- ...А мы чаяли, что ихний барабанщик покорность привез, - продолжали разговаривать солдаты.

- Коли бы покорность, не жарили б так, а то зараз учили бухать, как только этот отставной козы барабанщик в ворота шмыгнул...

- И впрямь - отставной козы барабанщик!

- Так для че он приходил, коли не с покорностью?

- Торговаться, стало быть. А как не выторговали ни синь-пороху, ну и осерчали и учили пуще жарить.

- А мне сказывал верный человек, что барабанщика-ту подсылали ихние бабы, чтобы их выпустили без обиды.

- Вон чего захотели, сороки!

- То-то... А батюшка-царь им в ответ: приведите-де к нам с собой муженьков своих...

- Ха-ха-ха! Вот загнул батюшка-царь! Уж и загнул!

Между тем усиленная канонада продолжалась с обеих сторон.

- Ох, застанет нас тут зима, - жаловалась Марте мамушка-боярыня.

- Что ж, мамушка, нам тут холодно и зимой не будет, - утешала ее девушка, - вот в палатках было бы не способно зимой... А как государь построил нам эти горницы, так по мне хоть бы и зимовать.

- Что и говорить, красавица! Тебе-то, молоденькой, все с полгоря, а старым-то костям на Москве спокойнее, - говорила Матрена Савишна, мамушка-боярыня.

Но зимовать под Нотебургом не пришлось.

Упорство осажденных начало выводить из себя государя.

- Не дожидаться же нам тут, как под Нарвой, прихода Карла, - сердился Петр.

- Помилуй, государь, как ему к зиме эку даль тащиться? - говорил Шереметев.

- Морем не далеко, а море не замерзает: надул ветер паруса, и он тут как тут, - продолжал государь.

И он решил скорей достать заколдованный "ключ".

В ночь на 11 октября он сам, в качестве капитан-бомбардира, открыл такую адскую канонаду по крепости, что внутри ее разом вспыхнуло во многих местах, а бреши в крепостных стенах делались все заметнее и заметнее.

- На штурм! - бесповоротно решил Петр. - С Богом!

Работа закипела. Мигом переполненные ратными людьми карбасы с осадными лестницами, словно бесчисленные стаи воронов, обсыпали собою берега у крепости, и люди точно муравьи ползли на стены и в бреши, пробитые в башнях и в куртине, и завязался отчаянный бой.

Шведы геройски отстаивали свою твердыню и жизнь, но и русские жестоко остервенились, мстя за Нарву и за упорное сопротивление.

- Это вам не Ругодев! - хрипел от ярости богатырь Лобарь, прокладывая в бреши для себя и для товарищей улицу по трупам осажденных.

В помощь русским явился пожар, который все жесточе и жесточе пожирал внутренности крепости, и шведы должны были отбиваться разом от двух беспощадных врагов: от огня и от русской ярости. Но потомки варягов не уступали.

Ожесточение с той и с другой стороны все возрастало, и отчаяние придавало невероятную

силу тесным к смерти варягам. Но их оставалось уже немного, и подкрепления не было, а к изнеможенным русским приливали свежие силы еще не вступавших в бой товарищей.

- Это вам не Ругодев! - кричал Терентий Лобарь.

Наконец, шведы попросили пощады.

Шлиппенбах выслал к царю вестника покорности и мира, прося позволения выйти из павшей крепости остаткам гарнизона и женщинам с детьми, дабы укрыться за стенами еще не павшей шведской твердыни Ниеншанца, этого последнего стража Невы - теперь уже для русского царя не "чужой реки"...

Петр великодушно позволил смирившемуся врагу удалиться неуниженным, с воинской честью: взять из крепости, как бы на память, четыре пушки и выйти из стен уже "чужой" ему крепости с распущенными знаменами и с барабанным боем.

Что может быть больнее для сердца воина, как подобное прощание с потерянным, навсегда достоянием родины!..

Радость царя была безмерная:

"Моя, моя Нева! Моя дельта! Мое море!" - колотилось у него в душе.

Но когда его приближенные поздравляли "с знатною викториею", он с улыбкой удовлетворенного желания сказал:

- Жесток зело сей орех был, однако, слава Богу, счастливо разгрызен.

"Орешек" уже не существовал для Петра, он "разгрызен", не существовал и Нотебург: в уме его был только "ключ" в Неву.

- Да будет же с сегодня Орешек - Шлиссельбургом, - торжественно провозгласил он и сам прибил добытый у врага ключ к крепостным воротам.

Вместе с тем царь назначил Меншикова губернатором нового русского города.

Хорошенькая Марта думала, что на радостях ее господин задушит ее в своих объятиях.

- Ах, какой ты сильный, Петрушенька!.. Легче, милый, - шептала она, не задави нашу "шишечку"...

15

Вскоре после взятия Нотебурга и переименования его в Шлиссельбург государь уехал на зиму в Москву.

Прощаясь со своими военачальниками, с фельдмаршалом Шереметевым и графом Апраксиным, царь сказал:

- Продолжайте начатое нами с Божией помощью дело, и Бог дарует нам полную викторию.

Те почтительно поклонились...

- А ты, Данилыч, - обратился Петр к стоявшему тут же шлиссельбургскому губернатору, к Меншикову, - распорядись заготовить в Лодейном поле толикое количество боевых судов, чтобы оными можно бы было запрудить всю Неву! Весною я прибуду сюда - и дельта Невы подклонится под мою пяту. Там я топором своим срублю новую столицу России и прорублю окно в Европу.

- Аминь! Аминь! Аминь! - восклицали царские вожди.

Меншиков же добавил:

- И дальнейшие потомки, государь, назовут тебя... Державным Плотником, а историки скажут: "Петром началась история России!.."

Зиму 1702 - 1703 года государь провел в Москве. Работа шла лихорадочно: радость первой победы у входа в "невские ворота", казалось, удесятирнула его силы...

Павлуша Ягужинский из-за своего рабочего стола украдкой наблюдал за ним и ликовал в душе: он боготворил эту гениальную силу.

Вдруг Павлуша заметил, что лицо царя озарилось счастливой улыбкой и губы его что-то шептали...

"Шишечка", - слышалось Ягужинскому; но что означает эта "шишечка" он даже в застенке на дыбе не выдал бы всеведущему князь-кесарю.

Значение этого слова было известно только самому царю да красавице Марте Скавронской, будущей императрице Екатерине I, Ягужинский же догадывался о роковом д л я к о г о т о (он знал - д л я к о г о) смысле этого таинственного слова.

- Павел, поди сюда, - позвал государь Ягужинского.

Петр стоял в это время у одного стола, на котором лежал большой лист бумаги с чертежом, изображавшим топор.

- Видишь сей чертеж? - спросил государь.

- Вижу, ваше величество, топор.

- Так возьми сей чертеж и закажи по нем сделать топор из лучшей стали.

- Слушаю, государь.

- Знаешь в немецкой слободе мастера Амбурха? - спросил Петр.

- Знаю, государь.

- Так у него закажи.

В эту минуту в кабинет вошел фельдмаршал Шереметев, наблюдавший в Москве за сбором и снаряжением войска к предстоящему весеннему походу.

- Вот топор себе заказываю, - сказал Петр вошедшему с глубоким поклоном Шереметеву.

- Мало у тебя топоров, государь, - улыбнулся фельдмаршал, указывая глазами на столярные и плотничные инструменты царя.

- Это, Борис Петрович, особь статья, - улыбнулся Петр, - сей топор будет всем "топорам топор".

- Какой же это такой, государь, "топорный царь"? - улыбался и Шереметев.

- Этим топором я Москве голову усеку, - продолжал загадочно Петр.

- За что такая немилость, государь? - спросил Шереметев.

- А за то, что она, как крот, в старину зарывается и от света закрывается... Сим топором я срублю для России новую столицу.

Глаза Петра вспыхнули вдохновением.

- Помоги, Господи! - поклонился боярин. - В каком же месте, государь, умыслил ты новую Москву строить?

- Не Москву, боярин, Москва Москвой и останется... А я при устье Невы срублю мою столицу. И я срублю ее сим топором, да и оконце в Европу прорублю.

- Дай, Господи! Иначе устье Невы надо еще добыть.

- И добудем... Сколько ты успел собрать рати?

- Всего, государь, у меня рати тысяч двадцать: семеновцы с преображенцами, да два полка драгун, да пехоты двадцать батальонов.

- Сего за глаза достаточно... Как только грачи да жаворонки прилетят, так и выступай в поход.

- Слушаю, государь.

- А потом и я за тобой не умедлю.

С последними словами Петр задумался. Шереметев почтительно ждал.

- Да вот что, Борис Петрович, - очнувшись от задумчивости, сказал Петр, - возьми с собою в поход и царевича... Пора Алексею привыкать к воинскому делу... Зачисли его в Преображенский... у преображенцев есть чему поучиться.

- Слушаю, государь, - поклонился Шереметев.

Петр опять задумался, вспомнив о царевиче.

"И в кого он уродился? - невольно думалось ему. - Точно кукушка в чужое гнездо его подбросила... Точно не моего он семени... Не по его голове будет шапка Мономахова, не по Сеньке шапка... Кабы "шишечка"..."

И лицо его опять просветлело.

Ягужинский стоял в нерешительности с чертежом в руках.

- Ты что, Павел? - спросил царь.

- Из какого дерева, государь, повелишь топорище к топору пригнать? спросил Павлуша. - Из дуба али из ясени?

- Пальмовое... да из самой крепкой пальмы, - был ответ.

- И такой величины топор, государь, как здесь, на чертеже?

- Такой именно.

Шереметев взглянул на чертеж, и его поразили размеры топора.

- Воистину, государь, этот топор всем топорам царь, - сказал он, - ни одному плотнику с ним не справиться.

- Так и должно быть, - торжественно сказал Петр, - слышал мои слова? Сим топором я срублю новую столицу для России и прорублю окно в Европу!

16

Петру, однако, не сиделось в Москве: вся душа его была там, где Нева вливала свои могучие струи в море.

Он прибыл в Шлиссельбург в апреле, обогнав на пути Шереметева с войском.

- Торопись, Борис Петрович, - сказал он последнему, - грачи не токмо что давно прилетели, но уж и в гнезда засели.

- Добро им, государь, с крыльями, - почтительно возразил Шереметев. Одначе к вскрытию Невы я беспрерменно буду к Шлиссельбургу.

- А что царевич? - спросил Петр.

- Помаленьку навывает, государь.

"Не навикнет, - подумал Петр. - То ли я был в его годы?.."

Царь, наконец, в Шлиссельбурге.

Он осматривает крепостные работы, производившиеся под наблюдением Виниуса, того самого, что отливал пушки из колоколов новгородских церквей.

Петр гневен. Ягужинский, неотступно следовавший за ним с портфелем и письменными принадлежностями, с ужасом видел, что страшная дубинка царя поднялась над неприкрытою, седою головою старого Виниуса... Вот-вот убьет старика... Они стоят на крепостной стене, обращенной к Неве.

- Тебя бы стоило сбросить сюда со стены, как негодную ветошь! раздался грозный голос царя.

- Смилуйся, великий государь, помилуй! - трепетно говорит Виниус.

- Где боевые припасы?

- Непомедля придут, государь... за распутицей опоздали...

- А лекарства для войска?

- По вестям, государь, недалече уж.

- Со шведской стороны слаба защита крепости! - гремит гневный голос.

Несмотря на адский стук и лязг нескольких тысяч топоров, на визг множества пил, ужасающий скрип тачек, которыми подвозили к крепости десятки тысяч солдат и согнанных на работы со всего северо-восточного угла России крестьян, страшный голос гневного царя гремел, как труба страшного, последнего суда.

- Разносит... разносит! - с испугом шептали работавшие на крепости, и еще громче потрясали воздух стук и лязг топоров, визг пил и скрип тачек.

- Кого разносит?

- Старого Виниуса.

- О, Господи! Спаси и помилуй.

Вдруг отчетливо выдвинулся из всего шума звонкий, юношеский голос.

- Упали в воду!.. Тонут!.. Спасите! - в ужасе кричал Ягужинский.

Все на мгновение смолкло.

- Кто упал? - прогремел голос царя. - Павел зря кричать не станет... Кто тонет?

- Кенигсек, государь, да лекарь Петелин... Вон с тех досок упали в канал... Вон видно руки... борются со смертью...

- Живей лодок! Багров! Тащите сети!

Это уже распорядился царь. Куда и гнев девался! Его заступило царственное человеколюбие - человеколюбие, которое через двадцать с небольшим лет и унесло из мира великую душу величайшего из государей... Известно, что в конце октября 1724 года Петр, плывя на баркасе к Систербеку для осмотра сестрорецкого литейного завода, увидел недалеко от Лахты севшее на мель судно, которое плыло из Кронштадта с солдатами и матросами, и тотчас же бросился спасать людей, потому что судно, потрясаемое волнами, видимо погибало. Великодушный государь, добрый гений и слава России, сам бросился по пояс в воду, в ледяную воду конца октября! Всю ночь работал в этой воде, спасая людей, которых не успело унести бушевавшее море, и хотя успел спасти жизнь двадцати своим подданным, но сам схватил смертельную простуду и через несколько месяцев отдал Богу свою великую душу...

Это ли не величие!

И теперь здесь, в Шлиссельбурге, забыв Виниуса, свой гнев, нашествие шведов и все на свете, Петр, стремительно сбегав с крепостной стены, так что за ним не поспевали ни Меншиков, ни Ягужинский, моментально вскочил в первую попавшуюся лодку и, чуть не опрокинув ее, начал работать багром, страшно бурля воду в канале.

- Не тут... спускай лодку ниже... их унесло водой, - торопливо командовал он матросам.

И опять багор пенит воду в канале.

- Нет... еще ниже двигай...

Багор не выходил из воды.

- Данилыч! Вели закидать сети ниже, на перехват утопшим...

- Сам закидаю, государь... Помоги, Господи!

Багор что-то нащупал.

- Стой! Ошвартуйте лодку веслами... Здесь!..

И багор, поднимаясь из воды, поднимал на ее поверхность что-то вроде мешка...

То была спина утопленника... Скоро показались болтавшиеся, как плети, руки и ноги... повисшая долу голова... мокрые черные волосы, с которых струилась вода...

- Кенигсек! Благодарение Богу... может, отойдет.

И царь снял шляпу и перекрестился.

- Ищите других!.. Они тут, должно быть, недалече.

Из толпы солдат и рабочих, стеною стоявших вдоль канала, слышались возгласы:

- Не клади на землю утопшего, государь! Не клади!

- Качать ево! Качать!

- Сымай кто зипун! На зипун ево! Живо, братцы!

На берег из лодки полетел кафтан.

- Сам царь-батюшка не пожалел своей государевой одежды, - слышалось на берегу.

- Пошли ему, Господи, Царица Небесная!

Государь бережно поднимает утопленника, как малого ребенка, тревожно смотрит в его бледное лицо, посиневшее, еще за несколько минут такое прекрасное лицо и так же бережно передает несчастного на руки подоспевшим с Меншиковым матросам.

Утопленника кладут на растянутый царский плащ.

- Качайте... качайте, дабы изверглась из него вода... А ты, Данилыч, обыщи его карманы... нет ли важных государственных бумаг.

Меншиков вынимает из карманов утопленника несколько пакетов, отчасти подмоченных.

- Отдай их Павлу... пускай отнесет в мою ставку и запечатает моей малой печатью... на досуге я сам разберу.

Меншиков отдал пакеты Ягужинскому.

- Нащупали! - крикнули с другой лодки, что была пониже.

- Подавай на берег! Да легче!

- Вот бредень, братцы, на бредне способнее качать!

- А другого на рогожу клади, рогожа чистая.

И началось усиленное качание трех мертвых тел.

Царь стоит около Кенигсека и не спускает глаз с его посиневшего лица, перекатывающегося с правой щеки на левую и - наоборот...

"Не изрыгается вода, не изрыгается... вот печаль! Какого нужного человека лишаюсь! Новый бы Лефорт был".

Царь подходит к покачивающемуся утопленнику и осторожно дотрагивается до его высокого, мраморной белизны лба.

- Холоден, как лед...

- Вода студена, государь, - тихо говорит Меншиков.

- От ледяной воды, поди, сердце замерло, не выдержало.

- Знамо, государь, и не от такой воды дух захватывает, а тут долго ли?

Петр, Меншиков и два матроса сменяют прежде качавших.

- Тряси дружней, вот так: раз-два, раз-два...

Жалкое, безжизненное, беспомощное тело!..

- Наддай еще! Тряси!..

- Эх, государь, кабы в нем была душа, давно бы вытряхнули, - тихо говорит Меншиков.

- Так думаешь, нет уже ее в нем?

- Думаю, государь; она ведь из воды умчалась в ту страну, где ей быть predetermined, може, в рай светлый, може, во тьму кромешную.

Между тем Ягужинский, придя в царскую палатку (государь не хотел жить в крепости, в доме, а предпочитая свежий воздух открытого места, велел разбить себе палатку вне крепостных стен), чтоб запечатать вынутые из карманов утопшего Кенигсека бумаги в отдельный пакет, положил их на стол и при этом нечаянно выронил из одного конверта что-то такое, от чего он со страхом отшатнулся...

- Что это? - шептал он побледневшими от страха губами. - Она сама?.. У него?..

Он дрожащими руками взял конверт, из которого выпало это что-то страшное, и вынул оттуда розовые листки, которые привели его в еще больший ужас...

"Ее почерк... Господи!"

Листки выпали из его дрожащих рук.

"Сжечь все это... уничтожить..."

Он торопливо зажег свечу.

"Сожгу... жалеючи государя, сожгу... А того не жаль, его уже не откачать... И ее не жаль".

...Листки и то страшное - у самого пламени свечи.

"Нет, не смею жечь... Пусть будет воля Бога... А я от своего государя ничего не скрывал и этого не скрою. Пусть сам рассудит".

И Ягужинский взял со стола отдельный поместительный конверт, вложил в него бумаги Кенигсека и то... страшное с розовыми листками... и все это запечатал малой царской печатью.

17

Уже поздно ночью в сопровождении только Ягужинского возвратился царь из крепости в свою ставку.

- Какой пароль на ночь? - спросил он вытянувшегося перед ним у входа в палатку богатыря преображенца.

- "Март", государь, - шепнул преображенец.

- Не "Март", а "Марта", - поправил его царь.

Войдя в палатку и поставив в угол дубинку, он спросил Ягужинского:

- Где бумаги Кенигсека, которые я велел тебе запечатать? И не ждал, не гадал, и вотстряслось горе. Какого человека потеряли! Эх, Кенигсек, Кенигсек!

Ягужинский побледнел. Царь заметил это.

- Что с тобой, Павел? - спросил он. - Ты нездоров?

- Нет, государь, я здоров, - с трудом произнес Павлуша.

- Простудился, может?

- Нету, государь.

- Но ты дрожишь. Может, я тебя замаял, утомил?

- Нету, государь, с тобой я никогда не утомляюсь.

- Не говори. Вон и Данилыч к ночи еле ноги таскал, а он не чета тебе, цыпленку. Так где бумаги Кенигсека?

- Вот, государь, - подал Павлуша страшный пакет.

- А, хорошо. А теперь ступай спать, отдохни... Завтра рано разбужу... Похороним Кенигсека и Лейма с Петелиным, да и за работу... Экое горе с этим Кенигсеком!.. Ну, ступай, Павлуша, ты на ногах не стоишь.

Павлуша, взглянув на страшный пакет, медленно удалился в свое отделение палатки, откуда слышен был малейший шорох из царского отделения.

И вот слышит Павлуша: царь потянулся и громко зевнул.

"Спать хочет, видимо, хочет, а не уснуть ни за что, не просмотревши бумаг, что в проклятом пакете", - мысленно рассуждает с собой Павлуша.

Слышит, звякнула чарка о графин.

"Сейчас будет пить анисовку... Пьет... Вторая чарка"...

Слышится снова зевок...

"Ох, не уснет, не уснет".

Вдруг Павлуша слышит: хрустнула сургучная печать. Сердце его так и заходило...

Зашуршала бумага...

- Ба! Аннушка! - слышит Павлуша. - Анна! Как она сюда попала к Кенигсеку? Стащил разве? Да я у нее не видел этого портрета...

Голос царя какой-то странный, не его голос.

Ягужинского бьет лихорадка.

- А! Розовые листочки... Ее рука, ее почерк...

"Господи! Спаси и помилуй... Увидел... читает..."

- А! "Mein Lieber... mein Geliebter!"*

Голос задыхается... Слова с трудом вырываются из горла, которое, казалось, как будто кто сдавил рукой...

- Га!.. "deine Liebhaberin... deine Sclavin..."** Мне так не писала... шлюха!..

---

* Мой дорогой... мой возлюбленный! (нем.)

** твоя любовница... твоя раба! (нем.)

Что-то треснуло, грохнуло...

- На плаху!.. Мало - на кол!.. На железную спицу!..

Опять звякает графин о чарку...

Снова тихо. Снова шуршит бумага...

- Так... Не любила, говоришь, е в о... это меня-то... тебя-де люблю первого... "deine getreueste Анна..."*. И мне писала "верная до гроба". Скоро будет гроб... скоро...

---

* твоя вернейшая Анна... (нем.).

Чарка снова звякает...

"Опять анисовка... которая чарка!.."

- А! Улизнул, голубчик! В воду улизнул... не испробовал ни дубинки, ни кнута... А я еще жалел тебя... Добро!..

Слышно Павлуше, что тот встал и зашагал по палатке...

"Лев в клетке, а растерзать некого... жертва далеко..."

Что-то опять треснуло, грохнуло...

"Ломают что-то с сердец..."

- Так не любила?.. Добро! Змея... хуже змеи... Ящерица... слизняк...

Он заглянул в отделение Ягужинского. Павлуша притворился спящим и даже стал похрапывать.

- Спит... умаялся.

Воротившись к себе, государь снова зашагал по палате...

- Видно, давно снюхались. Немка к немцу... чего лучше!.. То-то ему из саксонской службы захотелось в русскую, ко мне, чтобы быть ближе к ней... Улизнул, улизнул, голубчик... Счастлив твой Бог... А эта, Анка, не улизнет... нет!

Опять зашуршали бумаги...

"Читает... Что-то дальше будет?" - прислушивается Ягужинский.

Долго шуршала бумага... не раз снова звякал графин о чарку... И хмель его не берет,

особенно когда гневен...

- Черт с ней, этой немкой!.. У меня Марта, Марфуша... Эта невинною девочкой полюбила меня. И будет у нас "шишечка".

Голос заметно смягчился...

- Только бы добыть Ниеншанц да дельту Невы... Добуду!.. Не дам опомниться шведам... А там срублю свою столицу у моря... Вот тем топором... Я давно плотник... Недаром и Данилыч назвал меня "Державным Плотником"... Данилыч угадывает мои мысли... И прорублю-таки окошко в Европу... А там прощай, Москва... Ты мне немало насолила... В Москве и убить меня хотели, и отнять у меня престол... Москва и в антихристы меня произвела... Экое стоячее, гнилое болото!.. Теперь эта подлая Анка рога мне наставила, и все из-за Москвы... Нет! Долой старое, заплесневелое вино... У меня будет новое вино, и я волью его в новые мехи...

Петр имел обыкновение говорить сам с собою, особенно по ночам, когда и заботы государственные волновали его, когда новые планы зарождались в его творческой, гениальной голове. Ягужинский это знал и, находясь при царе неотлучно, ранее других подслушивал тайны великого преобразователя России.

- Ну, и черт с ней! Не стоит она ни плахи, ни кола... Все же была близка по плоти... В монастырь бы следовало заточить, да нельзя, неправославная... А то бы вместе с моею Авдотьей пожила там... Постриг бы ее в Акулины... Вот тебе и Анета, Анхен, Акулина!

"Опять вспомнил об Анне Монс... Только уж сердце, кажется, отходит", - думает Павлуша, продолжая прислушиваться.

- Черт с ней... А за обман накажу... Запру у отца и в кирку не позволю пускать... Пусть знает, как царей обманывать... Уж Марта не обманет, чистая душенька...

Он немного помолчал и потом вновь начал ходить по палатке, но уже не такими бурными шагами.

"Отходит сердце, слава Богу, отходит", - думал про себя Ягужинский.

Петр опять заговорил сам с собою:

- А напрасно я ноне накричал на старика и чуть с раскату не сбросил... Ну, да старый Виниус знает меня, мое сердце отходчиво. К вечеру и артиллерийские снаряды прибыли и лекарства для войска. Теперь же, не мешкая, и двинемся к шведскому Иерихону, к обетованной земле... Нечего мешкать... Время-то летит, его не остановишь, а дела по горло. Для меня всегда день короток... Иной раз так бы и остановил солнце, чтобы подождало, не двигалось... Токмо мне не дано силы Иисуса Навина, а то и остановил бы солнце.

Он ходил все тише и тише. Потом Ягужинский видел из своего отделения, как гигантская тень царя, заслонив собою верх палатки, спустилась вниз.

Павлуша догадался, что царь сел к письменному столу.

- Ин написать на Москву, чтоб поторопились... Понеже... ("Понеже его любимое слово... Значит, будет писать приказы", - решил Ягужинский и моментально заснул молодым здоровым сном.)

Рано утром, когда он проснулся, то увидел, что в отделении у царя уже было освещено.

- Понеже, - доносилось из царского отделения и слышался скрип пера.

"Опять пишет... Да полно, не всю ли ночь не спал?" - недоумевал Павлуша, входя в отделение, где за письменным столом сидел государь.

- А, Павел, - заметил он вошедшего Ягужинского. - Выспался ли в досталь, отдохнул?

- А как государь изволил почивать? - поклонился Ягужинский.

- Малость уснул, с меня довольно, - отвечал царь.

Потом, взглянув в лицо Ягужинского, Петр спросил:

- Вечор, когда ты запечатывал бумаги Кенигсека, видел, что печатаешь?

Павлуша смутился, но тотчас же оправился и откровенно сказал:

- Ненароком, государь, - выскользнули из пакета...

- А читал?

- Ненароком же, государь, увидел и, не читая, тотчас же запечатал.

- Будь же нем, как рыба.

- Знаю, государь, свой долг и крепко держу крестное целование.

- Ладно... Поди скажи Меншикову, чтобы не ждали меня и сейчас похоронили бы утопших... Мне недосуг, спешка в работе.

Он не мог бы теперь вынести вида своего врага, даже мертвого.

И опять перо закрипело по бумаге.

18

В тот же день русское войско под начальством Шереметева двинулось вниз по Неве к Ниешанцу.

24 апреля, в расстоянии пятнадцати верст от этой крепости, Шереметев созвал военный совет, на котором присутствовал и царевич Алексей Петрович.

Решено было сделать рекогносцировку.

- Кого, государь, повелишь употребить в сию разведочную кампанию? спросил Шереметев.

- Ты главнокомандующий, Борис Петрович, и тебе подобает указать, кого употребить на сие дело, - отвечал Петр. - Я только капитан бомбардирской роты.

- Я полагал бы, государь, послать полковника Нейдгарта, - сказал Шереметев.

- Полковника Нейдгарта я знаю с хорошей стороны, - заметил Петр. - В разведочной службе показал себя и капитан Глебовский.

- Я сам о нем думал, государь, - согласился Шереметев.

- Так пошли их с двухтысячным отрядом на больших лодках, кои уже имели дело со шведами на Ладогe, - решил государь.

Потом, обращаясь к царевичу, который, по-видимому, рассеянно слушал, о чем говорили, сказал с иронией в голосе:

- Ты тоже, Алексей, пойдешь с сим отрядом: тебе пора учиться быть воином, а не пономарем, каковым ты был доселе.

Иногда государь называл царевича "раскольничьим начетчиком", зная его пристрастие к старине и к старопечатным книгам, которые тайно подсовывали московские враги петровских "богопротивных новшеств".

В тот же день отряд был посажен на лодки и двинулся вниз по Неве.

В число охотников вызвался и Терентий Лобарь, которого товарищи прежде дразнили женитьбой и прочили ему в жены... Марту!

В глубочайшей тишине спускалась по Неве разведочная флотилия. Она представляла как бы огромную стаю плывущих по реке черных бакланов. И кругом стояла мертвая тишина. По обоим берегам реки темнели сплошные леса, среди которых только березы начали чуть-чуть зеленеть первою листвою, а темная зелень сосен и елей придавала ландшафту вид какой-то суровости. Изредка раздавались первые весенние щелбета птичек, прилетевших в этот пустынный край с далекого юга, от теплых морей.

Время подходило уже к полуночи, когда флотилия находилась уже недалеко от Ниеншанца, однако ингерманландская белесоватая ночь в конце апреля глядела на растянувшуюся стаю черных бакланов во все глаза.

- Экие здешние ночи: ни она ночь заправская, ни она тебе день, говорил Нейдгарт, подходя к царевичу Алексею Петровичу, сидевшему в передовой части лодки и безучастно глядевшему на однообразные картины Невы, - как тут укроешься от вражьего ока, коли дозор в исправности!

- А шведы ожидают нас? - спросил царевич.

- Как не ожидать, государь-царевич! Чать, вести и сорока на хвостах принесли, что-де его царское пресветлое величество жалует к соседям в гости.

- Что ж, нас встретят боем?

- Знамо, коли они нас ранее дозорят, а не мы их: затем-то мы и крадемся, ровно мыши к амбару.

Царевич вздохнул и стал вглядываться в дымчато-белесоватую даль.

- Теперь бы уж и недалече, - сказал Нейдгарт, взглянув на имевшийся у него набросок чертежа Невы. - Да и темнеет как будто малость. Это нам на руку.

И он велел тихонько передавать от лодки к лодке приказ, чтобы вся флотилия вытянулась в линию и двигалась у самого правого берега Невы.

- Только бы правые весла не хватали земли, - пояснил он.

Но вот вдали показались чуть заметные признаки укреплений.

Передовая лодка тихо подплыла к наружному валу, а за нею и другие. Из тех, которые ранее пристали к берегу, в глубочайшей тишине высаживались люди, шепотом передавая друг другу приказание Нейдгарта и Глебовского.

- Сомкнуться лавой и наверх вала!

- А там увидим, кого бить.

Передовая "лава" быстро влетела на вал. Шведы, не ожидавшие врага, беспечно спали на передовом посту. "Дядя Терентий", вступивший на вал в голове "передовой лавы", первый наткнулся на спавшего "на часах" шведа...

- На бастион! За мной! - скомандовал Нейдгарт.

- Где царевич? Я его не вижу! - с тревогой искал Глебовский Алексея Петровича.

- Царевич позади, на валу: он в безопасности, - успокоил Глебовского один офицер, - с ним люди.

Гарнизон бастиона, пораженный неожиданностью, также растерялся и, побросав оружие, обратился в бегство, чтоб укрыться в ближайшем редуте.

Бастион был взят.

- Спасибо, молодцы! - радостно воскликнул Нейдгарт. - Оправдали надежду на вас батюшки-царя.

Вся крепость теперь забилась тревогой.

Что оставалось делать горстке героев?

- Нам приказано только произвести разведку, сиречь рекогносцировку, отвечал Нейдгарт на вопросительные взгляды Глебовского. - А мы взяли бастион.

- Так возьмем и крепость! - смело воскликнул Глебовский.

- Возьмем! - крикнули преображенцы.

- Голыми руками возьмем.

- Головой "дяди Терентия Фомича" добудем, как сказал батюшка-царь.

- Нет, братцы, спасибо вам за усердие, а только батюшка-царь послал нас сюда лишь для разведки, а не крепость брать, - сказал Нейдгарт. - Ее возьмет сам государь.

По этому поводу историк говорит весьма основательно:

"После такого успеха (взятие бастиона), не много б, казалось, недоставало к занятию остальных укреплений, обороняемых только 800-ми человек; но - неоказание содействия войскам, ворвавшимся в бастион, сомнительная надежда на успех и неимение приказаний на дальнейшие предприятия, кроме рекогносцировки, были причинами, что атакующие, не воспользовавшись приобретенными уже выгодами, отступили. Шведы, имев время прийти в себя от первого изумления и увидев удаление россиян, ободрившись, взяли меры предосторожности на случай нового нападения и, приготовившись, таким образом, к отпору, заставили своих неприятелей потерять неделю времени"*.

---

* А л е к с а н д р Б а ш у ц к и й. Панорама Санктпетербурга.

Три тома. Спб., 1834. Т. I, стр. 9.

Таким образом, победители отступили.

Когда затем разведочная флотилия возвратилась в лагерь к остальным войскам и царь узнал подробности дела, он щедро наградил храбрецов, а "дядю Терентия" горячо обнял и

поцеловал.

- И чем же, государь, сей "Сампсон" победил шведов... - сказал, улыбаясь, Шереметев.

- А чем? - спросил царь.

- Головою, да только не своею.

- Как так, не своею?..

- Шведскою, государь, - улыбнулся Шереметев. - Ворвавшись с товарищами на вал, сгреб сонного шведина за ноги и давай его головою, словно цепом, колотить направо и налево, как когда-то Илья Муромец молотил татаровой царя Калина:

"Где махнет - там улица татаровой,

А отмахнется - с переулками"...

- Так их же добром да им же и челом! - рассмеялся Петр. - Ну, и молодец же ты, вижу, дядя!

Восхищенный такою силой, государь жаловал богатырю пять ефимков.

19

В тот же день, в ночь на 26 апреля, царь Петр Алексеевич и Шереметев, поняв свою оплошность, быстро двинули все войска и флотилию к Ниеншанцу.

Перед наступлением войск у царя, наедине с Шереметевым, в палатке, произошел следующий разговор:

- Знаешь, старый Борька, что я тебе скажу? - промолвил царь.

- Говори, государь, приказывай, - отвечал Шереметев.

- Видишь, что там в углу?

- Вижу, государь, твоя государева дубинка.

- А знаешь, где бы ей следовало быть?

- Не ведаю, государь.

- На моей да на твоей спине.

Шереметев смутился.

- Твоя воля, государь: коли я провинился, вот моя спина, бей.

- А ты меня будешь бить?

- Помилуй, государь! На помазанника Божия поднять руку, рука отсохнет.

- То-то, Борис... И моя рука не поднимется бить тебя... Невдомек тебе за что?

- Мекаю, государь... Моя провинка...

- И моя... Коли б за разведчиками мы все двинулись тогда же, крепость была бы уже наша.

- Точно, государь... Маленько проворонили.

- Ну, грех пополам: ни я тебя не бью, ни ты меня... Помазанник не может творить неправду.

Утром 26 апреля русские были уже под Ниеншанцем и наскоро разбили лагерь.

Место было открытое, и шведы, опомнившись после ночного переполоха и потери бастиона, снова перешедшего в их руки, и приготовившись к отпору, тотчас же начали палить по русскому лагерю. Но снаряды не долетали до своего назначения.

- Не доплюнуть до нас, - заметил Шереметев.

- Да и наши чугунные плевки не долетят до них, - сказал Петр. - Надо послать главного крота с кротятами.

- Это генерала Ламберта, государь?

- Его. Пусть возведут траншею саженьях в тридцати от крепости и строят батареи для мортир и пушек, что прибыли из Шлиссельбурга на судах, построенных за зиму Александром Данилычем.

Осадные работы начались...

А на другой день государь решил с достаточным отрядом отправиться на рекогносцировку к самому устью Невы, к выходу ее в море. Иначе могло так случиться, что, пока шли осадные работы, шведы явятся на своих кораблях к осажденной крепости, что они и делали каждую весну, и тогда русские очутились бы между молотом и наковальней.

- Помилуй, государь, - взмолился Шереметев, - тебе ли нести святопомазанную главу под выстрелы береговых укреплений?

- Если Бог судил мне вывести Россию из тьмы на свет Божий, меня не тронут вражеские ядра, - твердо решил Петр.

- Воля твоя, государь, - покорился Шереметев.

- Возьми и меня с собою, государь, - робко сказал Ягужинский.

- Ладно... Ты мне не помешаешь, Павлуша, - согласился царь. - При том же твои глаза рассмотрят в море все лучше и скорее подзорной трубы.

Вечером 28 апреля государь посадил четыре роты Преображенского и три Семеновского полков на шестьдесят лодок и под самым убийственным огнем шведских береговых батарей пустился со своею флотилией вниз по Большой Неве.

"Прикрытые лесом берега, мимо которых плыла флотилия, - говорит автор "Панорамы Петербурга", - представляли любопытным взорам царя мрачную картину дикой и сиротствующей природы, коей самые живописные виды не пленяют взора, если он не встречает в них присутствия людей, оживляющего и пустыни. Не одни берега, но и все пространство, занимаемое ныне Петербургом и его красивыми окрестностями, были усеяны лесом и топким болотом; только местами, и то весьма редко, виднелись бедные, большею частью покинутые, деревушки, состоявшие из полуразвалившихся хижин, где жили туземные поселяне, промышлявшие рыбною ловлею или лоцманством, для прохода судов, приходивших с моря в Неву".

Таковы были тогда те места, на которых раскинулась теперь шумная, с миллионным населением, с храмами и дворцами, окутанная паутиной телеграфных и телефонных проволок, горящая электрическим светом столица Петровой России.

"Уверив пустынных жителей сего лесистого края в неприкосновенности их лиц и имущества, снабдив их охранными листами и не видя на взморье ни одного неприятельского судна, - продолжает Башуцкий, - Петр возвратился на другой день в лагерь, оставя на острове Витц-Сари, или Прутовом, ныне Гутуевском, три гвардейские роты, для охранения невских устьй"*.

---

* Панорама Петербурга. Т. I, стр. 10 - 11.

- Я вижу, что Нарва дала нам хороший урок, - сказал царь, осмотрев осадные приготовления.
- Вижу, Борис Петрович, что ты не забыл сего урока, вижу...

- В чем, государь? - спросил Шереметев.

- В том, что твой крот и кротыта взрыли здесь землю не как под Нарвой, сии кротовые норы зело аванажны.

- Я рад, государь, за Ламберта, - поклонился Шереметев, - это дело его рук.

- Теперь сие осиное гнездо, - Петр указал на укрепления Ниеншанца, долго не продержится, а сикурсу ожидать осам неоткуда: устье Невы я запечатал моею государскою печатью.

Уверенные в неизбежном падении последнего шведского оплота на Неве, царь и Шереметев решили: избегая напрасного пролития крови, предложить коменданту Ниеншанца, полковнику Опалеву, сдаться на честных условиях, не унижительных для шведского оружия.

Осажденные, не зная, что они отрезаны от всего света, продолжали пальбу по русским траншеям.

- Они даром тратят н а ш порох и н а ш и снаряды, - улыбнулся царь, напирая на слова "наш" и "наши".

- Да мы, государь, нашего пороху и наших снарядов еще нисколечко не истратили, - отозвался Шереметев.

- Тугенек ты мозгами, Борис, - покачал головою государь, - не сегодня-завтра осиное гнездо будет наше, а в оном и все наше: и порох, и снаряды, и пушки... Обмозговал теперь мои слова?

- Да, государь, - улыбнулся и Шереметев, - теперь и моим старым мозгам стало вдомек.

- Так посылай скорей трубача с увещанием сдачи на аккорд.

Послали трубача.

Едва он подошел ко рву, отделявшему крепость от сферы осады, и затрубил, махая белым флагом, как канонада из крепости скоро умолкла и через ров был перекинут мост.

Скоро трубач скрылся за массивными воротами цитадели.

Нетерпеливо ждет государь возврата трубача. Ждет час, ждет два. Трубач точно в воду канул.

- Что они там? - волновался государь. - Писать, что ли, не умеют?

- Видят, государь, смерть неминуемую, да не одну, а две, и не знают, государь, котору из двух избрать, - сказал Шереметев.

- Какие две смерти? - спросил Петр, гневно поглядывая на наглухо закрытые ворота цитадели, откуда, как из могилы, не доносилось ни звука.

- Как же, государь: коли ежели они сдадутся на наши аккорды и отворят крепость, то их ждет позорная гражданская смерть, может быть, на плахе. Ежели же они не примут наших аккордов, то отдадут себя на наш расстрел.

- Последнее, чаю, ближе, - согласился Петр.

- Видимо, государь, смерть неминуемая; а кому ж не хочется оттянуть смертный час?

- Но мне опостылело оттягивать приговор рока, - решительно сказал государь. - Если они к шести часам не ответят согласием на наши аккорды, то я прикажу громить крепость без всякой пощады, камня на камне не оставлю.

То же нетерпение испытывали и пушкари, и "крот с кротятами".

- Что ж мы, братцы, даром рылись под землей словно каторжники!

- Не каторжники, а "кроты": так батюшка-царь назвал нас, - говорили саперы.

Больше всего злились пушкари.

- Кажись, фитили сами просятся к затравкам.

- Да, брат, руки чешутся, а не моги.

- Да и денек выдался на славу.

День был ясный, тихий. Над крепостью кружились голуби, не предчувствуя, что скоро их гнезда с птенцами будет пожирать пламя от огненных шаров. Большие белые чайки, залетевшие в Неву с моря, носились над водой, оглашая воздух криком.

- А царевича не видать что-то, - заметил один из пушкарей.

- Да он у себя книжку читает.

- Поди, божественную?

- Да, царевич, сказывают, шибко охоч до божественного... В дедушку, знать, в "тишайшего" царя.

- "Тишайший"-то шибко кречетов любил. Я видел его на охоте, загляденье.

- Ну, нашему батюшке-царю, Петру Алексеевичу, не до кречетов: у него охота почище соколиной.

Но пушкарям не пришлось долее беседовать о соколиной охоте.

В шесть часов терпение государя истощилось...

20

Началась канонада.

Разом грянули двадцать двадцатичетырехдюймовых орудий и двенадцать мортир. Казалось, испуганная земля дрогнула от неожиданного грома, вырвавшегося и упавшего на землю не из облаков, а из недр этой самой земли.

Из крепости отвечали тем же, и, казалось, этот ответ был грознее и внушительнее того запроса, который был предъявлен к крепости: на двадцать орудий осаждавших из крепости почти восемьдесят орудий отвечали ответным огнем.

- Да у них, проклятых, вчетверо больше медных глоток, чем у нас, говорили преображенцы, лихорадочно наблюдая за действиями артиллерии с той и другой стороны.

- Охрипнут... Вон уж к ним от нас залетел "красный петух".

Действительно, "красный петух" уже пел в крепости: там в разных местах вспыхнул пожар. Палевое ингерманландское небо окрасилось багровым заревом горевших зданий крепости, а беловатые и местами черные клубы дыма придавали величавой картине что-то зловещее. Страшным заревом окрасились и ближайшие сосновые боры, и черная флотилия осаждавших, запрудившая всю Неву, в которой отражались и багровое зарево пожара, и подвижные клубы дыма.

Всю ночь на 1 мая гром грохотал без перерыва.

Гигантский силуэт царя видели то в одном, то в другом месте, и в это мгновение огненные шары, казалось, еще с более сердитым шипением и свистом неслись в обреченную на гибель крепость.

Как тень следовал за ним Павлуша Ягужинский. Но если бы государь обратил внимание на своего любимца, то заметил бы на лице юноши какое-то смущение. Да, в душе юноши шла борьба долга и чувства. В этот роковой для России момент, когда перед глазами Ягужинского развертывались картины ада, юноша думал не о России, не о победе, даже не о своем божестве, которое олицетворялось для него в особе царя, он думал... о Мотреньке Кочубей, о том роскошном саде, где она рассказывала думу о трех братьях, бежавших из Азова, из тяжелой турецкой неволи... Чистый, прелестный образ девушки, почти еще девочки, носился перед ним в зареве пожара, в клубах дыма, в огненных шарах, летавших в крепость... Он вспомнил, как Мотренька, досказывая ему в саду конец думы о том, как брошенного в степи младшего брата, умершего от безводья, терзали волки, разнося по тернам да балкам обглоданные кости несчастного, как Мотренька вдруг зарыдала... А тут явился, точно подкрался, Мазепа и разрушил все видение...

- Чу! Никак, отбой! - послышалось Павлуше.

- Отбой и есть: они замолчали.

Действительно, орудия в крепости, по сигналу, моментально смолкли.

Государь весело глянул на Шереметева и перекрестился.

Перекрестился и Шереметев.

- Говорил я... Сколько, поди, казенного добра перевели!

- Моего добра! - сказал царь.

В это время ворота цитадели отворились и на опущенном через ров мосту показалась группа шведских офицеров.

- Пардону идут просить, - замстил государь, - давно бы пора.

- Аманаты, чаю, государь, - сказал Шереметев.

Это действительно были заложники, долженствовавшие оставаться в русском лагере до

окончательной сдачи крепости.

Государь принял аманатов милостиво и приказал немедленно изготовить "неутеснительные аккорды".

Условия сдачи крепости, "аккорды", написаны начерно Ягужинским под диктовку государя.

- Вычти их, Павлуша, - говорит он, окруженный всем генералитетом.

Павлуша читает, но государь почти его не слушает: думы его растут, ширятся... перед ним величие России... поражение гордого коронованного варяга, нанесшего ему рану под Нарвой... Рана закрылась... До слуха его отрывками доносятся фразы из чтения "аккордов"...

- ..."с распушенными знамены (это гарнизон Ниеншанца выпускается из крепости), - читает Павлуша, - и с драгунским знаком, барабанным боем, со всею одеждою, с четырьмя железными полковыми пушками, с верхним и нижним ружьем, с принадлежащим к тому порохом и пулями во рту"...

"Зачем с пулями во рту?" - думает Павлуша.

Царь по-прежнему мало вслушивается в чтение: он загадывает далеко-далеко вперед!.. Душа его провидит будущее...

Он глянул на своего сына. Апатичное, как ему показалось, лицо царевича неприятно поразило его...

"Этому все равно... Он не понимает того, что совершилось, что о!.. Скорей в глазах Павлуши я вижу сие понимание..."

А Павлуша между тем думал о... Мотреньке.

Но он продолжал, думая о Мотреньке, читать "аккорды". Когда же он дочитал до того места, где было сказано, что выпущенный из крепости гарнизон Ниеншанца переправляется через Неву на царских карбасах, чтоб потом дорогою, проложенною к Копорью, следовать на Нарву, - царь остановил его...

- Постой, Павел, - сказал государь, - будем милостивы до конца. Аманаты просили меня отправить их не к Нарве, а к Выборгу, быть посему. Так измени и сие место в аккордах.

Ягужинский исполнил приказ царя.

- Государь милостивее Бренна, - заметил как бы про себя Ламберт, - не кладет свой меч на весы и не говорит: "Vae victis!"

- Какой Бренн? - спросил Петр.

- Вождь галлов, государь... Когда галлы взяли Рим в 390 году до Рождества Христова, то, по свидетельству Ливия, Бренн наложил на римлян дань или контрибуцию в тысячу фунтов золота, и когда римляне не хотели платить этой дани, то Бренн на чашу весов с гирями бросил еще свой тяжелый меч и воскликнул: "Vae victis!" - горе побежденным!

- Я сего случая не знал, - сказал государь, - да и чему меня учили в детстве!.. Я токмо то и знаю, до чего сам дошел своим трудом.

Государь глянул на Ягужинского, и тот продолжал читать:

- "А чтобы его царского величества войска и подъезда их не беспокоили и не вредили, конвоировать оных имеет офицер войск российских".

Само собою разумеется, что с гарнизоном выпускаются жены, дети и слуги, раненые и больные, а равно желающие того обыватели и чиновные люди.

- "Гарнизон получает со всеми офицеры на месяц провианту на пропитание, - продолжал читать Ягужинский. - Его царского величества войско не касается их пожитков, чтобы гарнизону дать сроку, пока все вещи свои вывезут".

Ропот одобрения прошел среди собравшегося генералитета.

За приведением в исполнение аккорда прошел весь день 1 мая, и только в десятом часу вечера преображенцы, в рядах которых выступал царевич Алексей Петрович, заняли город; цитадель же заняли семеновцы.

Для приема найденных в крепости артиллерийских и других воинских запасов составлена была из офицеров особая комиссия, члены которой, по докладу счетчиков, всю ночь на 2 мая составляли ведомости найденного добра.

Всю ночь в "чихаузе" слышалось:

- Крепостных пушек восемьдесят без двух.

- Сто девяносто пять бочек счетом.

- Запасец не маленький... этого добра нам надолго хватит.

- Рад будет государь, да и старому Виниусу дела поубавится.

- Ядер, картечи, туфл, банников, фитиля, колец, огненных люст... люст... вот и не выговорю, - слышалось у другого стола.

- Люсткугелей...

- Точно... Эко словечко!..

- Ну, дале говори.

- Гранат, канифолии, серы...

У третьего стола докладывали:

- Подъемов, гирь медных и железных, ломов, стали, гвоздей, топоров, котлов, рогаток, свинцу, железа, цепей железных, якорей, труб медных пожарных...

- Экая прорва!.. У меня и пальцы одеревятели, записались...

Только уже утром 2 мая, после торжественного благодарственного молебствия за дарованную его пресветлому царскому величеству и христолюбивому российскому воинству знатную викторию, которая оглашена была троекратной пушечной пальбой и беглым ружейным огнем, комендант Ниеншанца, теперь уже просто полковник Опалев, окруженный своими офицерами, вручил Шереметеву ключи от несчастной крепости.

- Бедные! - шепнул Нейдгарт Глебовскому. - Какие печальные лица!.. Что-то ждет их там впереди?.. Что-то скажет король?..

- Не дай Бог из нас никому быть на их месте, - вздохнул Глебовский.

Вечером того же 2 мая Павлуша Ягужинский, сопровождавший государя вместе с Меншиковым, Шереметевым и Ламбертом при осмотре стен только что завоеванной крепости, внезапно остановился и стал во что-то пристально всматриваться, приложив ладонь ко лбу над глазами в виде зонтика.

Петр заметил это.

- Ты на что так воззрился, Павел? - спросил он. - Я чаю, "мои глаза" заприметили что?

- Кажись, государь, наш карбас поднимается сюда с низу Невы, отвечал Ягужинский, продолжая всматриваться.

- Дай-ко трубу, Данилыч, - сказал государь Меншикову.

Меншиков подал царю подзорную трубу. Государь, положив ее на плечо своего денщика, тоже стал всматриваться в двигавшуюся по Неве по направлению к крепости черную точку.

- Малость придержи дух, не дыши, - сказал он.

- Так и есть, наш карбас, - сказал он через минуту.

- Должно, с вестями от сторожевого отряда, - заметил Меншиков.

- Не показались ли шведские корабли на море? - сказал Петр в волнении.

Тотчас все спустились со стены, чтоб идти навстречу приближавшемуся карбасу.

Пока государь с сопровождавшими его дошел до мостков, где должен был пристать карбас, на мостки уже выскочил мичман, управлявший карбасом, и отдавал государю честь.

- С какими вестями? - быстро спросил Петр.

- Имею честь доложить вашему царскому величеству, что на море от острова Реттусари показалась шведская флотилия с адмиральским кораблем в главе, - бойко отрапортовал молодой мичман, один из первых русских "навигаторов", уже отведавший навигаторской мудрости в Голландии и в Венеции.

- Что ж они, идут прямо в Неву?.. - еще торопливее спросил Петр.

- Нет, государь; они раньше не войдут в Неву, пока из Ниеншанца не ответят им условным сигналом.

- Ты как же о сем проведал? - оживился Петр, и глаза его радостно сверкнули.

- Проведал я о сем, ваше величество, от лоцманов, кои проводят оные корабли в Неву.

- А где ты их видел?

- Они здешние, государь, рыбаки и живут на острове Хирвисари, где имеются ихние тони. Им дно Невы и все ее глубины и мели ведомы, как своя ладонь.

- Спасибо, мичман! - радостно проговорил государь. - Спасибо, лейтенант!.. С сего часу я возвожу тебя в чин лейтенанта.

- Рад стараться, ваше царское величество!.. - в радостном волнении пробормотал новый лейтенант.

- В чем же состоит их сигнал? - спросил Петр.

- В двух пушечных салютах с адмиральского корабля, на каковой салют из крепости ответствуют тоже двукратными выстрелами.

Взор государя выражал нескрываемое ликование.

- Будем ждать одного салюта и отсалютуем им тем же! - весело проговорил Петр.

Потом, несколько подумав, царь спросил:

- Для чего ж сии салюты так издалека?

- Для того, государь, чтобы прибывшие корабли ведали, что крепость обретается в благополучии и проходу кораблей к крепости Невую не угрожает неприятель.

- И мне таковая же мысль пришла в голову, - вымолвил Петр.

Действительно, в скором времени издалека, от моря, донеслись, хотя очень глухо, два выстрела. Русский пушкарь, заблаговременно поставленный у вестовой крепостной пушки и получивший инструкцию, что ему делать в случае салюта со взморья, отвечал такими же выстрелами.

- "Поцелуй Иуды" - скажет почтенный полковник Опалев, услышав наш ответ, - злорадно улыбнулся Меншиков.

- Сей салют - плач крокодила, - как бы про себя заметил Ягужинский.

- Почему "плач крокодила"?.. - спросил Шереметев, не особенно сведущий в естественной истории.

- Я читал, что в Египте, в Ниле, крокодилы, желая привлечь свою жертву к Нилу, к камышам, жалобно кричат, подражая детскому плачу, и посему, ежели человек притворно плачет, дабы обмануть кого своими слезами, сии слезы и называются крокодиловыми слезами, - отвечал Павлуша.

- Павел у меня во всем дока, - весело сказал государь.

- И точно, государь, малый у тебя собаку съел, - добродушно рассмеялся Шереметев.

"Ниеншанцкий крокодил" продолжал плакать и третьего и четвертого мая...

Вечером 5 мая из засады, устроенной русскими в камышах у устьев Невы, увидели, что от шведского флота отделились два корабля и, войдя в устье Большой Невы, бросили якорь против самой засады: в ожидании, конечно, лоцманов. И карбас молодого лейтенанта стрелою полетел к Ниеншанцу с новою важною вестью.

Вестей с засады государь ожидал с часу на час. Его удивляло и приводило в гнев то обстоятельство, что шведская эскадра вот уже четвертый день стояла на одном месте, не приближаясь к устью Невы. В открытом море атаковать ее простыми карбасами было положительно невозможно: их бы шведские ядра потопили один карбас за другим, не допуская до абордажной схватки на ружейный выстрел.

Поэтому, когда из лагеря заметили приближение карбаса нашего лейтенанта, то государь пришел в сильное волнение. Быстрыми шагами он направился к мосткам причала лодок.

- Должно, что зело важные вести везет гонец, - заметил Меншиков, стрелой летит карбас.

- А мне сдается, что он стоит на месте, - возразил Петр.

- От нетерпения сие кажется тебе, государь.

Карбас еще не успел коснуться мостков, как brave лейтенант перелетел на мостки и вытянулся перед государем...

- Что? - мог только сказать последний. - Короче!

- Сейчас, государь, два корабля отделились от эскадры и легли на якорь в устье Большой Невы в ожидании лоцманов.

- Какого типа и калибра корабли?

- Четырнадцатипушечная, государь, шнява "Astrel" и десятипушечный бот "Gedan".

- Спасибо, капитан-поручик Сенявин! Я сеи радостные вести никогда не забуду!

И государь горячо обнял молодого навигатора.

- Скоро выскочил в капитаны, - шепнул Шереметев Меншикову.

- Поистине достойно заслужил, - ответил шепотом же последний.

22

Нетерпение государя схватиться наконец с победителями под Нарвой в морском бою было так велико, его так неудержимо влекло к себе море, все еще "чужое" море, что он тотчас же, в тот же вечер, с разрешения главнокомандующего, генерал-фельдмаршала Шереметева, посадил на тридцать карбасов преображенцев и семеновцев и, отдав последних под команду Меншикова как поручика бомбардирской роты, пустился вниз по Неве, чтоб во что бы то ни стало добыть морские суда, залетевшие в устье его Невы из околдовавшего его душу европейского рая.

Одно, что неприятно волновало царя, это полусвет палевой ночи...

"Нельзя будет врасплох накрыть врага... Ах, эти чухонские ночи!" сердился в душе государь.

Но флотилия продолжала двигаться, стараясь держаться в тени, отбрасываемой береговыми лесами.

Об этом говорит и автор "Панорамы Петербуга".

"Погода, - пишет Башуцкий, - сначала тихая и светлая, не благоприятствовала предприятию русского монарха, но мало-помалу ветер изменялся, тучи скоплялись, и вскоре после полуночи, обложив небо непроницаемою пеленою, разразились проливным дождем.

Флотилия, достигнув входа в речку Кеме, ныне Фонтанку, разделилась на два отряда. Государь со своими пятнадцатью карбасами с преображенцами вступил в Малую Неву и, огибая берега острова Хирвисари - ныне Васильевский, тихо подвигался к взморью. Меншиков же с остальными пятнадцатью карбасами с семеновцами вошел в Фонтанку".

Достигнув устьев этих рек, обе флотилии остановились, ожидая под покровом бурной ночи благоприятного для нападения времени.

"Через несколько часов ожидания, - продолжает историк Башуцкий, благоприятное время настало, и посреди мрака и бури Оссиановской ночи Петр, в поте лица трудившийся для России, ударил с двух сторон на изумленных неприятелей. Пример вождя одушевил предводимых. Под градом ядер, гранат и пуль, сыпавшихся на царскую флотилию не только с абординированных судов, но и с остальной эскадры, вступившей под паруса в намерении их

выручить, но остановленной мелководьем, взлетели русские на суда, где смерть являлась во всех видах. Ни губительное действие неприятельских выстрелов, ни отчаянные усилия защищавшихся не спасли сих последних от угрожающей им смерти. Царь с гранатой в руке вошел первый на шняву, и через несколько минут оба судна находились в его власти. Из 77 человек, составлявших их экипаж, только 19 сохранили жизнь ценою плена".

Ночь, первая ночь после первой морской победы...

Кругом сон, сон и над завоеванною крепостью, и над лагерем войска.

Не спит один Петр. Он тихо, чтоб не разбудить денщика, выходит из своей палатки и идет еще раз, в уединении, без посторонних глаз, взглянуть на дорогое приобретение. Душа его ищет уединения.

Медленно приближается он к стоящим на Неве кораблям, которые в дымке палевой весенней ночи кажутся такими великанами в сравнении с крохотными лодками-карбасами.

Долго стоит он в задумчивости. Казалось, что в такой же тихой задумчивости и Нева спокойно и величаво катит свои многоводные струи к морю, уже окрашенному первою победною кровью.

В уединении, в глубокой задумчивости, он не подозревает, что его юный денщик, которого он считал спящим, раздвинув немного полу палатки, следит за ним издали, и Павлуше кажется в дымке весенней ночи, что на берегу стоит исполин.

Да, это был действительно исполин...

Невольно, представляя себе этот великий момент в жизни русского исполина, поддаешься гипнозу гениального стиха великого поэта - стиха, относящегося к этому именно великому моменту:

На берегу пустынных волн

Стоял он, дум великих полн,

И вдаль глядел. Пред ним широко

Река неслася; бедный челн

По ней стремился одиноко.

По мшистым, топким берегам

Чернели избы здесь и там,

Приют убогого чухонца;

И лес, неведомый лучам

В тумане спрятанного солнца,

Кругом шумел.

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу.

Здесь будет город заложен

Назло надменному соседу.

Природой здесь нам суждено

В Европу прорубить окно,

Ногою твердой стать при море.

Сюда по новым им волнам

Все флаги в гости будут к нам,

И запируем на просторе.

И в его возбужденном, вдохновенном воображении здесь, на этой многоводной Неве, уже развевались флаги всего мира, величаво двигались великаны-корабли; произведения вселенской стекались к этим пустынным берегам, чтобы потом из этого "нового сердца России" стремиться внутрь страны по всем ее водяным и сухопутным артериям движения, а к новому сердцу, обратно, притягивать живую кровь и соки производительности и избыток их выбрасывать из сердца во все концы мира...

Творческая мысль лихорадочно работает, созидает, обновляет... Нет предела для созданий его мысли, нет конца гениальным замыслам... Его великая душа стремится объять необъятное...

"Окно в Европу!.. Нет, мало того! Все двери настежь, великие объятия великой страны - настежь!.. Я взял море, оно теперь мое, и моими станут все океаны... Никогда не будет заходить солнце в моей стране... Уже совершилось небывалое... Завтра же повелю монетному двору выбить медаль с написанием на оной: "Н е б ы в а л о е б ы в а е т"...* Завтра же отправлюсь выбрать место для заложения крепости моей новой столицы... А там, приходи, швед, милости просим"...

---

* И такая медаль действительно была выбита и пожалована всем участникам морской баталии.

Уже совсем рассветало, когда государь возвращался к своей палатке.

Проходя мимо ставки царевича Алексея Петровича, он услышал там голоса.

"И Алексей не спит, - сказал про себя государь. - А може, встал уже".

И царь вошел в палатку сына. Там он увидел старого полкового священника, который, сидя рядом с царевичем, показывал ему что-то в раскрытой перед ним рукописи.

При виде государя царевич и священник быстро встали.

Подойдя под благословение и поздоровавшись с царевичем, государь спросил:

- Что это у вас за рукописание?

- Летописец, государь, древний, - отвечал священник. - И я вот показываю благоверному царевичу знамение, его же Господь и сподоби и тебя, благоверный государь.

- Какое знамение?

- А то знамение, государь, что брезе реки сей и на море родичи твои, святые мученики Борис и Глеб, помогаша тебе одолети врага, как помогли они, во время оно, сродственнику твоему, святому благоверному князю Александру Невскому, сокрушити врагов на сих же невских берегах. И zde, в сем же летописце, оное знамение и чудо записаны.

Государь взял рукопись, раскрытую на том месте, где летопись повествовала о видении старца Пелгусия и о поражении шведов новгородским князем Александром Ярославичем на берегах Невы при чудесной помощи святых Бориса и Глеба.

- Сказание о старце Пелгусии мне ведомо, а токмо как оно записано в летописце, сего я не читал, - сказал Петр.

- Так прочти, государь, - сказал священник, - и царевич послушает.

Заинтересованный, царь стал читать:

- "Бе некто муж, старейшина в земли Ижорской, именем Пелгусий. Поручена бе ему стража морская. Восприять же святое крещение и живеше посреде рода своего, погана суца, и наречено бысть ему имя в святом крещении Филипп. Живяше богоугодно, в среду и пяток пребывания в алчбе, там же сподоби его Бог видению страшну. Уведав силу ратных..."

- То были рати шведского короля Бергеля, государь, - пояснил священник.

- Бергера, а по другим - Биргера, - поправил его государь, и продолжал чтение: - "И иде оный Пелгусий противу князя Александра, да скажет ему стани, обрете бо их. Стоящую же ему при краи моря, стрегущи обои пути и пребысть всю ночь в бдении. Яко же нача выходить солнце, и услыша шум страшен по морю, и виде насад (судно) един гребущ, посреди же насада стояща Бориса и Глеба в одеждах червлених, и беста руки держаще на рамах, гребцы же сидяща аки в молнию одеяны. И рече Борис: "Брате Глебе! Вели грести, да поможем сроднику своему Александру". Видев же Пелгусий таковое видение и слышав таковой глас от святую, стояще трепеть, дондеже насад отыде от очию его. Потом скоро поехал к Александру, он же виде его радостными очима, исповеда ему единому, яко же видя и слыша. Князь же отвеща ему: "Сего не рци никому же..."

Петр остановился в задумчивости.

- И меня, государь, сподоби Господь такова же видения, - проговорил священник.

- Как? И тебе было видение? - с недоверием спросил государь.

- Было, о царю! - торжественно воскликнул священник. - Я видел, государь, как рядом с тобою взыде на большой свейский корабль святой Борис, огненным мечом поражая свеев, а Глеб стояще поруч с Александром Данилычем, на меньшем корабле, посекая огненным же мечом врагов нашей церкви.

- И ты все это видел? - с улыбкою спросил царь.

- Видех, государь, в нощи, в сонии, - смело отвечал попик.

- А! Во сне?

- В сонии, государь, духовными очима.

- А! Духовными...

Государь взглянул на царевича.

- Я верю... Без веры нет спасения... Вера - сила необоримая, - тихо сказал государь. - В Евангелии читается: "Аще имати веру яко зерно горушно, - говорил Христос ученикам, - и рече-то горе сей: - "Преиди отсюда" - тамо и преидет..."

- Аминь, - подтвердил попик и многозначительно глянул на царевича.

23

В тот же день государь собрал военный совет для решения важного государственного дела: в каком месте при устьях Невы заложить крепость и новую столицу Российского государства?

Перед открытием совета генерал-адмирал Головин, первый в России кавалер знатнейшего ордена св. Андрея Первозванного (вторым был гетман Мазепа), торжественно возложил знаки этого ордена на главных виновников морской победы над шведами - на самого царя и его любимца, Меншикова. Таким образом, государь был третьим кавалером высшего в России ордена.

Военный совет постановил: тотчас же отправиться в полном составе для всестороннего осмотра всех устьев Невы, ее дельты и всех омываемых устьями Невы островов.

Маленькая флотилия, проследовав Большою Невою все ее течение, вышла на взморье.

Шведский флот все еще стоял неподвижно против устья Большой Невы, но на таком расстоянии, что пушки его не могли досягать до скромной флотилии русских карбасов, как бы дразнивших собою шведских великанов. С кораблей заметили царя и его приближенных. Зрительные трубы шведских капитанов направились на дерзкие лодчонки.

Меншиков снял шляпу и замахал ею в воздухе...

- Здравствуйте, други, несолоно хлебавши! - крикнул он.

Государь весело рассмеялся. Взор его выражал вдохновенное торжество.

- Близок локоть, да не укусишь, - сказал он.

- Они грозят кулаками, государь, - заметил Ягужинский. - Зоркие глаза Павлуши заметили эту бессильную угрозу.

- Кабы мы не лишили их лоцманов, нам бы не справиться с Нумерсом, серьезно заметил генерал-адмирал. - Кстати же и ветер им на руку с моря.

- Да и вода поднимается, им же на руку, - сказал и государь.

Головин, сам правивший рулем на царском карбасе, командовал гребцам, и царский карбас вместе с другими стал огибать, по взморью, остров Хирвисари, ныне Васильевский, чтобы войти в Малую Неву.

- И чего они стоят в море? Чего ждут? - говорил Петр.

- Подмоги, чаю, государь, сухопутной, либо от Выборга, либо от Нарвы, - заметил Головин.

- Добро пожаловать! - сверкнул глазами Петр. - Мои молодцы теперь уже не те, что были под Нарвой, наука нам впрок пошла.

Долго маленькая флотилия плутала по лабиринту всех рукавов Невы. Обогнув остров Хирвисари со взморья, она проследовала Малой Невою вверх, мимо острова Койвисари, ныне Петербургской стороны, и мимо маленького острова Иенисари, где ныне крепость, и повернула в Большую Невку, следуя мимо острова Кивисари, ныне Каменного, мимо

Мусмансгольма, ныне Елагина, и, обогнув остров Ристисари, ныне Крестовский, Малою Невкою вошла опять в Большую Невку.

На всем останавливался взор царя, все обсуждала и взвешивала его творческая мысль, во все вникал его всеобъемлющий гений.

- Сими дыхательными путями будут дышать великие легкие моей России, говорил он в каком-то творческом гипнозе.

- Отдушины знатные, - согласился Головин.

- Воды что в Ниле, - продолжал государь. У него из ума, по-видимому, не выходил Александр Македонский с его новой столицей в дельте Нила.

Меншиков, умевший отгадывать мысли царя, заметил:

- А, поди, он, Александр Филиппович, не с таким тщанием, как ты, государь, изучал дельту Нила.

- Да у Александра Филиппыча, чаю, не стоял за спиной Нумерс со шведским флотом, как ноне у меня, - проговорил Петр.

Карбасы, выйдя из Большой Невки, снова повернули вниз по Большой Неве.

- Стой! - сказал царь, когда его карбас поравнялся опять с островом Иенисари. - Осмотрим сие место.

Карбас причалил к берегу. Все вышли на островок и исследовали его со всех сторон.

- Государь! - вдруг радостно воскликнул Павлуша Ягужинский. - Изволь взглянуть наверх.

- Что там? - спросил Петр.

- Над тобою, государь, кружит царь-птица! - с юношеской живостью говорил Павлуша. - Орел над тобой, государь, - счастливое знамение.

- Откуда тут быть орлу? - удивился царь.

- А вон и гнездо на дереве, государь, - сказал Меншиков.

Огромная шапка, точно гнездо аиста, чернелась между ветвей с начинавшими распускаться зелеными листьями.

- Знамение, знамение! - радовался Ягужинский. - Такой же орел кружил над Цезарем, когда он переходил через Рубикон.

Государь задумчиво следил за плавными взмахами гигантских крыльев царственной птицы.

- Какой полет! - тихо заметил он.

- Твой полет, государь, - сказал Меншиков.

Исследовав островок Иенисари и его окрестности, государь остановился на решении, что лучше этого островка для сооружения крепости и быть не может.

- Кругом вода, и никаких рвов копать нет надобности, - говорил он возбужденно. - Сие место не Ниеншанцу чета! Мимо сего островка, чаю, не токмо корабля с моря, но и рыбацкая лодка не проскользнет. А по другим рукавам Невы большим судам ходу нет. Назло братцу моему

Карлу я новую свою столицу срублю моим топором на его земле, на сей стороне Невы, на острове Койвисари, а на левой стороне Невы разведу огород на славу, сей огород украшу статуями, каковые я видел в Версале, и назову сие место "Парадизом". Самый же город расположу на острове Хирвисари. А по малом времени, чаю, с Божьей помощью, и на левую сторону Невы перекину город.

- А орел все кружится, - не переставал радоваться Ягужинский. Теперь я вижу, что на гнезде сидит орлица.

- Ну, Павлуша, - ласково проговорил Петр, - не вывести уж тут ей своих орлят.

- Почему, государь?

- А потому, что завтра же мой топор учнет тут ходить по деревьям, сказал Петр. - И будет прочна моя тут постройка: стоять ей здесь, пока земля стоять будет, и солнце по нему ходит.

Окончательно было решено: на Иенисари заложить крепость, а новую столицу - там же, только за протоком, на острове Койвисари, что ныне Петербургская сторона.

Возвращаясь после этого в лагерь, государь долго погружен был в думы; но Меншиков и Ягужинский, привыкшие читать в его душе по глазам и по лицу, понимали состояние этой великой души... То, о чем он по целым дням и ночам мечтал в своем рабочем покое в Москве, к чему с неудержимую страстию рвались его думы, теперь достигнуто им. Нева - это окно в Европу, - его река! "Чужое" море - теперь его море!

- Там я заложу верфь, - указывал он на левый берег Невы, где ныне адмиралтейство. - Здесь - артиллерийский парк, - указал он на берег Выборгской стороны.

Потом, обратясь к артиллерийскому полковнику Трезини, родом итальянцу, Петр сказал:

- Тебе работы будет по горло.

- Рад служить великому государю, - поклонился Трезини.

- Чаю, не позабыл своей науки, живучи у московских варваров?

- Архитектуры, государь? - спросил Трезини.

- Да, стройки, да только вечной, как вечен ваш Рим.

- Думаю, государь... Но построить новый Рим - не хватит человеческой жизни, - отвечал бравый потомок Гракхов. - Даже о Коринфе старая римская пословица говорит: *Alta die solo non est exstructa Corinthus*.

- А сие что означает?

- "И Коринф построен не в один день".

- А у нас, государь, у немцев, имеется такая же пословица о Риме, сказал полковник Рене: - *Rom ist ninct auf einmal erbaut*.

Но государь, кажется, все забыл, когда карбас его поравнялся с шведскими великанами, отбитыми столь молодецки, кораблями "Астрель" и "Гедан". Глаза его сверкнули гордою радостью.

- Данилыч! - окликнул он Меншикова, сидевшего около Головина.

- Что изволишь приказать, государь? - отозвался тот.

- Сегодня же посылай гонца в Новгород к митрополиту Ионе с указом, чтоб не помедля прибыл сюда для освящения мест под крепость и новую столицу.

- Слушаю, государь, а к какому дню?

- К Троице.

Так жаждала великая душа заложить первый камень на том месте, где теперь раскинулся на сотни квадратных верст великий город с его величественными храмами, дворцами, город с его миллионным населением, с парками, садами, всевозможными учебными заведениями, город, изрезанный стальными полосами рельсов, опутанный паутиною телеграфных и телефонных проволок, из которого исходят повеления вплоть до бурных вод бурного Тихого океана...

Как было не трепетать великой душе, провидевшей мировую миссию своего народа в будущем!

24

Настал, наконец, желанный день.

К 16 мая войска, взявшие Ниеншанц и овладевшие всею Невою и ее дельтою и стоявшие лагерем - пехота по ту сторону Невы, а кавалерия - на левом ее берегу, все придвинулись к месту закладки крепости и новой столицы. Невская флотилия, на которой прибыли войска к месту закладки, так запрудила берега Иенисари и ближайшие берега Койвисари, что прибывший из Новгорода владыка Иона с собором всего духовенства, с хоругвями и образами, а затем и государь с блестящею свитою только с помощью удивительной распорядительности Меншикова, уже назначенного губернатором будущей столицы, могли свободно пройти к месту молебствия и закладки.

Ярко отливали на солнце андреевские ленты новых кавалеров - самого государя, Меншикова и старого Головина. Богатые ризы духовенства из золотой парчи, украшенная драгоценными камнями митра Ионы, искрившиеся золотом и алмазами иконы, блестящее вооружение войска - все как будто говорило: "Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в он..."

Да, это был великий день на Руси.

Началось молебствие.

Павлуша Ягужинский, стоявший около царя, почти не спускал восторженных глаз с его лица. Никогда он не видел такого, казалось, лучезарного лица!

В руках Павлуши находился небольшой золотой ларец. Когда юный денщик все же опускал глаза на ларец, то машинально повторял шепотом слова, начертанные на его крышке:

"От воплощения Иисуса Христа 1703, мая 16, - шептали губы Павлуши, основан царствующий град Санкт-Петербурх великим государем, царем и великим князем Петром Алексеевичем, самодержцем Всероссийским".

По окончании молебствия митрополит окропил святою водою царя, его свиту и выстроенные полукругом шпалерами войска.

- Александр Данилыч, подай лопату, - сказал государь. Меншиков, взяв железную лопату у стоявшего на фланге великана Лобаря, подал царю.

Поплевав на руки, как это делают настоящие землекопы и плотники, государь глубоко засадил заступ в землю, где должен был находиться центр закладки, разом выворотил громадную глыбу влажного грунта.

- Вишь, и на руки поплевал, и впрямь, что твой землекоп...

- Эвона, какой комище выворотил, - перешептывались между собой преображенцы.

А Лобарь, глядя на работу царя-исполина, думал себе:

"Поди, и я не осилил бы царя-батюшку... Вишь, как засаживает! Того и гляди заступ вдребезги..."

Меншиков, взяв другой заступ, тоже стал копать рядом с царем.

Не утерпел Лобарь, завидки взяли: захотел померяться силою с государем и взял заступ у соседа.

Вывороченная глыба оказалась больше государевой. Последний заметил это и улыбнулся.

- А! И дядя Терентий пристал к нам, - сказал он. - Спасибо.

- Рад стараться, государь-батюшка, - отозвался Лобарь, выворачивая горы черного грунта.

Тогда бросились с заступами и другие преображенцы, и в несколько минут яма была готова.

- Подай ларец, Павел, - обернулся государь к Ягужинскому.

Тот подал. Между тем солдаты опустили в яму выдолбленный из гранита четырехугольный ящик, и митрополит окропил его святою водою.

Тогда государь, припав на колени, вложил ларец в ящик и, прикрыв его дерном, тут же собственноручно вырезанным, торжественно возгласил:

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! Основан царствующий град Санкт-Питербурх!

В основу этого города положена, в золотом ларце-ковчеге, частица от апостола Андрея Первозванного.

Это - глубокий религиозно-национальный символ. Известно, что Андрей, брат апостола Петра, был "первым призван" (отсюда - Первозванный) спасителем в свои ученики, и он же первый принес слово Евангелия чрез Малую Азию и Черное море к нам в Скифию, и, по преданию, на месте будущего Киева, водрузив крест, сказал уже своим ученикам: "На сих горах воссияет благодать Божия и воздвигнется великий град". Оттуда апостол доходил даже до Ильменя.

Едва произнесены были последние слова государем, как все опять увидели в небе парящего орла и приняли его за знамение*.

---

* Сказание об орле - не измышление автора, а исторический факт.

В тот же момент воздух потрясен был пушечными выстрелами с стоявшей у берега невской флотилии и этим залпам вторили крепостные орудия со стен Ниеншанца.

Затем, под гром орудий, государь вместе со свитой, предшествуемый митрополитом и духовенством с хоругвями и образами, двинулся в глубь островка Иенисари и, остановившись

у протока Иенисари от Койвисари, подозвал к себе Ягужинского, у которого теперь в руках был царский топор.

- Подай топор, - сказал государь, ища что-то горевшими вдохновением глазами.

И он нашел. Это были две стройные, высокие березы.

Царь срубил их, обтесал, заострил собственноручно стволы и приказал инженер-генералу Ламберту выкопать в земле две глубокие лунки, на расстоянии нескольких сажен одна от другой.

- Ишь как ловко тешет, - переглядывались меж собой семеновцы.

- Не диво: в Галанской земле, сказывают, он, батюшка, сам доски тесал и стругал и сам корабли строил.

- Ну, и дока во всем, храни его, Господи.

Тогда государь связал верхушки срубленных берез и вставил стволы их в готовые лунки, так что березы образовали проход, подобие арки или триумфальных врат.

- Это что ж будет? - переглядывались семеновцы.

- А это называется... как бишь его?

- Трухмальные порты.

- Порты! Что ты! Эко слово брякнул!.. Там, вишь, святые образа и сам владыка, а он - на! - порты!

- Порты - трухмальные порты и есть! - настаивал сведущий в этом деле семеновец. - Так, чу, за морем повелось: коли ежели какой праздник, так все проходят в трухмальные порты, кои бывают каменны и обвешиваются зеленью, как у нас в семик либо на Троицу.

- Да у нас ноне Троица и есть.

Государь между тем снова взялся за заступ и наметил места закладки крепостного рва и ворот.

Чтобы видеть, сколько предстояло трудностей для создания новой столицы, приведем слова автора "Панорамы Петербурга":

"Поднятие низменного острова Иенисари, расчистка земли, вырубка леса, построение крепости и домов и другие работы требовали большого числа рук, и потому царь, употребив на сии работы сначала бывшие у князя Репнина войска, также ингерманландцев, повелел прислать из России тысячи рабочих и мастеровых, равномерно казаков, татар и калмыков, присоединяя к ним значительное число пленных шведов, так что того же лета сорок тысяч человек, разных племен и наречий, разделенных на две очереди, трудились над созданием Петербурга. Казенные работники получали от казны только пищу, а вольные сверх оной и плату, по три копейки в сутки. По недостатку в инструментах и землекопных орудиях большая часть работы производилась голыми руками, и вырытую землю носили на себе в мешках или даже в полах платья. Если к сему прибавить, что работавшие не имели не только жилищ, но даже необходимого крова и нередко томились голодом, ибо не всегда успевали доставлять им потребное количество съестных припасов, то можно вообразить, каких невероятных трудов и усилий стоило первоначальное обстроение Петербурга. Но того требовали обстоятельства, того требовала польза целой России".

В коротких словах: создание Петербурга Державным Плотником - это была борьба титана с природою и стихиями, и титан победил, положив основание городу, в котором, как в фокусе государственности, с течением времени сосредоточилась вся интеллектуальная мощь великой страны, ее коллективный государственный ум, ее коллективное законодательное творчество, ее коллективная работа в области наук и искусств - и единой державной воле венчанного потомка Державного Плотника.

ПРИМЕЧАНИЯ

Державный плотник

Впервые - отдельной книгой: Державный плотник. Спб., 1895. Печатается по изд.: Мордовцев Д. Л. Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов: В 33 т. Т. 8. Кн. 20. Спб., 1914.

С. 132. Э п и г р а ф - из стихотворения А. С. Пушкина "Стансы" (1826).

...д е н щ и к е г о, П а в л у ш а Я г у ж и н с к и й... - Павел Иванович Ягужинский (1683 - 1736). Сын органиста лютеранской церкви, один из ближайших сподвижников Петра I, в конце жизни - генерал-прокурор сената.

С. 133. Б а р к а л о н ы - суда для Азовского флота, итальянского образца, строились с 1698 по 1700 год.

Б а р б а р с к и е с у д а (берберские) - турецкого образца, строившиеся в подвластных Турции североафриканских провинциях.

С. 134. ...т е т р а т и... - Так в то время писали и говорили.

С. 136. ...в П р е о б р а ж е н с к и й п р и к а з, к к н я з ь-к е с а р ю... - то есть к Ромодановскому Федору Юрьевичу (ок. 1640 - 1717), ведавшему делами по политическим преступлениям.

...с с ы л к а м и н а "Е ф р е м а С и р и н а о б а н т и х р и с т е", н а "А п о к а л и п с и с", н а "М а р г е р и т". - Е ф р е м С и р и н (умер в 373 году) - церковный писатель, книга его "Поучений" была издана в Москве в 1647 году; Апокалипсис - Откровение Иоанна Богослова (последняя книга Нового завета) книга пророчеств; М а р г е р и т - книга избранных бесед Иоанна Златоуста, византийского церковного деятеля и писателя IV - V вв.

...д л я... п о х о д а п о д А з о в... - имеется в виду поход 1696 года, закончившийся взятием этой турецкой крепости.

С. 139. ...н а ш о т е ч е с т в е н н ы й Т о р к в е м а д о... Торквемада Томас (ок. 1420 - 1498) - глава испанской инквизиции (великий инквизитор). Инициатор изгнания евреев из Испании (1492).

Б о я р и н к н я з ь И в а н И в а н о в и ч Х о в а н с к о й... и з "т а р а р у е в ц е в"... - "Тараруем" (пустомелей) называли князя Ивана Андреевича Хованского (? - 1682), отца героя. В 1682 году, будучи во главе Стрелецкого приказа, во время московского восстания стрельцов выступил против правительства Софьи; был казнен.

С. 140. Р а с п о п - поп-расстрига, с которого снят священнический сан.

Б а т ы р щ и к - типографский работник, печатник.

С. 143. Б а р м ы - драгоценное оплечье, украшавшее великокняжеское или царское платье. С XV века - одна из необходимых регалий при короновании.

С. 144. А н а л о й - высокий столик с наклонным верхом для богослужебных книг и икон.

С. 146. ...П а в л о в ы-д е т в о и у с т а... - апостола Павла, ученика Иисуса Христа, по церковному преданию, "страждущего в оковах".

С. 148. ...р о д и т е л ь м о й к о р о в о д и л с я с Н и к о н о м... - патриарх Никон пользовался особым расположением царя Алексея Михайловича, до опалы назывался "собинным другом".

С. 149. С т е ф а н Я в о р с к и й (1658 - 1722) - русский церковный деятель, писатель. С 1700 по 1721 год - местоблюститель патриаршего престола. Написал полемическое сочинение против лютеранства "Камень веры".

Е п и ф а н и й С л о в е н е ц к и й (Славинецкий) (? - 1675) русский и украинский писатель и ученый, составитель словарей, переводчик духовных песен и проповедей.

С. 150. К и е в о-М о г и л я н с к а я к о л л е г и я существовала в 1632 - 1817 годах (с 1701 г. - академия). Основана Петром Могиллой, митрополитом Киевским и Галицким, - первое высшее учебное заведение на Украине, центр образованности и книжности украинцев, русских и белорусов.

С и м е о н П о л о ц к и й (в миру Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович) (1629 - 1680) - белорусский и русский церковный деятель, писатель. Полемизировал со сторонниками старой веры. ("Жезл православия", "Новая Скрижаль"). Наставник царских детей, преподавал в школе Заиконоспасского монастыря. Один из организаторов Славяно-греко-латинской академии в Москве. Зачинатель русского силлабического стихосложения.

С. 151. Е к т е н и я - молитва, произносимая в определенные моменты богослужения в сопровождении хора и завершающаяся словами: "господи, помилуй" и "подай, господи".

С. 152. Б л а ж е н н ы м и л о с т и в ы и... - "Блаженны милостивые, ибо помилованы будут" (Евангелие от Матфея. Гл. 5. 7.).

С. 154. Р а з р е ш е н и е в и н а и е л е я... - по сути, слова князя-кесаря являются богохульством, так как он проводимые им пытки сравнивает с праздником, которому предшествовал пост.

С. 156. ...а т л а б а с о в ы е н а в о л о к и (точнее: алтабасовые) - из шелковой, затканной золотом материи.

...с и д я ч и е б о я р ы н и... - почетные гости на свадьбе, одна из них могла быть посаженой матерью.

С. 157. У б р у с - платок головной (белый).

К а л а ч-п е р е п е ч а - род кулича, сдоба.

С. 158. ...з о л о т ы е "п е н я з и" - старинные золотые монеты.

С. 161. К а п т а н а - колымага, карета, зимний крытый возок.

С. 163. В с у р ь м и д а б у б н ы... - то есть в трубы и бубны ударили.

С. 167. ...С т а р е ц И с о к р а т с о т ч а я н и я у м о р и л с е б я г о л о д о м... - Исократ (436 - 338 до н. э.) афинский оратор и публицист.

С. 167. Р е г и м е н т - полк.

С. 168. С е р д ю к и - казаки-пехотинцы.

С. 170. К н я з ь И в а н Ю р ь е в и ч Т р у б е ц к о й полковник, пробыл в шведском плену десять лет, до размена пленными в 1710 г. В Швеции "прижил" сына - Ивана Ивановича Бецкого, который будет доверенным человеком Екатерины II (по легенде - ее отцом).

п и с ь м о и з М о с к в ы... - описка автора: выше говорится, что молодой князь Трубецкой женится на Ксении Орлениной, а не Головкиной (ч. I, гл. 7).

С. 172. Я к о в Ф е д о р о в и ч Д о л г о р у к и й (1639 1720), князь, сподвижник Петра, его доверенное лицо. Участник Азовских походов. В 1700 - 1710 гг. - в шведском плену.

А в т а н о м (правильно: Автамон) М и х а й л о в и ч Г о л о в и н - генерал, участник Азовских походов, двоюродный брат Федора Александровича Головина, руководителя внешней политики при Петре, фельдмаршала.

С. 175. Ш а к л о в и т ы й Федор Леонтьевич (? - 1689) - фаворит царевны Софьи Алексеевны. Подъячий Тайного приказа, а с 1682 года - глава Стрелецкого приказа. Руководитель заговора против Петра I в 1689 году. Казнен.

С. 176. ...г р о б М и л о с л а в с к о г о... - Иван Михайлович Милославский (? - 1685) - боярин, родственник первой жены Алексея Михайловича, возглавлял борьбу против родственников матери Петра I Нарышкиных, один из организаторов стрелецкого восстания 1682 года.

Л и т и я - богослужение вне храма или в притворе, а также церковное шествие.

А с м о д е й - в библейской мифологии злой дух, глава демонов.

Г о л и ц ы н Б о р и с Алексеевич (1654 - 1714) - князь, дядька-воспитатель Петра. Во время Великого посольства - один из руководителей правительства. Управлял Поволжьем. После Астраханского восстания 1705 - 1706 годов был в немилости у царя.

Л е ф о р т Франц Яковлевич (1655/56 - 1699) - швейцарец, адмирал. С 1678 года на русской службе. Сподвижник Петра. Командовал флотом в Азовских походах.

Ш е и н Алексей Семенович (1662 - 1700) - боярин, генералиссимус (1696). Командовал сухопутными войсками в Азовских походах. Подавил восстание стрельцов 1698 года.

Ц ы к л е р Иван Елисеевич - думный дворянин, наперсник Федора Шакловитого и царевны Софьи. В 1689 году явился к Петру I с сообщением о заговоре, впоследствии получил Верхотурское воеводство, строил Азов. В 1697 году участвует в заговоре против Петра с Соковниным и стольником Пушкиным. Казнен.

С. 176. С о к о в н и н Алексей Прокофьевич - окольничий, участник заговора 1697 года. Казнен.

С. 177. Б о ж е м о й! В с к у ю м я Е с и о с т а в и л! - Боже мой! Для чего ты меня оставил?! (Евангелие от Матфея. Гл. 27. 46.) Последние слова Иисуса Христа перед смертью.

С. 178. О р л о в И в а н - дед будущих "екатерининских орлов", фаворитов братьев Орловых.

С. 186. К а р л т а к р а с п о л о ж и л р я д ы с в о е г о... в о й с к а, н е д о с т и г а в ш е г о 2000, т о г д а к а к у н а с б ы л о 35 000... - сведения не точны. В Нарвском сражении у русских было 35 тысяч войска и 145 орудий, у шведов - 23 тысячи и 38 орудий.

...п о т о м о к Г а р а л ь д а... - автор относит генеалогию Карла XII к последнему англосаксонскому королю Англии Гарольду II (? 1066) который погиб в битве с нормандскими войсками при Гастингсе Дочь Гарольда II была женой Владимира Мономаха.

С. 187. ...б о я р и н Ш е р е м е т е в... У с л ы х а в о н е ч и с т о й с и л е... - эпизод с "нечистой силой" - поэтическая вольность Д. Л. Мордовцева.

С. 188. В е й д е А д а м А д а м о в и ч (1667 - 1720) - русский генерал, сподвижник Петра, участник Азовских походов. В 1700 - 1710 гг. был в плену у шведов. Известен его Воинский устав, посвященный Петру I (1698).

С. 189. ...д у м н о г о д ь я к а В и н и у с а... - А. А. Виниус в начале Северной войны принадлежал к "компаниям" Петра - людям, с которыми царь был в приятельских отношениях; позднее, уличенный во взяточничестве, потерял доверие, отстранен от дел.

С. 190. "К а д и л о м е р з о с т и и м е с т ь" - глаголет Адонай Господь. (Цитата из Библии. Пророк Исайя. 1.11 - 15). - Адонай одно из десяти главных имен Бога: Эль, Элоим, Эльхи, Саваоф, Элион, Эсцерхи, Адонай, Иах, Тетраграмметон, Садаи.

С. 194. ...п о с т р и ч ь н а с и л ь н о ц а р и ц у Е в д о к и ю... - Евдокия Федоровна Лопухина (1669 - 1731) - первая жена Петра I (с 1689), с которой он расстался вскоре после женитьбы; в 1698 году, по настоянию Петра, пострижена в монахини.

...к р ы ж о м у п а л... - то есть упал плашмя, раскинув руки в стороны, как четырехконечный католический крест - "крыж".

С. 198. ...о б ы с к и в а л и в с в о е м с о р о к у... - здесь: в своем околотке, входившем в приход той или иной церкви.

С. 202. Р а д и в и л о в с к и й А н т о н и й (? - ок. 1688) украинский писатель и проповедник. Наместник Киево-Печерской лавры, позднее игумен одного из киевских монастырей. Поучения изданы в книгах: "Огородок Марии Богородицы" (1676) и "Венец Христов" (1688).

Л а з а р ь Б а р а н о в и ч (ок. 1620 - 1693) - украинский церковный деятель и писатель, сторонник объединения Украины с Россией, однако при независимости украинского духовенства от московского патриархата. С 1657 года черниговский архиепископ.

Д м и т р и й Т у п т а л о - Р о с т о в с к и й (Данила Саввич Туптало) (1651 - 1709) - митрополит Ростовский, писатель, поддерживал реформы Петра I с условием невмешательства государства в церковные дела. Составил новую редакцию Четых-Миней, автор антираскольничьих сочинений.

С. 202. Ф е о ф а н П р о к о п о в и ч (1681 - 1736) государственный и церковный писатель, глава Ученой дружины, сподвижник Петра I.

С. 206. Б а т ы р щ и к - см. примеч. к с. 140.

С. 208. ...п р и Г у м е л ь с г о ф е Ш л и п п е н б а х м а л о ш т а н ы н е п о т е р я л. - Шведский генерал Шлиппенбах проиграл Б. П. Шереметеву три сражения с 30 декабря 1701 года по 1 января 1702 года: при Эресфере, Гуммельсгофе и при реке Эмба.

С. 214. ...С о л о м о н к а к о й: д о б ы л с е б е Ц а р и ц у С а в с к у ю... - Соломон - царь Израильско-Иудейского царства в 965-928 годах до нашей эры, сын царя Давида. Предположительно - автор некоторых книг Библии. Его мудрость привлекла царицу Савскую, легендарную правительницу арабского племени на территории современного Йемена.

С. 218. ...г е т м а н И в а н С т е п а н о в и ч... - Мазепа (1644 - 1709) - гетман Украины.

Стремился к отделению Украины от России; после Полтавской битвы бежал с Карлом XII в Яссы.

С. 219. Б е р д ы ш - широкий длинный топор с лезвием в виде полумесяца, на вооружении в пехоте XV - XVIII веков.

С. 221. ...с т р о я к о в ы... - козни.

С. 222. М и х о н о ш а (точнее: мехоноша) - носитель меха, мешка, куда собирали подаяние.

П о к и ю в к и - сенные девки (от: покии (укр.) - покои).

С. 231. ...о к а ж е т с я н и т к о ю А р и а д н ы, и п р и в е д е т е г о в п а с т ь М и н о т а в р а?... - В греческой мифологии дочь критского царя Миноса, Ариадна, помогла юноше Тесею, убившему Минотавра (чудовище, полубык-получеловек, пожиравший периодически по семь афинских юношей и девушек), выйти из лабиринта при помощи клубка ниток, конец которых был закреплен у входа.

С. 234. К р ё з (595 - 546 до н. э.) - последний царь Лидии, обладатель легендарного богатства, был разбит и взят в плен персидским царем Киrom.

С. 236. ...с т е н ы н о в о г о И е р и х о н а... - здесь поэтическое сравнение крепости Нотебурга со стенами Иерихона, в древней Палестине, которые рухнули от звука труб легендарного военачальника, обладавшего удивительной силой, Иисуса Навина.

С. 237. А п р а к с и н Матвей Федорович (1661 - 1728) - граф, генерал-адмирал, сподвижник Петра I. Командовал флотом в Северной войне и Персидском походе (1722 - 1723). С 1718 года - президент Адмиралтейств-коллегии.

С. 242. Ш а н ц ы - укрепления.

С. 243. ...а к к о р д ы п р е д ь я в и т ь... - предложить капитуляцию.

С. 261. ...с е й "С а м с о н" п о б е д и л ш в е д о в... - В библейской мифологии богатырь, обладавший необыкновенной силой, Самсон разрушил храм, под развалинами которого погибли и он сам, и пленившие его филистимляне.

С. 264. С и к у р с - помощь.

С. 273. С е н я в и н - вероятно, дед будущего знаменитого флотоводца, адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина (1763 - 1831).

С. 274. ...п о с р е д и м р а к а и б у р и О с с и а н о в с к о й н о ч и... - то есть ночи, подобной тем, какие изображал Оссиан, легендарный кельтский певец и воин, живший якобы в III веке. В действительности автором песен был шотландский писатель Джеймс Макферсон (1736 - 1796), выдавший свои обработки кельтских преданий и легенд за подлинные песни легендарного певца. Стилю этих песен присущи мечтательность и меланхолия.

С. 279. Н у м е р с - командующий шведской эскадрой, вице-адмирал.

С. 281. ...к а р т и л л е р и й с к о м у п о л к о в н и к у Т р е з и н и... - впоследствии русский архитектор Доменико Трезини (ок. 1670 - 1731), представитель раннего барокко, возводивший Летний дворец (1710 - 1714), собор Петропавловской крепости (1712 - 1733), здание Двенадцати коллегий (1722 - 1734).

С. 285. С е м и к - так называемая "зеленая неделя" ("зеленые святки"), праздновавшаяся на седьмой неделе после Пасхи, - оставшийся от времен язычества праздник лета, плодородия,

сопряжен был с разными крестьянскими приметами и гаданиями.

Р е п н и н Аникита Иванович (1668 - 1726), - князь, русский военачальник, генерал-фельдмаршал (1725), президент Военной коллегии. С детских лет состоял при Петре I, поручик "потешной роты". Участвовал в Азовских походах. В 1708 году за поражение при Головчине разжалован в рядовые, реабилитировал себя в битве при Лесной, восстановлен в чине генерала. Руководил осадой и взятием Риги (1709 - 1710). После смерти Петра - один из тех, кто возвел на престол Екатерину I. Удален от двора Меншиковым в Ригу, где и умер.